

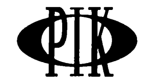
неизвестный Д.С.Лихачев

Неопубликованные материалы из архива Российского Фонда Культуры

К 100-летию со дня рождения

ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА

издание осуществлено при поддержке
РАО ЕЭС России

Москва 2006

Д. С. Лихачев неизвестный

Неопубликованные материалы из архива Российского Фонда Культуры

Москва 2006

УДК 81.3
ББК 63.3
Л13

Сборник подготовлен под научной редакцией
Л.М. Аринштейна

Подготовка текстов, составление,
комментарии, вступительная статья
И.Ю. Юрьевой

Оформление художника
В.С. Голубева

Л13 **Неизвестный Лихачев. Неопубликованные материалы из архива Российского фонда культуры** / Под ред. Л.М. Аринштейна. — М.: Российский фонд культуры, 2006. — 288 с.

ISBN 5-85302-507-4

Сборник составляют ранее не публиковавшиеся выступления академика Д.С. Лихачева. В настоящее время в архиве Российского фонда культуры бережно хранятся стенограммы и протоколы заседаний, в которых принимал участие один из самых видных ученых-гуманитариев прошлого века. В сборнике отражены письма Д.С. Лихачева, тексты его докладов, дискуссии с его участием о проблемах культурной и общественной жизни нашей страны 1980—1990-х гг. Эти документы — свидетельства неустанной борьбы академика за сохранение отечественной культуры — нельзя читать без волнения.

Для широкого круга читателей, интересующихся прошлым и настоящим отечественной культуры, а также желающих узнать новые подробности о деятельности такого многогранного ученого, каким был Д.С. Лихачев.

УДК 81.3
ББК 63.3

ISBN 5-85302-507-4

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Сборник составляют ранее не публиковавшиеся выступления академика Дмитрия Сергеевича Лихачева в Фонде культуры. Д.С. Лихачев возглавлял этот первый в советской истории благотворительный неправительственный фонд с 1986 по 1993 г. Вместе с ним в правление Фонда входили Раиса Максимовна Горбачева, митрополит Питирим (Нечаев), многие известные деятели культуры и искусства.

В архиве Российского фонда культуры сохранились стенограммы и протоколы заседаний, представляющие интерес для пытливого исследователя или заинтересованного читателя. Здесь и письма Д.С. Лихачева, и тексты его докладов, и дискуссии с его участием о проблемах культурной и общественной жизни 1980—1990-х гг. Эти документы недавнего прошлого предлагаются вниманию читателей этой книги. Материалы из архива Фонда дополнены некоторыми текстами и фотографиями Д.С. Лихачева из собраний его сотрудников.

Советский фонд культуры, учрежденный двадцать лет назад, стал первым в ряду новых общественных организаций эпохи перестройки. Идея культурного фонда в СССР родилась в 1985 г. и получила поддержку Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева.

Д.С. Лихачев считал, что новый Фонд должна возглавить супруга лидера страны — подобно тому, как жены президентов западных государств возглавляют крупнейшие национальные благотворительные организации. Раиса Максимовна Горбачева не сочла уместным стать во главе

Фонда, но вошла в его президиум и деятельно участвовала в работе. Благодаря ей Советский фонд культуры приобрел исключительный авторитет в мире, а внутри страны получил небывалые организационные и финансовые возможности.

В то время у нас ничто не делалось без соответствующих указаний партийных органов, и формальное начало Фонду было положено 20 марта 1986 г. решением Политбюро ЦК КПСС. Вслед за тем 7 апреля 1986 г. Совет министров СССР принял постановление об учреждении Фонда, а спустя полгода, 12 ноября 1986 г., в Колонном зале Дома союзов состоялась учредительная конференция Советского фонда культуры, придавшая новой организации необходимый общественный статус.

На конференции председателем правления Фонда был избран 80-летний Дмитрий Сергеевич Лихачев. Он оставался на этом посту неполные семь лет, в течение которых менялся и Фонд, и вся страна.

Согласно первоначальному уставу, руководящими органами Фонда были Совет учредителей и правление. Совет учредителей должен был собираться на заседания ежегодно, правление — дважды в год (на практике стали проводить объединенное годовое собрание Совета учредителей, правления и ревизионной комиссии в январе — феврале и одно заседание правления в середине года). Учредителями Советского фонда культуры выступили 47 организаций и ведомств. Среди них — все творческие союзы, Академия наук, центральные библиотеки и музеи (Эрмитаж, Третьяковская галерея и другие), Большой театр, МХАТ, крупнейшие национальные учреждения культуры — по одному от 14 союзных республик... И еще учредителями Фонда значились ЦК ВЛКСМ, Министерство культуры СССР, советские профсоюзы...

Каждая из организаций делегировала своих представителей в руководящие органы Фонда. Таким образом, Михаил Аникушин, Ирина Архипова, Даниил Гранин, Юрий Григорович, Михаил Капица, Кирилл Лавров, Борис Пиотровский, Родион Щедрин и Тихон Хренников со-

седствовали в совете учредителей Фонда с секретарями комсомола Виктором Мироненко и Николаем Пальцевым и даже с будущим главой ГКЧП Геннадием Янаевым (он представлял общества дружбы СССР с зарубежными странами). В правление Фонда были избраны известные деятели культуры и искусства: Чингиз Айтматов, Ирина Антонова, Илья Глазунов, Марис Лиепа, Никита Михалков, Евгений Нестеренко, Майя Плисецкая, Святослав Рихтер, Евгений Светланов, чуть позже — Владимир Спиваков и другие. Членами правления стали и некоторые чиновники из министерств и партийных структур, но они находились в явном меньшинстве и реального участия в работе Фонда не принимали.

Небывалым для советской эпохи явлением было присутствие в правлении СФК представителя Русской Православной Церкви — митрополита Питирима (Нечаева), который много сил и души отдавал делам Фонда. В 1989 г. наряду с Д.С. Лихачевым и тремя другими деятелями он был избран народным депутатом СССР от Советского фонда культуры.

Реально руководил работой Фонда президиум правления (согласно уставу, «исполнительно-распорядительный орган»), его заседания проходили раз в квартал, сначала — в зале коллегии Министерства культуры СССР на Старом Арбате, а с 1988 г. — в каминном зале бывшего особняка Сергея Третьякова на Гоголевском бульваре, 6 (этот дом был передан Фонду по распоряжению М.С. Горбачева).

Документы правления и президиума Советского фонда культуры, в том числе протоколы и стенограммы заседаний, хранящиеся в архиве Российского фонда культуры, публикуются впервые. После каждой публикации дается ссылка на номер архивного дела и том архива РФК.

Отдельные незначительные редакционные сокращения текстов Д.С. Лихачева сделаны в неясных местах и в тех случаях, когда он повторяет мысль, высказанную в другом выступлении. Такие сокращения отмечены многоточием в угловых скобках: <...>. В таких же скобках в текст вклю-

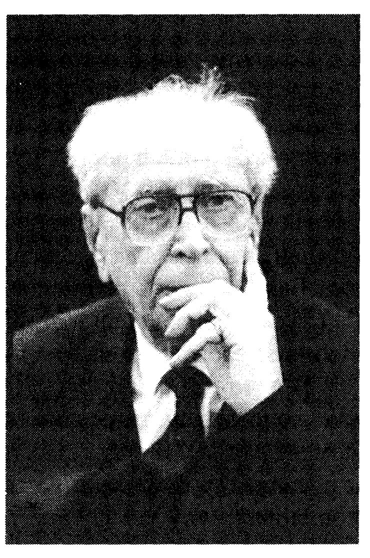
чены слова, необходимые по смыслу. Из текстов других докладчиков публикуются фрагменты, без которых затруднено понимание высказываний Д.С. Лихачева, а также реплики, на которые он отвечает. Замеченные очевидные ошибки стенограмм (в основном в написании личных имен) в публикациях исправлены.

Все тексты Д.С. Лихачева снабжены необходимыми комментариями. В конце книги дается именной указатель.

Составитель выражает благодарность за исключительно ценные пояснения и замечания тем, кто стоял у истоков Фонда вместе с Д.С. Лихачевым: Сигурду Оттовичу Шмидту, Наталье Борисовне Волковой, Иветте Николаевне Вороновой, Валерию Александровичу Дудакову, Владимиру Петровичу Енишерлову, а также продолжающим по сей день работать в Фонде Леониду Матвеевичу Аринштейну и Ларисе Владимировне Назаровой. Сердечная благодарность главному хранителю Фонда О.К. Земляковой, завотделом О.В. Рожковой, хранителю архива-библиотеки В.В. Леонидову — за различные справки; зам. исполнительного директора Фонда С.С. Блохиной — за большую организационную помощь; М.В. Акинфиевой, Е.Н. Зуевой и С.С. Ефимовой — за практическое участие в работе над книгой.

И.Ю. Юрьева

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА[1]

Он стал свидетелем бурных исторических событий XX в.

Он родился 15 (28) ноября 1906 г. в столице Российской империи и на всю жизнь запечатлел в памяти тот, почти что «пушкинский» Петербург своего детства.

На его глазах происходило разрушение государства в 1917 г. В юности он стал политическим заключенным Соловецкого концлагеря и сохранил не только память об ужасах ГУЛАГа, но пронес в душе любовь к Соловкам как к святому для каждого русского человека месту.

Во время Второй мировой войны со своей семьей — родителями, женой и двумя маленькими дочками — он пережил ужасы блокадной зимы 1941/42 г. Его воспоминания о блокаде Ленинграда запечатлели правдиво-страшную картину голода, невзгод, смертей — и удивительной силы духа...

---

[1] По материалам предисловия к сборнику Российского фонда культуры «Памяти Д.С. Лихачева» (журнал «Русское возрождение». 2000. № 80/81).

В возрасте 82 лет он был избран народным депутатом СССР и на первом съезде 30 мая 1989 г. выступил с проникновенным словом о культуре и нравственности, завершив его призывом к депутатам и М.С. Горбачеву: «Судьба Отечества в ваших руках, а она в опасности».

Наблюдая дебаты в молодом российском парламенте начала 1990-х, он качал головой и говорил: «После Февральской революции было то же самое!»

До нового XXI в. он не дожил один год, скончался в Петербурге 30 сентября 1999 г.

Вокруг имени Дмитрия Сергеевича Лихачева сложилось немало легенд. Одним внушало подозрение досрочное освобождение его из лагеря. Другие не понимали его отношения к Церкви. Третьих настораживала его неожиданная «востребованность» властью в 1980—1990-х гг.

Напомним некоторые факты. Д.С. Лихачев был освобожден за полгода до истечения срока заключения как ударник Беломорско-Балтийского канала — в 1932 г., когда канал был успешно сдан в строй, Сталин освободил всех участников строительства, в их числе был и 25-летний Лихачев.

Тем, кто хорошо знал Дмитрия Сергеевича, известны его хлопоты о снятии судимости в 1930-е гг. Решающим был момент, когда по совету знающих людей он пришел на прием к президенту Академии наук А.П. Карпинскому и изящно поцеловал руку его дочери-помощнице. Для столь приятного и воспитанного молодого человека она подписала у отца письмо-ходатайство в Наркомюст — самому министру (наркому). Эта бумага очень помогла в свое время, но формально Д.С. Лихачев был реабилитирован только в 1992 г. Кстати, тогда из архива КГБ ему вернули одну из главных «улик» его «контрреволюционной деятельности» — изъятый при аресте в 1928 г. студенческий доклад о старой русской орфографии, «попранной и искаженной врагом Церкви Христовой и народа российского».

В 1975 г. на Д.С. Лихачева было совершено нападение — через день после того, как он отказался отдать свой голос за исключение А.Д. Сахарова из Академии наук.

В 1976 г. была попытка поджечь квартиру Д.С. Лихачева, а перед тем в отсутствие хозяев туда проникли неизвестные «гости» — рылись в его бумагах (это был период его сотрудничества с А.И. Солженицыным, которому он передал «Соловецкие записи» для «Архипелага ГУЛАГа»).

В годы своей научной зрелости Д.С. Лихачев был гонимым и мало кому известным ученым-«древником» (так с некоторым пренебрежением у нас называли специалистов по ранней истории литературы). С момента избрания академиком в 1970 г. Дмитрий Сергеевич оставался «невыездным» вплоть до 1985 г., когда рухнул «железный занавес».

И только в восемьдесят лет, на закате жизни, он получил небывалое общественное признание. Тогда о его научной и общественной деятельности узнали многие, но узнали «ретроспективно», в основном по результатам его трудов.

Сейчас трудно представить, что поколения советских людей лишь смутно знали имена Сергия Радонежского и Андрея Рублева. Величие древнерусского искусства и имена подвижников и просветителей Руси открывались тем, кто был далек от Церкви, через книги Д.С. Лихачева.

Дмитрий Сергеевич никогда не ограничивался «кабинетной» научной работой. Он размышлял о творчестве Пушкина, Достоевского, Пастернака — и предметно помогал увековечению их памяти, созданию музеев.

С 1950-х гг. он боролся за спасение деревянных храмов Русского Севера, за сохранение исторического облика наших городов. В 1960-х он стоял у истоков Общества по охране исторических памятников, а в 1980-х возглавил Советский (ныне Российский) фонд культуры.

Став председателем Фонда, Дмитрий Сергеевич возвращал из-за рубежа наследие русской эмиграции, заботился о музеях и архивах, публично выступал за передачу Церкви храмов и монастырей (и направлял немалые средства Фонда на их восстановление), поддерживал «неформальное» движение молодежи и помогал сохранению культур исчезающих малочисленных народов России...

В последние годы жизни Д.С. Лихачев стал известен всей стране, но в трудах своих он часто оставался одинок и не понят.

Коллеги-ученые нередко осуждали его за то, что он выходит за рамки «чистой науки», занимает общественную позицию и выступает в газетах. Люди церковные недоумевали, как можно писать об «эстетической красоте православия» и говорить о духовной литературе светским языком. Позиция Лихачева-государственника не устраивала либералов, консерваторы ругали его за приверженность демократии. «Патриотов» настораживала его теория многонациональности отечественной культуры, а «космополиты» не могли принять «Заметки о русском». Наконец, просто «малоинтеллигентные люди» (очень удачное определение Дмитрия Сергеевича) не выносили его «петербургского» облика и старомодных манер.

Невзирая на все это, Д.С. Лихачев продолжал свое служение и не мог его оставить до последних лет. Он видел задачу каждого человека в том, чтобы «и в крупном, и в малом повышать уровень счастья в жизни». Он заботился о счастье окружающих его людей, о счастье своей страны и всего мира. Кому-то покажутся высокопарными такие слова, но именно в этом — смысл многотрудной жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Часть 1

Д.С. ЛИХАЧЕВ В СОВЕТСКОМ ФОНДЕ КУЛЬТУРЫ

1987–1990 гг.

Состав президиума правления Советского фонда культуры в 1987 г.[1]

Лихачев Дмитрий Сергеевич — председатель

Мясников Георг Васильевич — первый зампредседателя

Члены президиума:

Горбачева Раиса Максимовна, доктор философских наук

Бондарев Юрий Владимирович, писатель

Зильберштейн Илья Самойлович, доктор искусствоведения

Нестеренко Евгений Евгеньевич, народный артист СССР

Олейник Борис Ильич, писатель

Попов Владимир Иванович, первый зампредседателя Гостелерадио СССР

Проскурин Петр Лукич, писатель

Угаров Борис Сергеевич, президент Академии художеств СССР

Фалин Валерий Михайлович, дипломат, председатель Агентства печати «Новости»

Ямщиков Савелий Васильевич, искусствовед, реставратор

---

[1] Здесь приводится состав президиума на период начала работы Фонда. В дальнейшем в президиум выбирались новые члены.

В первом ряду – члены президиума Фонда:
Б.С. Угаров, Р.М. Горбачева и Д.С. Лихачев

Стенограмма заседания президиума правления Советского фонда культуры 22 января 1987 г.

К стенограмме первого заседания президиума 22 января 1987 г. в архивном деле № 15 приложен подготовленный заранее машинописный текст доклада Д.С. Лихачева с его карандашными пометками и дополнениями от руки. Эти рукописные дополнения и некоторые фрагменты предварительного машинописного текста публикуются наряду со стенографической записью доклада Д.С. Лихачева.

Составитель

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Прежде чем предоставить слово Георгу Васильевичу <Мясникову> для доклада об основных направлениях деятельности Советского фонда культуры на 1987 г., мне хотелось сказать несколько слов о работе нашего Фонда.

Дело в том, что на учредительной конференции, которая была в Колонном зале, я свое мнение высказал. Мне хотелось

услышать мнение товарищей и только тогда сформировать окончательное мнение. 1987 год будет для нас годом работы в тяжелых еще условиях: мы не обеспечены помещением, штатами[1] и т.д. Поэтому 1987 год не будет типичным. В 1988 и 1989 г. мы будем постепенно расширять наши задачи.

Одна из основных целей Фонда культуры — это сохранение старой культуры и созидание новой культуры, как единый процесс. И помощь осуществлению той действенной перестройки, которой характеризуется наше время в самых различных сферах деятельности, — это задача нашего Фонда (в сфере культуры).

День нынешний отличается чрезвычайно обостренным интересом к истории культурного фонда <наследия> страны.

Но не без тревоги мы должны отметить, что далеко не все члены нашего советского общества, особенно наша молодежь, — и это было заметно на последних программах телевидения, — это понимают. <...> [Пушкинские слова о «любви к родному пепелищу — любви к отеческим гробам» — до сих пор остаются призывным лозунгом, программой нравственного воспитания молодого поколения... Мы часто с печалью отмечали, а сейчас открыто говорим и пишем о тяжелом положении с памятниками истории и культуры][2] в различных районах нашей страны и даже в Москве и Ленинграде. Основная вина гибели наших памятников ложится не на тех или иных лиц, а на общий недостаток культуры в нашем обществе и особенно в среде молодежи, сидевшей на «лестнице» в передаче «Двенадцатый этаж» [молодые люди, которые заявляют, ...что все церкви похожи друг на дружку и потому их надо уничтожить,

---

[1] Д.С. Лихачев и другие члены президиума (кроме Г.В. Мясникова) работали в Фонде на общественных началах, не получая за это зарплату. Штатный аппарат Фонда был сформирован в 1987—1988 гг. Для сотрудников Фонда первоначально выделили комнату в Министерстве культуры СССР на Арбате. Решение о предоставлении Фонду дома на Гоголевском бульваре было принято в декабре 1987 г.

[2] Здесь и далее в квадратных скобках даются фрагменты подготовленного к этому заседанию машинописного текста доклада Д.С. Лихачева с поправками его рукой. Подчеркивания в этом тексте сохранены в настоящей публикации.

оставив на память одну, а на их месте построить дискотеки]. Это было очень чувствительно и очень огорчительно. Нужно сказать, что молодежь в этом отношении не виновата. Просто с ней не ведут настоящих разговоров, не привили ей любви к прошлому, основанной на знании этого прошлого.

Поэтому одна из самых значительных задач Фонда культуры будет заключаться в работе с молодежью. По-следовательная культурно-просветительная работа с молодежью. Ленин говорил: «Идея должна овладевать массами». Применяя эту мысль [к делу, которому мы призваны служить], мы должны признать, что массами должна сейчас овладеть идея культуры. И она постепенно овладевает, и наша задача заключается в том, чтобы этому помочь — сознательно и творчески по отношению к культурному наследию. <...>

[Я не исключаю, что на первых этапах этой работы мы столкнемся с активным негативизмом, а что еще хуже, равнодушием многих, в том числе и молодых людей — задача при этом должна ставиться только так: заинтересовать молодого человека, вложить в его сознание любовь и уважение к культурному наследию.]

Поэтому программу «Молодежь и культура» я считаю чрезвычайно важной в деятельности Фонда культуры.

Мне представляется важным регулярное проведение уроков культурного наследия, занятий краеведческих кружков при школе, если руководители этих кружков могут в живой и увлекательной форме рассказать о своем городе, районе, о деятелях культуры <...> Если таких работников на местах нет, то лучше вообще не заниматься краеведением, потому что это может привести к отрицательным результатам.

[*Вариант предварительного текста:* ...регулярное проведение уроков «культурного наследия». Назвать такую акцию можно, конечно, и по-иному. Я представляю себе ее не в форме занятий краеведческих кружков, а в живой увлекательной форме регулярного общения молодежи в селе, районном городе и т.д. с деятелями культуры, искусства, науки.

На полях здесь приписано рукой Д.С. Лихачева: Политехнический музей.

Следует, по-моему, используя возможности Фонда культуры, привлечь молодых людей к реставрации в районных центрах, городах, сельской местности одного архитектурного памятника и организации в отреставрированном здании дворца культуры молодежи. Пусть там будет и видеотека, устраиваются регулярно передвижные выставки, звучит современная и классическая музыка. Каждый такой спасенный самими людьми памятник может стать своеобразным центром консолидации культурных сил на местах.

Фонд должен организовывать постоянные летние творческие школы «молодых дарований»...]

<...> Школа «Пушкин в Захарово» для молодежи, с какими-нибудь двухнедельными или месячными путевками — это и отдых, и одновременно будет Пушкинская школа.

Затем чрезвычайно важная сфера деятельности, я считаю, — коллекционирование. Труд коллекционеров, истинных подвижников культуры часто становится настоящей исследовательской, поисковой научной работой. [Как много сохранили собиратели для народа, для страны.] Здесь я могу говорить не только о собрании [нашего коллеги] И.С. Зильберштейна, но и вспомнить Ф.Е. Вишневского, чьи собрания легли в основу Музея Тропинина; московского инженера Н.П. Ильина и В.Н. Орлова. [Их собрания послужили фундаментом Государственного музея Блока в Ленинграде.] <...>

Но взаимоотношения с коллекционерами должны быть очень деликатными потому, что опасения коллекционеров выставлять свои произведения по разным поводам и причинам очень велики. Здесь мы должны быть максимально интеллигентными, культурными и т.д. Вот такое выступление по телевидению, как рассказ об отобранных вещах в Бресте, может напугать коллекционеров.

(И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Потому что это грабители, их надо вылавливать обязательно, и это пойдет в музей личных коллекций. Надо ловить этих жуликов, которые направляют за границу иконы и пр.)

<Д.С. ЛИХАЧЕВ>: Нужно делать более деликатно. В такой форме, в какой это было сделано, у коллекционеров могло создаться впечатление, что их коллекции будут отобраны, признаны незаконными и т.д.

Нужно, чтобы Фонд культуры принял участие в создании закона о коллекционерах и коллекционировании. Георг Васильевич, мы с Вами говорили о законе о коллекциях.

Также надо пересмотреть некоторые пункты закона о наследовании, потому что в результате неточностей закона о наследовании <многое> попадает к чужим людям. К чужим людям попало наследие Ахматовой.

(И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Коллекции Руслановой, Гельцер!)[1]

Закон о наследовании должен быть в нашем плане.

Затем я хотел остановиться на создании музея личных коллекций в Москве и Ленинграде. Борьба Ильи Самойловича за организацию этого музея должна быть поддержана всеми силами нашего Фонда.

Затем, мне кажется, очень важно организовать выпуск журнала «Наследие». Эта работа очень срочная. Для того чтобы этот журнал начал выходить в 1988 г., надо чтобы в августе <1987 г.> был первый номер целиком собран. Программа журнала должна быть создана к этому времени, основные разделы, основные авторы должны быть на месте к номерам 1, 2, 3. Тут работы предстоит очень много, и с ней надо спешить. Многие не представляют себе, насколько сложна работа по организации журнала. <...>

[*Приписано на полях:*

Журнал. Он должен быть достоин темы «Культура» — объемом, стилем, оформлением, публикациями.]

Культура — это огромная область, это неоднообразное явление, могут быть и медицинские статьи, и юридические статьи и т.д., и на этом все ограничится. Культура — это огромное явление. Поэтому журнал должен быть большим, хорошим, хорошо иллюстрирован, подчиняться издательскому коллективу «Правды»[2].

---

[1] И.С. Зильберштейн приводит пример коллекций, которые после смерти их владелиц не поступили на государственное хранение, а были распроданы.

[2] Фонд добивался права печатать свой журнал на базе наиболее оснащенного в техническом плане издательства ЦК КПСС «Правда».

Может, на сегодняшнем заседании мы должны продумать авторский коллектив, чтобы основной авторский коллектив был продуман. Думаю, не только коллегия, но и авторский коллектив, который будем привлекать в первую очередь, должны взять на учет будущих авторов.

Это основные задачи нашего Фонда культуры.

И хотелось заключить следующим. Мы должны предусмотреть возможность «сползания» к бюрократическим формам работы. Эта опасность реальная, т.е. не к бюрократическим формам работы, а к бюрократическим формам безделия[1]. К сожалению, некоторые наши учреждения, ведающие вопросами культуры, постепенно бюрократизируются: все спокойно, аппарат есть, работает как будто бы. Но на самом деле работают без души. Здесь должны быть привлечены молодые активные силы к нашему Обществу и к нашей работе.

Это вступительное слово, о чем я хотел сказать, прежде чем предоставить слово Георгу Васильевичу Мясникову. <...>

<*Следует доклад Г.В. Мясникова*>.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Разрешите мне некоторые разъяснения сделать по докладу Георга Васильевича. Почему мы решили поставить на одно из первых мест свод памятников. <...> Нам нужен свод памятников для того, чтобы знать, сколько памятников у нас такому-то человеку и т.д., потому что у нас бессистемно ставятся памятники. Вот недавно в «Советской культуре» была опубликована статья Гусева, где он предлагает отметить в Ленинграде места декабристов, как будто в Ленинграде ничего этого нет. Есть: и Пестеля, и Рылеева, и Каховского, очень много улиц названо в честь декабристов. Есть и музей. А он требует еще открыть музей <декабристов>. Достоевского — нет. Вот это беда. Шостаковича — нет. Вот это беда. Так что нам нужно знать, что делать. Кроме того, нам нужно приблизительно знать размеры памятников. Нужна градация памятников. Сейчас Георг Васильевич предлагает памятник Жукову. Я убеж-

[1] Слово подчеркнуто в рукописном тексте.

ден, что для памятника Жукову миллионы посыпятся <народных пожертвований>, и будут требовать поставить его огромных размеров. Нужна обязательно градация памятников. Градация уже задана памятником Ленину на Октябрьской площади в Москве. Выше, чем памятник Ленину, ставить памятник Жукову нельзя[1]. Если мы слишком много средств будем иметь <на памятник Жукову>, может быть, подумать о том, чтобы музей сделать и т.п.

Поэтому мы задумали эту быструю перепись памятников для того, чтобы иметь какую-то стратегию.

Относительно негативных передач <по телевидению о бедственном положении архитектурных памятников>[2]. Что такое негативные передачи? Если мы будем показывать только преимущества, только то, что у нас хорошо с памятниками <архитектуры>, это будут бесцельные передачи. Нужно положительное отношение к негативным явлениям — вот я бы так сказал. То есть в каждом негативном явлении должны быть намечены выходы позитивные. Тут же рядом мы можем показать, что такой-то памятник используется правильно, а вот этот — неправильно.

(В.И. ПОПОВ: Мы это и имеем в виду: показать, когда памятники восстанавливаются, и поддержать тех людей, которые это делают.)

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Но не просто уменьшать число негативных материалов. Сейчас эти передачи имеют очень большое значение.

Относительно программы возвращения <из-за рубежа культурных ценностей>. Почему мы не поставили это в программу <Фонда>?

Потому что до сих пор не можем найти человека, который бы возглавил группу по зарубежным ценностям. Думали о С.С. Зотове[3], в Министерстве иностранных дел

[1] Д.С. Лихачев опасался гигантомании при сооружении новых монументов и первым настораживающим примером такой тенденции считал памятник Ленину на Октябрьской площади в Москве.

[2] Г.В. Мясников говорил о «бесконечном негативном показе» по телевидению разрушающихся архитектурных памятников.

[3] Дипломат, один из инициаторов создания Советского фонда культуры.

его не отпускают, он хороший работник. Случайного работника посылать нельзя.

(С МЕСТА: Вы имеете в виду Вашим заместителем?)

Сейчас Георг Васильевич предложил очень хороший выход: если будет две комиссии[1], во главе зарубежной Илья Самойлович <Зильберштейн>, а во главе советской – Савелий Васильевич <Ямщиков>, то Зотова и других товарищей можно приглашать в качестве консультантов.

Мне Зотов рассказывал: они <Посольства?> очень не заинтересованы возиться с возвращением памятников, мне кажется.

Нам отдают во Франции из Почтового музея дуэльные пистолеты Дантеса. Вывезти из Франции их очень трудно потому, что частный владелец этого Почтового музея завещал их государству, чтобы не платить налог. Надо обращаться к юристам и доказывать, что дуэльные пистолеты никакого отношения к почте не имеют. Он согласен на это пойти, но судебные издержки на себя не берет. Здесь нужен человек, который знает иностранные законы и т.д. Должен быть энергичный человек. А получить эти дуэльные пистолеты для последней квартиры Пушкина – это было бы поразительно.

(Ю.В. БОНДАРЕВ: Я думаю, не нужно стараться, а нужны архивы, которые существуют за границей, их бесплатно отдают, или всех нас интересующий архив Бунина. Это важнее, чем дуэльные пистолеты.)

[*Из предварительного текста доклада Д.С. Лихачева:*

Мы не должны быть наивны и думать, что объявление о создании Фонда культуры само по себе вызовет приток в нашу страну художественных ценностей, документальных памятников, архивов от наших соотечественников из-за рубежа. Только очень тактичная, умная, интеллигентная работа – выставки, публикации, каталоги собраний могут стимулировать возвращение памятников культуры на Родину. Эту работу надо проводить последовательно и постоянно.][2]

---

[1] Комиссии при Фонде культуры для работы с иностранными и отечественными коллекционерами.

[2] Архив РФК. Т. 23/1. Д. № 15.

Стенограмма заседания правления СФК 1 июля 1987 г.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Товарищи!

Прошло более полугода с момента создания Советского фонда культуры. Этот начальный этап его деятельности будет предметом моего доклада. На наше заседание приглашены председатели и первые заместители председателей правлений всех отделений СФК союзных республик, городов Москвы и Ленинграда, представители партийных органов, учреждений культуры и общественных организаций. <...>

Каждому из вас — членов правления и руководителей республиканских отделений — направлено информационное письмо. В нем дана общая картина первых практических дел Фонда, поэтому позвольте мне не останавливаться на этом.

Хотелось бы обсудить коренные вопросы жизнедеятельности Фонда, его текущие дела. Что благоприятствует и что мешает нашей работе? С какими трудностями мы столкнулись?

Советский фонд культуры уже заявил о себе первыми практическими акциями, привлек энтузиастов и активистов, вызвал интерес у общественности.

Столкнулись мы и с особой трудностью. Нередко высказывались предложения, которые могли увести Фонд только в прошлое. Многие люди толкуют Фонд лишь как спасителя старины. Мы не можем согласиться с таким односторонним толкованием сущности Фонда и дублировать уже давно существующие добровольные общества по охране природы и памятников отечественной культуры и истории. У Фонда — свой путь. Мы пока ищем наши концепции и принципы.

С первых дней работы Фонда встала проблема политической и идейно-нравственной позиции Фонда. Надо было определить магистральную, стратегическую линию СФК во всенародном процессе обновления и перестройки, охватившем все советское общество после апреля 1985 г., после XXVII съезда

КПСС, январского (1987 г.) и теперь июньского (1987 г.) Пленумов ЦК КПСС[1].

Цель Фонда нам представляется как борьба за оздоровление нравственности и повышение роли духовности в делах и помыслах народа, в его запросах и интересах. Это возвышение тех ценностей внутреннего мира человека, которым в последнее время уделялось крайне недостаточное внимание, т.е. понятиям добра, справедливости, порядочности, чести, деятельной любви к природе, гордости за Отечество.

Духовность – вот стержень работы, на который должны опираться все идеи и планы Фонда. Дела в Фонде надо повести так, чтобы привлечь к ним как можно больше людей, чтобы это приобщение стало для тысяч и миллионов школой гражданственности.

Это будет вкладом нашего Фонда в реализацию решений XXVII съезда КПСС. «Главную задачу своей культурной политики, – говорил с трибуны съезда М.С. Горбачев, – партия видит в том, чтобы открыть самый широкий простор для выявления способностей людей, сделать их жизнь духовно богатой, многогранной. Повышать степень зрелости общества... это значит... обогащать духовный мир человека».

Понимание Фонда как школы духовности для всех социальных слоев народа – от дошкольников до ветеранов – у нас вызрело и захватило нас. А вот с конкретными подходами к решению многогранной проблемы духовности дело обстоит значительно труднее.

Скажем, на одном из заседаний президиума нашего правления возникла острая дискуссия о форме участия СФК в создании пушкинской заповедной зоны в Вяземах и Захарове – подмосковной колыбели А.С. Пушкина. Президиум не согласился с расплывчатой идеей участия СФК «вообще» в возрождении пушкинского заповедника. Это ведь и строительные работы, и создание коммуникаций. Созрел вывод: средства Фонда надо направлять не на строитель-

[1] Ссылки на решения съездов КПСС и пленумов ЦК до 1991 г. были обязательны для докладов и отчетов советских организаций. Начиная с 1988 г. в докладах Д.С. Лихачева в Фонде такого рода упоминания не встречаются.

ные, а на духовные объекты. И было выработано решение о том, чтобы Фонд принял деятельное участие в создании и вводе в общественный оборот трех конкретных пушкинских объектов. Речь идет, во-первых, об участии в увековечении места рождения Александра Сергеевича Пушкина в Москве, во-вторых, в воспитательном направлении подлежащего воссозданию пушкинского дома в Подмосковье — в Захарове, в создании там пушкинской детской школы искусств, куда можно было бы направлять школьников для отдыха и жизни в пушкинской атмосфере недели на две.

А строительством, реставрацией, сооружением зданий будут заниматься другие организации, как это и определено соответствующим постановлением Совета министров РСФСР[1].

Или другой пример.

В основные направления работы СФК мы включили пункт об изучении возможности нашего долевого участия в строительстве для нефтяников г. Сургута театра или Дворца культуры. Высказывалась мысль о том, чтобы Фонд взял на себя часть расходов по строительству Дворца культуры в новом городе Славутич около Чернобыльской АЭС. Откликнуться на нужды народные и на боль народную — это и есть подлинное проявление духовности.

Трудно возразить против благородного характера этих предложений. Но правильнее будет, если мы внесем свою долю средств на строительство, но основные усилия сосредоточим на духовном аспекте этих или других объектов культуры. Театр или Дом культуры в Сургуте должны стать образцом, примером, опытом для создания учреждений этого типа в других рабочих маленьких городках или в селе.

В этой связи остановлюсь на важной и принципиальной позиции. С первых дней существования Фонда стали поступать дарения. Их было немало, даже больше, чем ожидалось. Это и произведения изобразительного искусства, и предметы старины, и бесценные реликвии.

---

[1] Постановление № 170 от 29 апреля 1987 г. о создании государственного музея-заповедника А.С. Пушкина в Захарове и Вяземах.

Как мы ими распоряжались на первых порах? Вроде бы в согласии с Уставом Фонда. Начали передавать дарения другим музеям. И сразу почувствовали, что превращаемся в передаточное звено. Теперь от этой псевдоблаготворительности решено отказаться.

Мы просим вас поддержать наше предложение о том, чтобы отныне и навсегда все предметные дарения, как этого требует Устав Фонда, оставались во владении Фонда, были его собственностью. И распоряжаться ими мы должны по своему усмотрению, если нет целевого назначения. Но зарегистрировать должны их у себя. Все это, конечно, делать в интересах народа.

Процедуру приема дарений, их регистрации, выработки правил ими распоряжаться еще предстоит определить. В связи с этим предлагается в аппарате правления иметь отдел дарений.

Если четко определить подход к дарениям, тогда появится счастливая возможность открыть, скажем, в том же Сургуте, картинную галерею из дарений Фонда.

На учредительной конференции Украинского республиканского отделения СФК было сказано, что каждый профессиональный художник республики подарит Фонду одну свою картину <...> Это очень хорошее предложение. Таким образом мы могли бы создать на Украине музей современного украинского искусства, заложить основу для этого музея.

Если Фонд из этих и других дарений откроет свою картинную галерею, к примеру, где-то в Сибири, то этой акцией мы примем конкретное участие в общенародном движении за культурное освоение Сибири. Наша задача — в первую очередь открывать и поддерживать периферийные музеи.

Далее хотел бы остановиться на принятых президиумом основных направлениях его деятельности в 1987 г.

Идеи этого плана нам известны. Его красная нить — четыре общесоюзные программы: первая — «Память», вторая — «Пушкин в сердцах поколений», третья — «Молодежь и культура» и четвертая — «Возвращение». Они на-

ходятся в стадии выполнения. Они не надуманы, а вызваны требованиями жизни. О каждой из этих программ я скажу, особенно о «Возвращении» и «Молодежь и культура». Но взыскательный взгляд не позволяет нам считать эти программы идеальными и до конца выверенными.

По своей внутренней сущности, методам решения задач, они опираются преимущественно на опыт и проблемы, характерные в основном для Российской Федерации.

Поэтому обращаемся к членам правления, к руководителям республиканских отделений Фонда с просьбой внести свои конкретные предложения в план работы на 1988 г. по новой общесоюзной программе.

Довольно сложно обстоит дело с отдельными республиканскими программами. Пока их нет. Мы понимаем, что республиканские отделения только лишь приступают к своей работе. Но уже на 1988 г. каждое республиканское отделение должно считать делом своей чести разработку своих программ и выработку конкретных путей реализации своих республиканских программ.

Хотелось бы привлечь ваше внимание к проблеме совершенствования работы с коллекционерами. Фонд выдвинул благородную задачу по вовлечению в общественное пользование поистине бесценного духовного достояния, находящегося в распоряжении коллекционеров. Но как это сделать? Вопрос этот сложен и деликатен. Речь идет о многоликости коллекционерского движения. В каждой республике, в каждом регионе страны оно имеет свою специфику. Но одно здесь важно: коллекционеры располагают бесценными духовными богатствами, которые еще не поставлены на службу воспитательным целям.

В стране имеются сотни клубов и объединений коллекционеров. Действуют они стихийно, поддержки со стороны официальных органов чаще всего не получают, помещений для выставок не имеют. При этом нередко представляют коллекционеров как людей, добывших себе богатства нетрудовым путем.

В Ленинграде коллекционеры отказываются выставлять свои картины, чего-то опасаясь. <...>

Поэтому существует настоятельная необходимость выработки четкой и единой системы работы с коллекционерами в масштабе всей страны.

Первые, но пока робкие шаги в этом направлении Фонд сделал. В Москве создан клуб коллекционеров под эгидой нашего Фонда. Сегодня предстоит утвердить общественную комиссию по работе с коллекционерами.

Но нужно прямо сказать, что в выработке нашего отношения к коллекционерам Фонд действует слабо. Это во всей полноте проявилось в грустной истории с музеями личных коллекций. Наше стремление состоит в том, чтобы такие музеи открывались в каждом городе — большом, среднем и малом. Но даже в Москве не удалось добиться реализации этой задачи. Есть решение об открытии в особняке, занимаемом «Автоэкспортом», первого в стране музея личных коллекций. Есть человек, который первым решил передать свою уникальную коллекцию в дар этому музею. Это — Илья Самойлович Зильберштейн, член президиума правления Фонда. Есть общее желание реализовать эту прекрасную инициативу. Но музея личных коллекций все нет и нет!

Пришло время серьезно и вдумчиво решить эту проблему. Самое опасное здесь — полумеры, бумаготворчество. <...> Надо подготовить проект правового акта по этому вопросу и войти с ним в правительственные органы. Задача СФК — помочь коллекционерскому движению оформиться организационно, дать ему права, определить обязанности. А главное — направить его в русло борьбы за духовность нашего образа жизни, придать личным коллекциям общественную значимость.

Одним словом, надо начинать конкретные дела.

Далее, обращаемся к правлению за поддержкой по поводу еще одного начинания, которое, по нашему мнению, придаст деятельности СФК общественный характер.

Во многих городах, в том числе в Москве, Ленинграде началось общественное движение за освобождение в сложившихся центрах городов старинных зданий от «контор». Совершенно недопустимо, <что такое> чудное здание в центре города, как Михайловский замок[1], — он увешан дос-

[1] Позже был передан Государственному Русскому музею.

ками <вывесками> различных организаций, совершенно случайных, не имеющих отношения к этому зданию. Здания старинной постройки, бывшие церкви, богатые особняки используются утилитарно под конторы, склады, гаражи.

Памятники архитектуры после реставрации должны передаваться только учреждениям культуры. Кстати сказать, не всегда хотят реставрировать здания, потому что легче и дешевле построить новое здание, чем отреставрировать старое здание.

В этой инициативе мы начнем не с нулевой отметки. Сегодня, к примеру, в движении «Родной город» в Таллине участвует около 10 тысяч человек. И если центр Таллина считается одним из наиболее уютных и наиболее удачно поставленных на пользу человеку, то в этом немалая доля заслуг этого общественного движения за достойное использование наследия, исторических зданий.

То же самое можно сказать и о Тбилиси. Сколько было скептиков, сколько было сопротивленцев, но дело все-таки сделано. Старые кварталы Тбилиси, приведенные в порядок, омолодили город. А сколько интересных примеров разумного сочетания старины и новостроек в Вильнюсе!

Для Фонда важно также решить вопросы привлечения ученых и специалистов, художественной интеллигенции к созданию программы по организации духовной жизни и разумного досуга в центрах городов в отреставрированных зданиях. Здесь не надо ждать, что кто-то эти здания у нас попросит. Мы должны сами активно предлагать эти здания организациям.

Особенно нужно подумать о наших селах, где в центре часто высятся остовы церквей и усадебных дворцов. Я был в колхозе-миллионере Горьковской области в Григорове, это очень богатое хозяйство, там находится церковь, связанная с именем протопопа Аввакума, там он родился, в этой местности. И организовать в остове этой церкви краеведческий музей, посвященный литературе и Аввакуму, русскому языку, — это обязательно нужно.

И председатель совхоза готов это сделать, у него есть средства, но нет инициативы со стороны местной горьковской интеллигенции.

Важно настойчиво распространять повсеместно имеющийся уже опыт краеведческой работы. В Белоруссии целенаправленно ведется краеведческий поиск героических страниц Великой Отечественной войны. В Москве, на Украине уже сложились традиции школьных и молодежных краеведческих музеев. Некоторые из них прекрасны. В последние годы энтузиасты взялись за краеведческое исследование Крайнего Севера. В Эстонии краеведение охватило всю республику, многие трудовые, школьные, студенческие коллективы. В этой республике краеведение при помощи республиканского отделения Фонда становится одним из главных направлений воспитания духовности.

Это так и должно быть.

Но преподавание краеведения в школах, создание кружков краеведения идет очень медленно. Я знаком с некоторыми краеведческими кружками школьными в Ленинграде. Должен сказать, все это падает на очень благоприятную почву. Прекрасно девочки и мальчики занимаются исследованием своего края, и они занимаются научной работой. Так, например, школа на Поклонной Горе в Ленинграде занимается литературным краеведением и создала карту литературных мест Шувалова, Озерков, этих окраин Петербурга, где жили Стасов, Лесков и многие другие деятели русской культуры.

Глубокий смысл повсеместное развитие краеведения приобретает сейчас, в канун 70-летия Великого Октября. Важно, чтобы правления республиканских Фондов возглавили уже сейчас движение за приведение в должный порядок всех памятных мест, связанных с нашей революцией. <...> И памятные места, связанные с революцией, нужно понимать широко. Не так узко, как это обычно понимается, то есть места только, в которых бывал В.И. Ленин, допустим, и т.д. Есть ряд мест, фабрик и заводов, где происходили забастовки. Это все нужно увековечить[1].

[1] Д.С. Лихачев трактовал понятие «революционные места» настолько широко, насколько это было нужно для защиты архитектурных памятников. Например, выступая против планов сноса Смольного собора Петербурга, Д.С. Лихачев заявлял, что его необходимо сохранить, так как архитектурный комплекс Смольного монастыря связан с именем Ленина.

Сейчас готовится Всесоюзная конференция краеведения, которую намечено провести осенью в Полтаве. Сначала конференция мыслилась как очередная научная конференция. Правление Фонда <предложило расширить ее рамки>, исходя из того, что последняя Всероссийская конференция краеведов состоялась <более чем> полвека назад, в 1928 г., — стыдно сказать, полвека назад, — в связи с этим наше предложение принято <и будет проведена Всесоюзная конференция по краеведению>. Сейчас Советский фонд культуры четко определил ее направленность вместе с другими организаторами конференции, определил ее работу. Будет выработана программа развития краеведения в нашей стране. Чтобы в ней приняли участие ученые-историки, археологи, педагоги, литературоведы, музейные работники и другие специалисты.

Краеведение может завлечь молодежь, в этом я могу вас заверить на собственном опыте работы со школьными кружками двух школ ленинградских, где прекрасные ребята, занимаются научной работой. Один молодой человек у нас занимается в рукописном отделе, и он выявил новые документы Посошкова, — уже имеет печатные работы школьник. На это надо обратить внимание. Потому что таких ребят может быть много. Создадим кадры, которые будет готовить школа, в том числе не только по математике, по физике, но и по общественным наукам.

О Советском фонде культуры средствами массовой информации сказано уже немало. Число выступлений газет и журналов, радио и телепередач весьма внушительно. Но все, что сказано о Фонде, о его целях и задачах, о содержании его деятельности, чувства удовлетворения не доставляет.

Отданные в распоряжение читателя, слушателя и зрителя материалы о Фонде носят неглубокий характер, в большинстве своем информационны и не публицистичны. Все, что сказано и показано, не отвечает во всей полноте на вопрос: что же такое Советский фонд культуры? Народ пока не почувствовал самой сути, специфики Фонда, содержания его работы и нравственно-этических устремлений.

Не раскрыта тема социалистической благотворительности. Я не очень люблю слово — благотворительность, оно отдает лампадным маслом. И тем не менее социалистическую благотворительность надо развивать. Нет глубоких материалов, которые бы показывали опасность бездуховности и как Советский фонд культуры собирается противостоять ей. Большая почта, идущая в Фонд, убеждает, что многие люди считают Фонд своего рода Обществом охраны памятников старины и культуры.

Я прошу членов правления активно включиться в работу по разъяснению идеалов и задач Фонда. Без нашего заинтересованного участия в пропагандистской и разъяснительной работе трудно рассчитывать на то, чтобы Советский фонд культуры стал живым делом всего народа, вошел в сознание.

В числе первостепенных задач, которые пришлось решать Фонду с первых дней его создания, важное место отводилось организаторским усилиям. В информационном письме раскрыты основные из них. Позвольте остановиться на главном — на итогах организационной работы, связанной с подготовкой и проведением учредительных конференций по созданию отделений Фонда в союзных республиках, городах Москве и Ленинграде.

Сразу же после учредительной конференции Советского фонда культуры встала задача распространения его деятельности по всей стране.

К созданию отделений Фонда на местах мы приступили, когда в аппарате правления трудились не более 10 человек. Разработали систему наших усилий, установили соответствующие контакты в республиках, определили меры по подбору и расстановке общественного актива на местах.

По организации отделений Фонда в союзных республиках, городах Москве, Ленинграде сделано очень много. В течение трех месяцев организованы в республиках отделения. Начато было с Грузии. Грузия вообще у нас становится одной из передовых республик в области культуры. Это нас очень радует. Последняя конференция проведена

в Российской Федерации 27 июня. За три месяца, в общем-то, мы решили большие задачи.

Но надо сказать, что не все организационные совещания прошли на должном уровне. Нам в этом большую помощь оказывали партийные органы, Правительства союзных республик, общественные организации различные. Мы за это им очень благодарны. Но тем не менее доклады иногда носили формальный и отчетный характер. На многих учредительных собраниях не были четко поставлены вопросы о том, чем должны заниматься эти отделения.

На ряде конференций очень трудно проходили выборы руководящих органов отделений и ответственных работников. Я, между прочим, вижу в этом и хороший признак. Значит, была большая заинтересованность в том, чтобы лучше был состав правления отделений. Если все проходит гладко, это признак какого-то равнодушия. Равнодушия на этих собраниях не было.

Однако, несмотря на наши рекомендации, многие категории людей, которым сама судьба начертала дорогу в Фонд, оказались не представленными на конференциях. Это уже крупный недостаток. Это относится прежде всего к художникам-любителям и коллекционерам, народным умельцам, сказителям, энтузиастам народных музеев и самодеятельного творчества.

У нас на периферии, в городах, селах очень много настоящих энтузиастов, которые, как это ни странно, до сих пор мешают местным властям, которые считают их беспокойными элементами. Напротив, на них надо всячески опираться. И на учредительные собрания многие из таких энтузиастов, я знаю это по Горьковской области, просто не попали, не были приглашены. Это недостаток. Актив Фонда на сегодня еще узок. И здесь надо работать. Надо вводить в состав общества <местных организаций Фонда культуры> энтузиастов и молодежь в большей мере.

Дело в том, что наши некоторые молодежные организации попали под влияние. И не то чтобы попали под влияние, а выдвинулись некоторые крикуны. Это очень печальное обстоятельство. Шовинизм для нашей страны противопо-

казан в первую очередь. Шовинизм и национализм. Мы должны быть патриотами. Это прямо противоположные вещи. И тем более это неприятно, когда из русских выделяются такие шовинисты. Русская культура всегда была культурой открытой, я об этом многократно писал, она была всегда открытой. С самого начала государство Руси в X—XI вв. было уже многонациональным, туда входили и угро-финские народы и тюркские народы. Поэтому традиционно Россия никогда не была шовинистической. И когда теперь проявляется этот шовинизм у отдельных крикунов, это просто оскорбляет меня как русского. Это недопустимо.

Но нельзя думать, что в этом виноваты сами молодежные организации. Из молодежных организаций многие начинают выходить. Печально, что многие из творческой интеллигенции присоединяются к таким крикунам.

Подлинно патриотическое, основанное на любви к своей Родине, должно отделяться от псевдопатриотического, от националистического, основанного на ненависти к другим народам. Об этом я неоднократно говорил. И мне хочется, чтобы это прозвучало с этой трибуны.

Но на молодежь мы должны опираться. Молодежи должны доверять. Среди молодежи очень много хороших людей, способных, по-настоящему патриотически настроенных. Патриотизм растет среди молодежи. Это меня очень радует. Я это наблюдаю. И отделить их от шовинистов необходимо во что бы то ни стало.

Товарищи, перейду к некоторым организационным вопросам.

На этом этапе становления Фонда мы столкнулись непосредственно с вопросами создания собственной производственной базы и финансового обеспечения всех сторон деятельности Фонда.

Дело в том, что те пожертвования, которые мы получаем, мы не тратим ни на зарплату, ни на организационную деятельность, а только на культурные мероприятия. Нам поэтому нужны средства для того, чтобы платить зарплату нашим сотрудникам и на различные организационные дела.

По инициативе Фонда 19 июня открылась выставка молодых художников, <она> завершилась 27—28 июня аукционом, который дал нам первые заработанные денежные средства, хоть и скромные, но все-таки средства. И мы видим, что путем этих аукционов можно дальше идти.

В целях создания выставок-аукционов решением Бауманского райисполкома Фонду передан старинный особняк — палаты Головина. Мы его привели в порядок. Теперь в нашем распоряжении первое выставочное помещение Фонда. И ко Дню Москвы в нем готовится специальная выставка.

Выставка-аукцион ценных реликвий из личных собраний под эгидой Фонда — планируется подобное мероприятие за рубежом. Произведения советских художников пользуются сейчас постепенно все большей, я бы сказал, стоимостью за границей. В частности, в Японии.

Проведена подготовительная работа по организации в рамках Фонда концертной деятельности, концертно-лекционной пропаганды. Изучаются вопросы по изданию каталогов произведений искусства, репродукций шедевров живописи и подаренных Фонду произведений искусства, художественных ценностей, находящихся у индивидуальных коллекционеров. Будем издавать больше — факсимильные воспроизведения рукописей и редких книг, картин, альбомов, буклетов, календарей.

Особое место займет создание ограниченного числа копий раритетов изобразительного, монументального и прикладного искусства, памятников искусства, имеющих музейные сертификаты.

Максимально близкие к подлинникам копии раритетов намечено реализовать на аукционах в Англии и Швейцарии. Имеется в виду учредить аукцион по продаже <копий> раритетов и в нашей стране.

Я решительно стою за эту деятельность и решительно не понимаю и возражаю против того, когда считается, что пропаганда такого рода произведений, находящихся в наших хранилищах, как западноевропейских, так и советских и русских, национальных по своему происхождению — <это> разбазаривание наших музейных фондов. Это совершенно

ни на чем не основано — такое суждение, которое, к несчастью, бытует в музеях и в рукописных собраниях, когда ученым по тем или иным соображениям не выдаются рукописи. Рукописи пылятся на полках, заражаются жучками и т.д. Мы знаем целый ряд историй, которые возникли оттого, что не выдавались рукописи ученым.

Читатель рукописи — он одновременно и контролер рукописи, он ревизор рукописи, он может сообщить о появлении плесени, грибка, жучков и т.д.

Выдача рукописи одновременно является проверкой рукописи на месте. Поэтому рукописные отделения должны как можно больше выдавать рукописи, потому что наука не может существовать без рукописи.

Мы сейчас в отделе древнерусской литературы задерживаем целый ряд изданий, потому что не можем в рукописных отделениях страны получить фотокопии или иметь доступ научных сотрудников к рукописям, по самым вздорным иногда основаниям.

Начато создание ряда производств у нас <в Фонде>, по реставрации музейных экспонатов, по пошиву национальных костюмов. И рассматривается вопрос о создании фирменных салонов-магазинов для реализации продукции предприятий Фонда.

Есть интересные проекты у наших товарищей из Грузии, Эстонии, Армении, Туркмении. В них надо вникнуть. Но нельзя допустить, чтобы Фонд занялся добыванием денег любыми средствами, вульгаризировал саму идею культуры. Важно заранее побеспокоиться о престиже марки «Сделано в СФК». Здесь нельзя поступаться идейно-этическими позициями. Все, что будет выпускаться Фондом, должно не только преследовать материальную выгоду, но и должно отличаться высоким художественным качеством. Это особенно относится к народным промыслам, которые пускают всё на поток, люди лишены возможности творчески работать. Они должны <по плану> дать определенное количество продукции, они перестают быть художниками, они становятся только выполнителями заказов.

Очень большое значение я придаю факсимильным изданиям и продаже воспроизведений рукописей и книг, хранящихся у нас, за рубежом. Я решительно против того, чтобы такого рода деятельность считать опять-таки разбазариванием наших богатств. Это не разбазаривание наших богатств, а пропаганда. Потому что, когда будут знать на Западе, какими необычайными ценностями мы обладаем, и западноевропейскими в том числе, к нам будет другое отношение.

Мне составили список по рукописному отделу Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде[1]. Что мы могли бы здесь издать и на что мы имели бы огромный спрос за границей, за что мы получили бы валюту: например, рукопись — описание разного рода морских судов конца XVII в., сделанное по заказу Петра у пирата Меринковича, с рисунками пиратских судов разного типа и с рисунками тех судов, на которые пираты нападали. Это великолепная рукопись, это несомненно будет иметь огромный успех. Или — третья книга о военном искусстве, середина XV в., не изданная, богато иллюстрированная сценами битв, осадой городов, морских сражений. Там археологи могут получить огромнейший материал, и не только археологи. Или еще — книга о простейших лечебных средствах, середина XV в., на французском языке. Книга содержит не только описание фармакологических свойств минералов и растений, и животных, но и множество миниатюр. Рукопись принадлежала французскому королю Карлу VIII. Это один из наиболее известных травников Средневековья, и опять-таки не изданных. Несомненно, что это будет куплено большим числом <людей> на Западе. Или 74 акварельных рисунка, это из поэмы, посвященной бракосочетанию Рене Анжуйского и Жанны де Лаваль, <поэма> входила в библиотеку Рене Анжуйского. Это единственный список, неизвестный на Западе.

Если мы это издадим, издадим с вступительными статьями специалистов, то мы получим за это очень много.

Библиотека Вольтера находится в Публичной библиотеке, она плохо известна на Западе, хотя каталог ее есть. Издать

[1] Ныне — Российская национальная библиотека.

книгу, принадлежавшую Вольтеру, с его многочисленными отметками, было бы очень нужно, мы бы получили за это очень много.

Еще, к примеру, турнир 1446 г., 69 миниатюр, посвященных одному турниру. Также эта рукопись принадлежала Рене Анжуйскому, середина XV века. Восточные рукописи тоже есть и другие.

Это только Публичная библиотека. Книги, которые несомненно имели бы огромный успех. И мы могли бы получить большую выгоду — и материальную, и патриотическую.

Я разговаривал с издательством «Книга» по поводу этого, они готовы вступить в соглашение с нами и передать нам редакцию, посвященную этим факсимильным изданиям.

Затем, пропускаю еще некоторые вопросы, принципиальное решение должно быть принято нами сейчас по журналу. Это принципиальное решение у нас уже принято. Но встает ряд проблем, каким должен быть журнал, как обеспечить неповторимость, свежесть и новизну его публикаций. Как привлечь широкий авторский коллектив? Где найти профессионалов-журналистов, с пристальным вниманием к специфике Фонда? Здесь должна быть программа журнала. Журнал уже должен выходить в 1988 г. А между тем у нас нет даже названия журнала. Мы перебрали большое количество названий. Мы пришли к выводу, что название «Отчизна», «Отечество» — они могут быть приняты за географическое название, за название журнала географического направления.

Нам надо во что бы то ни стало в названии отразить то, что это издание Фонда культуры, а не, скажем, хрестоматия для детей школьного возраста и т.д.

Есть два названия, которые нам, более-менее, кажутся соответствующими этому назначению. Это «Культура Отечества» или «Наше наследие»[1]. Когда мы говорим «Наше наследие», мы имеем в виду то наследие, которое мы получаем, и то, которое мы передаем потомкам. Это наше на-

---

[1] Первоначально — «Наследие». Название «*Наше* наследие» предложила Р.М. Горбачева. Именно так был назван журнал Фонда.

следие, и то, которое вырабатываем, которое передаем. Надо решить вопрос о названии журнала и о главном редакторе. До сих пор это не решено, а между тем сейчас должен быть готов по существу первый номер журнала, который должен выйти в 1988 г.

Товарищи!

Осмысление поставленных проблем должно помочь всем нам составить четкое представление о путях их решения в ближайшей перспективе. Это положительно скажется и на поиске рациональных форм и методов нашей организаторской, творческо-созидательной и пропагандистско-разъяснительной работы, на результативности деятельности Советского фонда культуры.

Это в полной мере относится к складывающейся деятельности Фонда за рубежом, к намечаемым международным программам. Между прочим, за рубежом создалось представление, что наш Фонд занят главным образом собиранием культурных ценностей наших народов за рубежом и возвращением их назад.

Пункт о «Возвращении» <в> нашей программе надо понимать широко. Он должен быть связан с пропагандой нашей культуры. Мы совершенно не собираемся возвращать вещи, попавшие в музей или <в> широкое обращение вступившие, но те вещи, которые продаются случайным лицам на аукционах, мы их должны собирать и, кроме того, должны показывать культурное лицо нашей страны. Факсимильное воспроизведение наших ценностей общемирового порядка — факсимильное воспроизведение и рукописей, и картин, и книг — оно создаст иное представление о нашей стране. Потому что представление о нашей стране в последнее время, особенно в Соединенных Штатах, приобрело характер неприятный для нас, что мы малокультурная страна.

Фонд культуры должен действовать в этом отношении гораздо активнее.

Как видите, товарищи, нам есть над чем подумать, над чем трудиться. Порой трудно бывает ухватиться за глав-

ное звено. Все сейчас кажется и главным и важным. И дел у нас становится все больше.

Как, например, повести себя, чтобы был введен День памяти. В Ленинграде уже этот День памяти проводился. Некоторые школьники ухаживали за могилами. Но этого мало. Нам нужно День памяти ввести более активно в нашу жизнь.

В политическом докладе XXVII съезду КПСС отмечалось, что время требует, чтобы в дело управления страной все активней вовлекались общественные организации, однако инициатива многих остается недостаточной, в ряде случаев они пытаются действовать прежде всего силами штатного аппарата, слабо опираясь на массы. Иными словами, народное творчество, самодеятельная природа общественных организаций реализуется далеко не полностью.

Наше общество должно этому способствовать. Это относится и к Фонду культуры. Значит, надо работать увлеченнее, настойчивее. Фонд должен стать значительным явлением в нашей культурной жизни.

В заключение моего доклада я зачитаю вам полученное вчера нами письмо Генерального секретаря нашей партии:

«В президиум Советского фонда культуры.

Дорогие товарищи!

Этим письмом сообщаю вам, что мною на счет Советского фонда культуры переведены 50 тыс. рублей[1] из гонорарных средств, которые были получены за изданные за рубежом публикации.

(Аплодисменты.)

Хотел бы просить вас использовать эти средства при сооружении на героической Смоленской земле памятника Василию Тёркину, который увековечивает подвиг советского солдата в Великой Отечественной войне и является символом глубокого уважения нашего народа к прославленному поэту и его литературному герою.

С наилучшими пожеланиями,

Горбачев».

(Аплодисменты.)

---

[1] В то время — около 70 тысяч долларов.

Глубокая благодарность от всего нашего собрания и от президиума Михаилу Сергеевичу Горбачеву за этот акт и за это письмо, и за то, что оно направлено на помощь созданию памятника именно Василию Тёркину, а не кому-то другому. Это глубоко символично, это вдохновляет нас на еще более тесную связь нашей деятельности с народом. Именно Василий Тёркин представляет наш советский народ.

(Аплодисменты.)

<...>

Г.В. МЯСНИКОВ: Слово для заключения имеет Д.С. Лихачев.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Прежде всего я хочу ответить на некоторые записки, которые требуют ответа публичного сейчас. Во-первых, записка от В.Н. Минина, руководителя хора нашего известного: «В Соединенных Штатах будет издано 40 томов русской духовной музыки с XII по XX в. Может ли СФК приобрести эти бесценные издания, хотя бы 1—2 экземпляра?»

— Конечно, может. Но дело в том, что было бы лучше, если бы это приобрели библиотеки. Потому что где же мы будем хранить 40 томов и где создавать читальный зал. Но еще лучше, если мы сами будем издавать памятники русской национальной музыки начиная с XII в. У нас есть только фотографическое издание (10 экземпляров) Бражникова. А русская древняя музыка — она просто не открыта для мира. Когда хор Минина или Е.Е. Нестеренко поет на Западе вот эти вещи, это вызывает восторг и удивление, что в нашей стране есть такая музыка. Значит, мы должны сами создавать свою серию, прежде всего.

Теперь очень важный вопрос: «Как вы относитесь к идее перевода дела охраны памятников истории и культуры на государственные рельсы, то есть к созданию Государственного комитета при Совете министров СССР?»

Я отношусь к этому не только положительно, — больше чем положительно. Это необходимость, потому что грузинский опыт <показывает>, что это действительно дает настоящую охрану. Должен быть Государственный коми-

тет по охране памятников, как и должен быть Государственный комитет по русскому языку.

Русский язык — наш центральный, он постоянно портится торговыми, техническими организациями. Многое мы делаем неправильно. Если де Голль возглавляет комитет по французскому языку, то у нас должен быть Комитет по русскому языку, возглавляемый самыми важными людьми нашей страны.

На остальные записки я отвечу в частном порядке.

По некоторым выступлениям. Правление внимательно изучит стенограмму выступлений, мы обещаем вам, что примем всё во внимание самым серьезным образом, каждый член правления должен получить стенограмму.

По некоторым вещам, которые требуют немедленного ответа, моего личного, пока мы не собрались вместе. За Фонд я не могу отвечать, но по некоторым вещам хотел бы сказать.

В.И. Попов предложил нам вернуться к основным моментам нашей деятельности, к нашим основным документам, чтобы еще раз их посмотреть в свете того опыта, который прошел за полгода. Я думаю, что это надо сделать. Собраться в тесном кругу и пересмотреть наши основные положения.

Он сделал очень важное предложение — создать модель духовной жизни села, как, например, раньше в селе были посиделки, где люди собирались вечерами, отдыхали. Сейчас нужно создать модель культурной жизни села.

Что в селе должно быть, как минимум? Какие хоровые кружки, краеведческие уголки, если не музеи? Такая модель необходима, потому что люди не знают, что делать.

Тенгиз Павлович Буачидзе предложил пересмотреть название для республиканских отделений, не называть их отделениями, называть республиканскими обществами. Это же предложил профессор Кахк из Эстонской ССР. Я думаю, что это действительно правильно. То есть нужно назвать, к примеру, Фонд культуры Эстонской ССР, Фонд культуры Грузинской ССР и т.д. (Аплодисменты.) Я думаю, что это надо сделать.

Просили включить в программу «Память» эстонского музыканта Георга Отса. Я думаю, что Фонд культуры Эстонской ССР это сделает.

Очень важным было выступление Ю.А. Жданова. Я от Советского фонда и от себя лично очень благодарю его за это выступление. Это выступление не гуманитария, он не первый раз выступает на общих собраниях Академии наук. Гуманитарным наукам не уделяется никакого внимания. Он выступает в защиту гуманитарных наук. Представителям гуманитарных дисциплин не предоставляется слово, и Юрий Андреевич Жданов за нас, за гуманитариев, заступается, за гуманитарные науки и за краеведение, что очень важно. Я ему очень за это благодарен. Это действительно важно. И важно преподавание ландшафтоведения.

Я бы хотел внести маленькую поправку. В ландшафтоведение нужно ввести и городской ландшафт. Дело в том, что градостроители совершенно не сообразуются с традиционно сложившимся городским ландшафтом. Они не понимают городского ландшафта, они строят свои отдельные здания, утилитарные главным образом. Так, например, более тысячи лет Новгород считал Волхов своей центральной улицей и строил фасады здания в сторону этой улицы. Вдруг строится гигантский театр, который больше, чем София Новгородская, выше которой считалось неприличным строить здания, и они никогда не строились выше. Театр построен выше, стоит он пустой, потому что наполнить его очень трудно, и он поставлен задами к Волхову. Что такое Новгород, каков его городской ландшафт? Это просто не изучается никем. Изучение городских ландшафтов, особенно исторических городов, — это необходимая вещь, так же как изучение ландшафта природы. И некоторые ландшафты нужно брать под охрану: ландшафт Бородинского поля, Полтавского поля, Куликова поля; ландшафты, связанные с Левитановским «Плёсом», и т.д. Их надо брать под государственную охрану.

Очень интересное было выступление поэтессы Г. Сафиевой из Таджикистана. Это выступление важно вот почему: рукописи на арабском языке гибли и продолжают гибнуть, и я, как русский, очень забочусь об этих рукописях, потому что арабские рукописи — это и часть русской культу-

ры в каком-то смысле. И изучение арабского алфавита, что помогло бы сохранению арабских рукописей, надо ввести хотя бы в нескольких школах, так же как, скажем, ввели изучение староболгарского языка болгары в нескольких школах Софии. Необходимо изучение арабского алфавита, иначе рукописи будут гибнуть.

Художник Кербель Лев Ефимович предложил уделить особенное внимание нашему журналу и считать его паспортом нашей культуры. Это важно действительно. По книгам вообще судят о культуре страны. Если книги в нашей стране издаются плохо, это всегда производит впечатление какой-то некультурности вообще страны. Наши книги не на должном уровне, они не представительствуют нашу страну <sic!>.

Так по крайней мере наш журнал Фонда культуры должен быть представителем нашей страны, нашей культуры.

И это совершенно правильно.

Ф.Ф. Кузнецов предложил ряд интересных вещей, в частности, создание кооперативного издательства. Я всей душой за это создание. Но думаю, что это скорее не дело Фонда культуры. Это дело более широкое. Здесь было сказано: построить с финнами вместе типографию. Но нам хотя бы свои типографии сохранить. Они разрушаются. С типографским и издательским делом у нас плохо. Не стоит к финнам за этим обращаться. Надо самим за это дело браться.

Что касается того, чтобы назвать краеведение «Родиноведением»[1], я против этого. Это слишком широко. В конце концов, и история, и преподавание литературы, и преподавание языка — все они должны иметь этот уклон в отечествоведение.

Но, кроме того, должно быть изучение своего уголка, своего дома, своего села или города.

Здесь И.С. Глазунов сказал о складе русских икон в ГДР, я очень прошу сообщить адрес. И мы пошлем туда своих людей.

И теперь относительно копий с лучших произведений. И продавать их в магазине, назвав его «Родник». Это очень важное и хорошее предложение <И.С. Глазунова>.

---

[1] Ю.А. Жданов в своем выступлении обратил внимание на забытый в советское время термин «отечествоведение».

Дело в том, что Фонд культуры должен развивать вкус населения. У нас будут переданы в эксплуатацию населению миллионы квартир. Их нужно украшать не купленными на рынке плохими ковриками, не плохими воспроизведениями, а действительно создавать копии с лучших произведений, с помощью консультаций специального Совета для того, чтобы украшать квартиры. Не каждая картина, даже очень хорошая, годится для квартиры. Поэтому надо выбирать то, что для населения годится для украшения квартир. И воспитывать вкус у нашего народа.

Наконец, С.О. Шмидт[1] говорил о рубрике археографии в журнале. Это несомненно надо сделать.

И, наконец, было сказано о том, что в старые времена никогда не прекращали работу библиотеки, рукописные отделения. Это действительно факт. Библиотеки — это самая важная культурная часть нашей страны. Они находятся в ужасном состоянии в нашей стране. На самом низком уровне. Гуманитарные науки не могут развиваться, если закрыты рукописные отделения. В Ленинской библиотеке самое большое рукописное отделение и в Историческом музее. Остается закрыть Публичную библиотеку в Ленинграде, и тогда гуманитарные науки вообще не будут развиваться в нашей стране.

Что такое гуманитарные науки?

Гуманитарные науки, как растения питаются от земли, а они питаются от рукописей, от архивных материалов. Только та научная работа действительно воспитывает человека филологом, которая основана на рукописном материале. И закрывать рукописное отделение — это значит ликвидировать нашу гуманитарную науку.

И, конечно, нужно издавать каталоги, вообще на каталогию нужно обратить внимание. Каталоги — это не ходкий товар, но это важно для культуры. Это основное, на что я хотел обратить ваше внимание.

Я думаю, что наша конференция прошла очень продуктивно. Мы лично, правление, получили колоссальную зарядку

[1] Председатель Археографической комиссии Академии наук, в дальнейшем член президиума СФК.

и ощущение того, что мы делаем нужное дело. Благодарим всех за внимание, за внимание к нашей работе со стороны партийных, профсоюзных организаций. Мы будем стараться по мере своих сил все возможное <делать> для того, чтобы поднять нравственный, духовный, культурный уровень в нашей стране, возродить интересы культурные и способствовать нашей перестройке, в которую мы верим, в которой глубоко заинтересованы и которой придаем огромное значение.

Спасибо.

(Аплодисменты.)[1]

Из стенограммы заседания президиума СФК 24 сентября 1987 г.

<Об общественном активе Советского фонда культуры>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я должен сказать следующее. Вот, к примеру, по Ленинграду: когда создается общество содействия Фонду культуры, это выглядит немного абстрактно, и тогда возникают разные идеи, которые не всегда соответствуют идеям Фонда и т.д. Я на основании неформальных объединений в Ленинграде совершенно четко вижу путь, по которому должны идти эти неформальные объединения. Это должны быть общества, к примеру, друзей того или иного памятника, того или иного парка, сада, той или иной камерной музыки, классической музыки, друзей книги, к примеру, друзей А.С. Пушкина и т.д.

Чтобы были конкретные уставы для таких обществ. Эти общества должны создаваться не на века. Если памятник восстановлен, то общество распадается, люди из этого общества могут переходить к восстановлению других памятников. Должен быть конкретный устав.

Если конкретного устава не будет, то получатся такие вещи, какие получились с обществом «Память». Как вы на это смотрите?

<...>

---

[1] Архив РФК. Т. 23/1. Д. № 16.

Г.В. МЯСНИКОВ: Мы попробовали по Москве это сделать, работаем с районами. Советы содействия Фонду культуры должны формироваться активистами, здесь не должно быть лозунгов, а должно быть объединение людей по интересам, ради конкретного дела. <...>

О журнале Советского фонда культуры «Наше наследие»

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Журнал для нас — это основа основ, это визитная карточка нашего Советского фонда культуры. Я хочу в этом журнале работать, принимать в его работе самое активное и ответственное участие. Я рассчитываю на то, что главный редактор журнала <В.П. Енишерлов> будет ко мне приезжать в Ленинград два раза в месяц. Я буду читать предварительно материал.

Я хочу заниматься и чувствовать журнал, хочу, чтобы он получился интересным. У меня есть опыт такой работы, опыт журнальной работы, и можете мне поверить, что я не буду формальным членом редакции. <...>

Я должен сказать следующее: я не допущу в журнале никакой групповщины, никаких выпадов или полемики, не касающихся вопросов Фонда культуры. Только вопросы Фонда культуры. Поэтому рецензии на художественные произведения, положительные или отрицательные — все равно, — в журнале печататься не будут. В проекте это предусмотрено. Это должен быть чистый журнал, хорошо представляющий нашу страну, в хорошем свете. Если критика, то критика должна быть конструктивная, <...> а не злопыхательская, то есть критика с болью, а не со злорадством. За этим я буду следить, если вы мне доверяете. Вы знаете меня по моим публикациям, я не склонен ни к какому злорадству и вообще считаю доброжелательность во всех видах самым главным человеческим свойством. <...>

Журнал наш должен носить строго патриотическое направление, должен быть без всякой групповщины, журнал наш должен быть чистым во всех отношениях[1].

---

[1] Архив РФК. Т. 23/1. Д. № 17.

Из стенограммы заседания президиума СФК 25 декабря 1987 г.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Разрешите мне сделать дополнения к докладу <Г.В. Мясникова>. Я был месяц в заграничной командировке и не принимал участия в составлении <годового> отчета.

У Фонда, мне кажется, есть целый ряд серьезных достижений и в организации самого Фонда, я имею в виду штатного состава; очень много удач в замечательно организованном концерте «Премьера премьер», в организации аукционов. Сдвинулась с мертвой точки организация журнала «Наше наследие». Это все хорошо.

Но мне хочется сказать не об удачах, а о недостатках. У нас в штате нет специалиста по искусству — искусствоведа. Это очень большая наша неудача. У нас есть штатная единица моего заместителя. Нам нужен обязательно искусствовед.

Нам нужна экспертная комиссия по иностранным архивам. С.О. Шмидт мог бы участвовать в этом деле. В Англии за наследие надо платить чуть ли не 30%, и поэтому оно очень часто уничтожается. <...>

Нам нужен издательский отдел, чтобы выпускать хорошие репродукции для украшения квартир, которые получают наши жители. <...> Необходимо также выпускать справочники по музеям, как это делается в Великобритании. Человек, который едет в командировку в маленький город, может по справочнику узнать, какие там есть музеи. У нас единого справочника нет, нам нужно его издавать.

Нам нужна картотека по всем частным коллекциям. Картотека должна быть большого формата, должна содержать сведения о коллекциях, куда они перемещаются, что коллекционеры получают и т.д. Я об этом говорил. Это нам непременно нужно.

Журнал, который мы должны печатать, должен быть не хуже, чем «Бурда»[1], поэтому надо поработать для того, чтобы увеличить объем журнала, получить хорошую полиграфическую базу.

[1] Единственный в то время «глянцевый» журнал, выходивший в СССР.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Хорошо, что начали печатать журнал «Бурда», для конкуренции, для соревнования.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Надо иметь полиграфическую базу не хуже, чем «Бурда». Нам нужна машина для цветной печати. Надо создать видеостудию. У нас проходят выставки, аукционы, проходят вещи, которые потом бесследно исчезают. Нам нужны слайды и киносъемка этих выставок.

В Англии, когда устраиваются выставки, помимо выставки есть комната, где показываются фильмы по этой выставке с подробным объяснением. Выходящий оттуда понимает, что он смотрит. Или он может сначала посмотреть выставку, а потом пойти в студию.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: И можно купить слайды, репродукции. Это также прекрасное средство пропаганды.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нам нужна записывающая аппаратура для съемки этих коллекций. Это все интересует коллекционеров и т.д.

Шестое. Поездки за границу должны приобрести более целеустремленный характер и более организованный. Поездки за границу должен санкционировать президиум, в частности, они должны быть санкционированы мной. Я должен знать, кто и зачем едет за границу. Приезжающий должен отчитаться, что он за эту поездку сделал конкретного. Эти отчеты надо размножить для всех членов правления. Это будет способствовать большей ответственности.

Седьмое. Должен вестись учет произведений искусства, находящихся в госучреждениях. Например, «Остафьево», «Архангельское», «Марьино»[1]. Даже в гостиницах. В «Асторию» из Эрмитажа были переданы произведения искусства, потому что интуристу придавалось большое значение. Где эти произведения искусства, в каком состоянии — неизвестно. Финны сейчас ремонтируют «Асторию» и взяли себе все вещи из «Астории». Должна быть полная фиксация произведений

[1] Дворянские усадьбы, превращенные в советское время в ведомственные санатории: подмосковное имение князей Вяземских Остафьево (ныне музей-усадьба), Архангельское кн. Юсупова, Марьино — усадьба кн. Голицыных и гр. Строгановых под Петербургом.

культуры. В «Узком»[1] есть произведения первостепенной важности. Там есть картины Бакста и т.д. Опись, сделанная И.В. Линник[2], находится в библиотеке. Она на машинке отпечатана, и всё. Что находится по отдельным палатам, не зафиксировано.

Затем в программу должен быть включен Бужеваль[3]. Бужеваль должен быть форсирован. Я несколько раз говорил об этом.

Еще очень важная вещь для нашей страны – это вопрос о переименованиях и возвращении старых названий. Мы должны создать ответственную комиссию из историков, краеведов, лингвистов и подумать над тем, что сто́ит и что не сто́ит возвращать из старых названий, а что просто нельзя возвращать из старых названий. Конечно, мы не можем выпустить постановление по этому вопросу, но мы должны подумать над этим во всесоюзном масштабе.

Вызывает протест и волнение у студентов университета имени Жданова <название Ленинградского университета в честь А.А. Жданова>. Скоро будет юбилей Ахматовой, и мы не гарантированы от различных эксцессов. Естественно, что университет в Ленинграде должен носить имя Менделеева. Здесь и сомнений быть не может. Вся современная физика исходит из системы Менделеева, его идей.

Вообще нужно подумать над тем, что возвращать из старых наименований, что не возвращать. К примеру, есть экстремальные предложения, чтобы Ленинграду возвратить название Петербург. <...>

Комиссия должна работать каждый месяц, рассматривать предложения, должна быть систематическая работа комиссии. Очень большое движение сейчас в Горьком за

---

[1] Подмосковная усадьба (ныне вошла в черту Москвы). В этой усадьбе находится санаторий Академии наук, где часто отдыхал Д.С. Лихачев. В Узком хранится богатая коллекция живописи из имения Борок Н.А. Морозова, а также «трофейные» картины из Потсдама.

[2] Доктор искусствоведения, атрибутировала «трофейную» живопись в Узком.

[3] Дом Полины Виардо во Франции, где жил И.С. Тургенев.

возвращение названия Нижний Новгород. Я получил три письма из Горького, меня просили при ответе им писать на конверте «Нижний Новгород». Все это надо как следует обдумать.

Мы должны обдумать и довести до конца хорошо начатую нашу акцию с Белой Криницей. Там из трех служителей только два получают зарплату. Коли мы Белую Криницу доведем до конца, мы будем получать огромные деньги, надо там планировать создание музея[1].

Что касается Пушкинского общества, оно было, хорошо работало и его, конечно, возродить следует[2]. Это возвращение того, что было.

Что касается неформальных организаций, они должны быть, но нужно с неформальных организаций требовать программу, чем они будут заниматься, и допускать их деятельность только в пределах программы[3].

Есть стремление к созданию общества «Классика». Создаются сейчас общества любителей рок-музыки, старой музыки. Но нам нужно общество любителей классической культуры: классической литературы, классической музыки. Сейчас почему-то считается, что читать Пушкина, Достоевского невозможно, это всё проходили в школе. Надо создать общество любителей классической литературы, классической музыки, настоящего фольклора, но ни в коем случае не лжефольклора, который звучит с эстрады, и нужны небольшие кружки латинского и греческого языка. Надо создать такое неформальное общество «Классика». Есть

---

[1] Речь идет о планах создания музея иконописи в селе Белая Криница (Прикарпатская Украина), где находился известный старообрядческий монастырь.

[2] Г.В. Мясников на этом заседании рассказывал, что в Государственном музее А.С. Пушкина в Москве скептически отнеслись к идее возрождения Всесоюзного Пушкинского общества. Это Общество, созданное в 1920-х гг., перестало существовать в конце сталинской эпохи в связи с «чистками» в среде ленинградских ученых. Ср. с. 263.

[3] В другом месте Д.С. Лихачев продолжил эту мысль: «Мне кажется, и благотворительность, и неформальные организации должны иметь строго определенную, конкретную задачу, потому что та болтливость в неформальных организациях объясняется тем, что очень расплывчаты неформальные организации».

школы, где все учащиеся целиком согласны вступить в такое общество «Классика». <...> Это было бы противопоставлением любителям рок-музыки. Пусть рок-музыка будет, но ей будет противопоставлено что-то серьезное. Сейчас нужно противопоставление хаотическому, стихийному стремлению к рок-музыке.

Что касается музеев, музеев в стране мало в сравнении с Англией и другими странами. Но дело еще в том, как организовать эти музеи.

Совсем не нужно, чтобы толпа шла в музей Блока. Если будут ходить отдельные люди, это будет <иметь> хорошее воспитательное значение.

В Англии я видел такой музей: «Старая лавка»[1]. На двери висит колокольчик. Выходит хозяин лавки на звук колокольчика и продает старинные лампы, старинные вещи... Есть такой музей Диккенса в Англии. А в Ленинграде сохранена квартира Андреевых-Бальмонт, где жил Блок, там сохранена обстановка начала XX в. Хозяйка квартиры пускает туда людей. Надо официально дать разрешение на то, чтобы пускать людей в этот музей-квартиру. Это воспитание вкуса, любви к истории, поэзии Блока. По этому пункту надо принять определенное решение[2].

Стенограмма совместного заседания совета учредителей, правления и ревизионной комиссии 4 февраля 1988 г.

Совместные заседания совета учредителей и правления Советского фонда культуры собирались в 1988—1990 гг. в начале года для подведения итогов работы за предыдущий год и обсуждения новых планов. Перевыборы на таких собраниях не проходили — согласно уставу Фонда, его руководящие органы избирались Всесоюзной конференцией на пять лет, однако правление могло кооптировать в свой состав новых членов.

---

[1] По названию романа Ч. Диккенса «Old Curiosity Shop».
[2] Архив РФК. Т. 23/1. Д. № 19.

Такие объединенные заседания были многолюдными, проходили в больших конференц-залах (например, бывшего СЭВ, ныне – мэрии Москвы на Новом Арбате).

Членами Совета учредителей на конференции 1986 г. были избраны 105 человек. Правление первоначально состояло из 83 членов, в 1988 г. – из 96, а в 1990 г. их число возросло до 137. Среди членов правления преобладали представители творческих союзов – писателей, художников, кинематографистов, театральных деятелей. Большинство из них присутствовало на ежегодных заседаниях, кроме того, приглашались и работники аппарата, и многочисленные гости.

Д.С. Лихачев в качестве председателя правления Фонда выступал на каждом из таких заседаний.

Здесь публикуются записанные стенографистками тексты выступлений Д.С. Лихачева на заседании 4 февраля 1988 г. по стенограмме в архиве РФК: доклад и заключительное слово Д.С. Лихачева, а также отдельные фрагменты выступлений в прениях других членов правления.

На этом заседании Д.С. Лихачев выступил с большим часовым докладом. Материалы к нему готовил центральный аппарат Фонда, Дмитрий Сергеевич зачитал оттуда лишь некоторые положения, перечислил главные программы и направления деятельности (начиная с обязательной тогда программы «Ленин и культура» – реально она, конечно, не работала, но на заседании должны были прозвучать какие-то фразы о «ленинском пути»). Остальное отведенное для доклада время Д.С. Лихачев говорил от себя, на волновавшие его темы, в том числе и «планетарные» – единство исторических процессов в мире, достоинство наций, гуманистические ценности и т.д. Мы не помещаем «аппаратные» материалы рядом с текстом выступления Д.С. Лихачева, но можно без труда заметить отрывки из официального отчета, которые использовал в своей речи Дмитрий Сергеевич.

Таким «сборным» характером доклада объясняется стилистическая разноголосица текста, удивительные сочетания характерных для Д.С. Лихачева старомодных выражений и совсем не свойственных ему элементов бюрократического языка поздней советской эпохи. Например, в одном месте говорится о необходимости «активно поддерживать и развивать обще-

ственную инициативу, направленную на утверждение ленинских идей и ставшую актуальной на современном этапе перестройки». А чуть позже Д.С. Лихачев упоминает «барышень», у которых еще нет «кавалеров» и которых Фонд (с помощью Ленинградского обкома партии) должен приобщать к концертам классической музыки...

После вступительного слова Ю.К. Королева от Совета учредителей и доклада Д.С. Лихачева заседание продолжили выступления членов правления. По окончании прений Д.С. Лихачев ответил на поданные ему записки и откликнулся на некоторые выступления. К сожалению, большой объем стенограммы не позволяет нам опубликовать полностью всё, что звучало на этом заседании. Кроме текстов Д.С. Лихачева, даются фрагменты лишь тех выступлений, на которые он отвечал.

Составитель

Доклад Д.С. Лихачева

Дорогие товарищи!

Так как главным в нашем заседании будут выступления с мест, то я постараюсь быть кратким и не затратить даже положенного мне часа. Мне нужно выступить с анализом нашей работы за прошедший год, с тем чтобы наметить пути нашей дальнейшей работы. Я буду говорить и о положительных сторонах нашей работы, и об отрицательных. Те недостатки, о которых я буду говорить, я прежде всего отношу не к членам правления, а к самому себе. Это критика в мой адрес. Все это получилось потому, что я недосмотрел, недоработал. Может быть, это получилось в силу того, что я живу в Ленинграде и не имею много времени для того, чтобы разъезжать, но во всяком случае это в первую очередь моя вина.

Формирование нового мышления[1] в нашей стране, как и во всем мире (потому что то, что происходит в нашей стране,

[1] Здесь и далее Д.С. Лихачев использует в своем докладе ряд формулировок из материалов, подготовленных аппаратом правления к этому заседанию.

происходит и во всем мире) прежде всего связано с гуманитарной работой. В борьбе за выживание именно гуманитарная наука играет наиболее важную роль. В XXI в. она приобретает особое значение, потому что техника и наука, переданные в руки безнравственного человека, — гибель для всего человечества. Поэтому гуманитарные науки, призванные воспитывать нравственность и мораль, должны быть в центре нашего внимания. Именно в этом и состоит роль нашего Фонда.

Это процесс по увеличению роли, гуманизации культуры неминуемо должен привести к главному — единству нравственных и духовных центров как сущности национальных культур народов, которые составляют некоторое мировое сообщество. Именно единство народных ценностей различных культур дает основание верить и надеяться на будущее, то есть дает основание на то, что нравственные ценности являются всеобщими для человечества. Если этого нет — это гибель для человечества. Мы должны выжить не только как биологические существа, не только как обезьяны на четырех <sic!> ногах, но прежде всего как существа высококультурные, иначе нет смысла в нашем существовании.

Мы должны иметь все возможности для дальнейшего развития гуманистической культуры, потому что единственное, по моему убеждению, что бессмертно в нашей истории, — это искусство, это гуманистические ценности. Гуманистические ценности не умерли со времен Античности, времен Возрождения, времен XIX века и т.д. Это бессмертные ценности, и об этом мы должны заботиться. Отсюда то огромное значение, которое имеют и будут иметь еще в большей степени в XXI в. гуманистические ценности в школе, в общественном сознании, в искусстве, гуманистических <sic!> науках.

В этом огромная роль музеев, коллекций частных лиц и т.д.

Гуманистические ценности не только должны собираться, храниться, они должны быть активными воспитателями морали и эстетики.

Кроме того, в условиях демократизации <формируется> новый психологический и духовный тип человека. Это

человек, наделенный все расширяющимися возможностями и правами. Это человек с более высоким сознанием, ответственностью перед всеми и перед собой лично. И воспитать такого человека невозможно без использования и формирования духовных, нравственных ценностей, которые несет в себе культура. Это первое, на что я хотел обратить внимание, — серьезность задачи, стоящей перед нашим обществом.

Второй пункт. Как общественная и неофициальная, независимая организация Фонд культуры должен тщательно заботиться о своей общественной репутации в различных слоях общества. Огромную роль несет образ общества, его лицо, то, что англичане и американцы называют «имидж» общества. Такой образ должен иметь наш Фонд. Его может не иметь государственная организация, механически работающая, но общественная организация должна обязательно иметь лицо — лицо привлекательное.

Мы ни на минуту не должны забывать, что повсюду в стране на нас надеются, от нас <много> ждут. Мы должны быть образцом быстрого реагирования на все поступающие предложения, в ответах на письма. В нашем поведении должен быть уважительный стиль, мы должны быть вежливыми и демократичными, открытыми в своих действиях, ответах на корреспонденцию, в приеме посетителей. Даже в мелочах это должно быть на первом плане, только тогда в нас будут верить. У нас не должно быть облика «чиновничьей» организации, не должно быть невнимательного отношения к поступающим предложениям и посетителям.

В наших залах, в залах нашего общества <Фонда> должно быть всегда много людей, которые будут приходить к нам со своими заботами.

Конечно, многие вопросы еще решаются тяжело. Мне, например, в Ленинграде с одним помощником очень тяжело работать, иногда на проблемы Фонда приходится целый день тратить, но я на это иду, так как иначе не стоит существовать нашему обществу.

Наша программа должна быть ясной, достаточно простой и результативной. Мы не должны слишком мельчить

в нашей деятельности, останавливаться на мелочах. Программа должна быть важной, интересной для людей всех национальностей нашей страны. Мы должны учитывать местные интересы, но вместе с тем программа должна быть единой. Это сложная задача — учитывать местные интересы и быть единой программой для всей страны. У нас должно быть общее лицо и общий почерк работы.

Мы сами, наши республиканские отделения, городские, сельские отделения должны, по возможности, объединить все культурные слои общества, в том числе и народную интеллигенцию. Мы общество народной интеллигенции, ибо, иными словами, мы Фонд культуры интеллигенции.

В нашем обществе, в нашем социалистическом обществе, в отличие от предыдущих, важной прослойкой является рабочий класс. На это нужно будет обратить внимание, ибо и в рабочем классе есть истинные интеллигенты. Это явление совершенно исключительное, мы имеем активистов нашего общества <Фонда> среди рабочих. Это прекрасно!

На одном из заседаний, организованном для нашего общества «Литературной газетой», выступил токарь одного из ленинградских заводов, это было выступление интеллигента высокой марки. Также и в крестьянстве, среди земледельцев есть много активно работающей интеллигенции. Все это я говорю для того, чтобы вы поняли, что в помещениях нашего Фонда должна кипеть умственная жизнь. Общественность должна обсуждать различные темы культурной жизни, различные проекты, должны работать комиссии, советы. Наши помещения не должны пустовать, быть труднодоступными.

Я думаю, что этот вопрос является одним из главных в деятельности Советского фонда культуры.

Мы, являясь центром культуры в нашей стране, должны большее внимание сосредоточить на нашей издательской деятельности. Издательская деятельность — это то, что может дать лицо нашему Фонду. Я на этом настаивал и буду настаивать.

Мы вели частные переговоры, у нас сейчас создается очень хорошая кооперация с издательством «Книга». Оно одно из лучших наших издательств, наиболее культурное изда-

тельство. Мы вели переговоры в лице директора издательства «Книга» тов. Адамова, который согласен работать с Фондом культуры. Мы будем делить доходы издательства.

Мы не должны быть просто коммерческим предприятием, мы не должны просто извлекать доходы и передавать их. Наши доходы должны быть чисто культурными, это доходы от издания книг по искусству, каталогов по искусству, книг по истории. Наши издания должны украшать бесчисленное количество квартир, которые получает население. Мы должны выпускать свой журнал «Наше наследие». Я надеюсь, что он будет иметь правильное направление. Мы с В.П. Енишерловым, главным редактором журнала, надеемся, что он не будет похож на все наши журналы, что он будет действительно нести культуру в массы. Благодаря своей издательской деятельности мы сможем получить то, что англичане называют «имидж», в глазах общественности. Мы не должны быть передаточной инстанцией, потому что без передаточной инстанции можно и обойтись.

Наши издательские организации будут находиться на самоокупаемости, нам не нужно кооперативов здесь. Хотя я должен сказать, что я знакомился с работой таких кооперативов в Латвии. Там предлагают кооперативное издательство, я посмотрел проект, это будет очень хорошее дело. Мы не должны идти по пути запретов. То, с чем я познакомился в Латвийской республике, очень интересно и может быть продуктивно. Поэтому мы просим наших доброхотов за рубежом, тех миллионеров, которые готовы дать нам деньги, помочь нам в создании типографии для цветной печати, где мы могли бы издавать наш журнал как первый журнал такого рода в стране. Надо, чтобы цветные репродукции были на уровне оригиналов, чтобы они украшали наши дома, квартиры, чтобы воспитывали вкус у молодежи, детей и взрослых.

Этот вопрос надо отработать. Надо, чтобы у главного редактора был один заместитель, а опытных редакторов они нам дадут, и мы будем иметь хорошо отлаженную работу.

Много сил в прошлом году было потрачено на организационное построение фондов в республиках, краях и об-

ластях. Надо сказать, что прошедший год в этом отношении был продуктивным. Очень много в этом направлении мы сделали. Лично я, как ленинградец, очень доволен работой Ленинградского фонда. Правда, я незнаком со всеми фондами, в силу того, что я живу в Ленинграде и не имею возможности много путешествовать по стране, как я уже говорил, но многие фонды меня радуют. В частности, может быть, не всем известно, но такой центр образовался на Камчатке. Я беседовал с его представителями, и оказалось, что там масса работы, и ее хватит и для того поколения, которое живет сейчас, и для тех поколений, которые будут. Эта работа состоит в сохранении тех ценностей, которые имеет Камчатка.

Но в организации наших центров <местных отделений Фонда> не все просто. И выборы на учредительных собраниях Фонда культуры не обошлись без нарушений принципа демократичности. У меня есть жалобы, письма, и, так как жалобы не единичны, они меня очень огорчили. Есть жалобы из Горького, из Орла на нарушение демократии на выборах в местных Фондах культуры[1].

Я был во всех почти волжских музеях, и меня там спрашивали: кто был приглашен из музейных работников на учредительное собрание Ульяновского фонда культуры? Не был приглашен, оказывается, ни один музейный работник. Это большой недостаток. Музейный работник имеет большое значение для нас. Музей — это не только хранитель, это и воспитатель. Музейные работники сейчас на самом передовом крае культурной работы, поэтому мы должны заботиться об искусствоведческом воспитании и в Московском университете, и в Ленинградском университете, и в Академии художеств. В нашей стране крайне не хватает настоящих искусствоведов (не просто имею-

[1] Здесь и ниже Д.С. Лихачев касается проблем формирования отделений Фонда в РСФСР: на руководящие посты в областных отделениях местные власти «протаскивали» бывших секретарей обкомов и даже отставных генералов. Д.С. Лихачев настороженно относился к бывшим партийным работникам, но при этом он высоко ценил своих заместителей по Фонду Г.В. Мясникова (в прошлом секретаря обкома) и О.И. Карпухина (бывшего работника аппарата ЦК КПСС).

щих дипломы). Вы только подумайте: Россия была страной первоклассных искусствоведов. Сейчас их мало. И когда мы выбирали в Академию наших искусствоведов, мы совершили ошибку. Одного искусствоведа выбрали по одному отделению и другого — по другому отделению. И при этом мы испытывали затруднение, потому что настоящих искусствоведов было мало. Раньше у нас были Грабарь, Оссовский, другие, была масса первоклассных искусствоведов. Сейчас их нет. А работа с культурой требует, чтобы наше искусствоведение было на должном уровне. Меня всегда удивляет, поражает высокий искусствоведческий уровень в Грузии и Армении.

Прошлый год был годом поиска стиля и методов работы, наших взаимоотношений с республиканскими, местными организациями Фонда. Те предложения по изменению Устава СФК, которые сегодня нам предстоит рассмотреть, направлены на углубление демократических принципов, повышение самостоятельности в работе каждой нашей организации. Самостоятельность, демократизация, активность — это составляет некое единство, и мы должны обратить на это особое внимание. Эти предложения подсказаны жизнью, отражают реальную потребность республиканских и областных Фондов, а иногда просто Фондов городских, общественных организаций. Думаю, мы их поддержим.

Даже небольшой опыт работы Советского фонда культуры за прошлый год убеждает, что только те акции и мероприятия являются эффективными и вызывают значительный интерес, которые опираются на реальные общественные потребности и осуществляются силами активистов. И этих активистов мы постепенно приобретаем.

Поэтому мы считаем крайне важным развивать круг общественного актива, избегая формализма и процентомании в этом деле, и я бы сказал, легких форм работы. Мы должны идти по трудным формам работы, а не по легким. Легкие сами по себе будут делаться.

Перестройка в нашем обществе всколыхнула огромные массы людей, породила мощную общественную активность

всех социальных групп населения. Бурно идут процессы и в области духовной культуры.

Я сейчас нахожусь под большим впечатлением больших событий.

В Ленинграде позавчера состоялся благотворительный концерт в большом зале Филармонии. Вы не можете себе представить, какое настроение было у людей в зале, <и> какое огромное количество людей не смогло попасть в этот зал. Площадь Искусств была заполнена народом, заполнена вплотную. Была организована очень интересная выставка, выставка одной коллекции. Так на выставке дышать нечем было от того количества людей, которые там собрались, а зал этот очень большой.

Вчера прошло очень важное событие — акт дарения в Москве <день дарителя в Советском фонде культуры>, прошедший с большим духовным подъемом. Затем был дан концерт, так что прошло неформально, демократично. Были выступления дарителей очень трогательные, как иностранных, так и советских, дарения были маленькие и большие, менее ценные и более ценные. Но самое ценное, что хотелось бы отметить, — это та атмосфера, которая вчера царила в зале.

В имеющемся информационном материале подробно сказано обо всех акциях-мероприятиях, осуществленных Советским фондом культуры в прошлом году. Я думаю, что сегодня нет необходимости это повторять.

Важным направлением в деятельности Фонда, имеющим высокий нравственный аспект, стала благотворительная деятельность. Это не просто дарение, благотворительная деятельность — это та деятельность, которая обогащает и того, кто дарит, и того, кому дарят. Это также очень важно, как и деятельность милосердия. Эти цели по-настоящему гуманные, понятны любому человеку.

Очевидно, благотворительные акции — это не только такие крупные мероприятия, как «Премьера премьер»[1], или то

[1] Первым благотворительным концертом в истории Советского Союза стал концерт «Премьера премьер» СФК в Москве с участием звезд музыкального искусства и театра (прошел 25 сентября 1987 г. в концертном зале «Россия»).

День дарителя в Фонде культуры. Выступает Д.С. Лихачев. В первом ряду – Б.А. Александров, Б.С. Угаров, Р.М. Горбачева, Г.В. Мясников. 1989 г.

мероприятие, о котором я рассказывал, о мероприятии в Ленинграде, это и небольшие творческие вечера, как, например, в Подольском окружном госпитале, выступление мастеров искусств Малого театра в Доме ветеранов сцены. Такое внимание к ветеранам сцены — явление чрезвычайно важное.

Хочу сказать и о том, что благотворительные мероприятия будут совместно проводиться с Советским фондом мира, с Комитетом советских женщин, с Детским фондом им. В.И. Ленина, творческими союзами. Фонд не должен отгораживаться от работы других фондов, других общественных организаций. Эти явления все одного порядка, одной волны, которые охватывают нашу страну.

Доходы от благотворительных вечеров будут направляться на обдуманные мероприятия, на текущую организационную деятельность, но не только на пожертвование.

То есть мы не должны так делать, что получаемый доход тратится на памятник, который уже делается, как, скажем,

памятник Мусоргскому. Он важен, но раз за него какая-то организация принялась, то мы здесь должны проявить собственную инициативу. Это, например, те доски, которые находятся на домах, которые связаны с деятельностью нашего великого композитора в Ленинграде. Об этом говорил на нашем прошлом заседании Е.Е. Нестеренко.

У нас много нерешенных проблем в работе с коллекционерами, главной из которых является отсутствие правовых основ деятельности по коллекционированию. А это очень важно, потому что я знаю великолепных коллекционеров, которые по старой привычке боятся выносить <на публику> свои великолепные собрания. Они думают, а вдруг отнимут, а вдруг нельзя будет продать. Эту правовую основу нам нужно внести, потому что тогда мы получим очень много в нашу моральную собственность. Здесь нужно проявить инициативу и выйти в соответствующие директивные органы с этим предложением.

На наш взгляд, экологию нельзя ограничивать только охраной окружающей среды, человек живет не только среди атмосферы и воды, но и в культурной среде. Эта среда необходима человеку как воздух и вода. Таким образом, экология культуры представляет собой деятельность, направленную на охрану культурных ценностей, на пропаганду прошедшей <sic!> и современной культуры. Все это приумножает культурное богатство страны, создает условия для развития национальной культуры, для развития элементарной нравственности. В этой связи можно сказать о борьбе Ленинградского фонда за рядовые застройки в г. Ленинграде. Эти рядовые застройки хотят снести в силу не объективного, а субъективного представления о красоте, которое бытует среди некоторых архитекторов Ленинграда.

Хотелось бы подумать вместе с вами о тех направлениях, которые будут определять деятельность Фонда на ближайшие годы.

Надо при этом отметить, что важнейшим тематическим направлением, которое красной нитью будет проходить сквозь

все программы Фонда, является ленинская тема[1]. Прежде всего надо активно поддерживать и развивать общественную инициативу, направленную на утверждение ленинских идей и ставшую актуальной на современном этапе перестройки общества.

Мы будем всемерно способствовать усилению духовного воздействия памятников истории и культуры, музеев, всех культурных объектов и памятных мест, связанных с именем Владимира Ильича Ленина. Значительную роль ленинская тема будет играть в краеведческой работе, во всей практической деятельности Фонда. Думается, что это станет конкретным вкладом Фонда в подготовку к 120-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина.

Позвольте также поделиться с вами некоторыми мыслями о наших общесоюзных долгосрочных программах — «Культурное наследие и современность» («Память»), «Пушкин в сердцах поколений», «Молодежь и культура», «Возвращение».

Как вы знаете, в ближайшее время будут подводиться итоги общественного обсуждения обращения президиума правления Фонда об установлении в Советском Союзе Дня памяти[2]. Материалы, которые поступили, говорят о полной поддержке этого предложения. Люди возмущаются отношением к могилам, кладбищам в нашей стране во всех республиках, городах и селах. Конечно, есть некоторое расхождение в определении конкретной даты проведения Дня памяти. Весна — время, когда надо приводить в порядок могилы, — наступает во всех районах в разное время. Можно и День памяти проводить в разное время. Не обязательно из этого устраивать праздник <нерабочий день>. Это может быть субботний, вос-

[1] Здесь Д.С. Лихачев зачитывает очередной фрагмент официального доклада СФК, подготовленного аппаратом правления.

[2] СФК выступил с инициативой установить в стране особый день, посвященный уходу за могилами, в том числе за историческими кладбищами. Из-за различий религиозных традиций народов, населявших СССР, такой единый день для всей страны установлен не был.

кресный день, и он может в разных республиках назначаться в разное время.

Надо сказать, что в республиканских фондах проявляют внимание к необходимости чуткого и неформального подхода к проведению этой акции, которая приобретает глубокий смысл в ходе подготовки к 50-летию победы Советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Сейчас организуются молодежные студенческие общества, которые приводят в порядок могилы своих профессоров. В Ленинграде на Смоленском кладбище ребята <из> общества под названием «Петербург» (мне не очень нравится это название) делают прекрасную работу. Смоленское кладбище – это единственный парк на Васильевском острове. Кладбище может быть превращено в парковую прогулочную зону. Это будет общеобразовательная прогулка по Смоленскому кладбищу, где похоронены замечательные люди. Не надо бояться превращать Смоленское кладбище в парк. Сейчас заводы надвигаются на Смоленское кладбище, и это очень опасно.

И армянские, и немецкие кладбища особые.

Мы должны поддержать общественную инициативу в том, чтобы повсеместно была создана Народная книга памяти, куда будут занесены имена всех погибших за Родину. Пусть такая Книга будет в каждом городе, каждом селе. Я знаю, что Г.В. Мясников тоже на этом настаивает. Это будет замечательная акция.

Мы получаем много писем об увековечении памяти жертв репрессий. Я думаю, лучшей формой было бы открытие на кладбищах обелисков о неизвестных, беззаконно погибших. Вписывать имена на обелисках, я думаю, нет возможности, так как здесь есть юридические трудности. Может возникнуть и такой вопрос: кто-то погиб безвинно, а кто-то и погиб безвинно, но за свою жизнь сделал много плохого, много темных дел. Я думаю, что нужно открывать такие кладбища с обелисками, если население этого хочет, но только эти обелиски должны быть безымянные.

Особо следует остановиться на вопросе активизации краеведческой деятельности. Краеведческая наука не столь специфична, что ею могут заниматься только узкие специалисты. В краеведении может участвовать каждый человек. Эта наука — одна из самых объемных и самых близких человеку. Ею могут заниматься и школьники с научными результатами, и местные краеведы, и профессора.

Нужно сказать о том, что в конце 20-х гг. краеведение подпало под общественную немилость, краеведение стали считать дилетантской наукой, стало происходить невнимание к своей Родине. А между тем краеведение открывает ценность той или иной местности.

Краеведение — чрезвычайно важная наука, чрезвычайно важное направление в культурной деятельности. У нас были такие известные краеведы, как Гревс, Анциферов, очень жаль, что их заветы, их методики, их работы сегодня забылись. Их нужно переиздавать.

Краеведение — это экономика края, это формирование хозяйственного мышления, доброго отношения к своему району, к своему краю, к своей Родине, любви к земле, которая была утрачена с машинным производством сельского хозяйства. Эту любовь к земле нужно как можно быстрее возрождать. И нужно сказать, что в настоящее время возникло мощное движение общественности за подъем отечественного краеведения.

В октябре месяце прошлого года прошло Всесоюзное совещание по вопросам краеведения в Полтаве, одним из организаторов которого был Советский фонд культуры, на этом совещании были внесены конкретные предложения по совершенствованию этой работы. Я не буду перечислять все высказанные предложения, скажу лишь о том, что в настоящее время Фонд культуры формирует Совет содействия краеведению. Он должен действовать и работать повсеместно. Это очень важная задача.

Нельзя нам забывать и о роли библиотек в нашей стране. Я постоянно говорю, что библиотека — это основной культурный центр жизни страны. Мы можем лишиться институтов, университетов, но если будут хорошие библиотеки с умными

библиотекарями, которые понимают свои задачи библиотекаря-общественника, библиотекаря-доброжелателя, библиотекаря, который может порекомендовать ту или иную книгу, тогда с культурой у нас будет все благополучно, тогда будет благополучно и с институтами, и с университетами.

Надо заботиться о детских библиотеках, школьных библиотеках. Кроме того, нам необходимо создание и формирование библиотек из частных пожертвований книголюбов. У меня было несколько случаев, когда великолепные библиотеки пропадали, потому что библиотеки отказывались их принять из-за отсутствия помещения. Это безответственно. Недавно мы в Ленинграде получили предложение о создании платных библиотек. Это хорошее предложение, и его надо конкретно разработать. Я хочу передать его в Фонд культуры для рассмотрения. Это будут маленькие платные библиотеки, созданные по частной инициативе. Пусть библиотекарь больше получает, но он работает с доходов от библиотеки. Они будут иметь несколько экземпляров наших журналов, издания, которые пользуются спросом. В наших библиотеках то, что пользуется спросом, имеется в 2—3 экземплярах, и создаются огромные очереди на эти книги, журналы. А это недопустимо. Создание таких небольших библиотек мы должны приветствовать в большей мере, чем создание кооперативных кафе.

Охрана и восстановление культуры прошлого должны умело и тактично сочетаться с современной культурой. Вот, например, в Ереване есть цветовые, сложно и интересно подсвеченные фонтаны. Возле одного из мемориалов постоянно звучит музыка великого армянского композитора Комитаса. Это важно.

Здесь, конечно, можно и опошлить культуру, свести великие произведения до роли пошлых элементов, но тем не менее мы на это должны обратить внимание.

Хотелось бы остановиться на вопросе восстановления досок, памятных досок на домах. Сколько на это приходится тратить сил! Когда на доме есть мемориальная доска, что здесь, например, работал Достоевский, здесь жил Толстой, то город превращается в книгу, а это важно. Прохожий превращается в читателя, и это важно. Между тем городские организации не любят устанавливать эти доски. Ко-

лоссальная борьба у нас была в связи с тем, что мы хотели установить доску на доме, в котором родился Блок. Этот дом не собирались сносить, но городские власти препятствовали несколько лет. Почему? Не ясно. Но доски нужны для всех великих деятелей, потому что мы тогда превратим наши города и села в книгу, они будут читаться. Мы будем получать информацию во время прогулок или когда идем на работу.

Хочу обратить внимание еще на то, что с Иваном Федоровым, которому 100 лет назад установлен памятник у Китайгородской стены, нужно связывать начало нашего книгопечатания. Это поразительно, что первое издание было изданием Ивана Федорова (до него были издания, <но> не очень хорошие). Иван Федоров превратил издание книги в искусство.

Лицо нашей страны — это книга. Книга — это полпред страны. И книга должна быть хорошо напечатана. И дело не в переплете, не в титуле. Дело в шрифтах, у нас очень плохие шрифты, плохая типографская краска. Книга должна быть такой, чтобы ее было удобно читать, чтобы она не разваливалась, когда ее раскрывают.

Мы должны добиваться, чтобы мы были образованными в этом отношении, чтобы издание Фонда культуры было не хуже, чем журнал «Театр». Я знаю, что наш журнал стоит столько же, сколько журнал «Театр», но будет печататься на худшей бумаге. Мы должны дойти до самых верхов[1], чтобы Фонд культуры имел культурный журнал, чтобы наши книги были образцами, полпредами нашей страны.

Сегодня как никогда остро стоит назревший вопрос о восстановлении наименований многих городов и ряда исторических мест. Эта работа требует чрезвычайно тактичного подхода и подлинно научного отношения к каждому конкретному объекту. Есть вопросы топонимики. Нужно конкретное участие общественности и ученых, тогда это будет гарантией от ошибок.

---

[1] Разрешение на выделение бумаги для журнала давал Совет министров СССР.

Должны собираться комиссии, составленные из различных специалистов (историков, краеведов, лингвистов), педагогов, общественных деятелей, по возвращению исторических названий.

Но что надо сказать.

Иногда при просьбе о возвращении старого исторического названия ставятся неправильные, выдуманные препоны. Так, например, в городе Горьком вся общественность стоит за возвращение старого названия города — Нижний Новгород. Но говорят, что на это потребуется 50 млн. рублей. Это выдуманная цифра. Возбращать старое название городу нужно, потому что М. Горький сам был против этого, он стыдился переименования города. Это переименование не в честь его фамилии, а в честь псевдонима. Это создает каламбурные ситуации. Говорят: в Горьком горькая жизнь и т.д.

Если переименовывать одновременно всё, конечно, это делать трудно, потому что нужно тогда переименовывать Горьковский автозавод и многие другие предприятия в городе. Так спешить не надо, Горьковский автозавод может остаться Горьковским автозаводом, многие горьковские учреждения могут остаться со своими штампами до того, как эти штампы иссякнут.

Если не спешить, то можно решить вопрос с переименованием, дать историческое название городу — Нижний Новгород. И уже началось такое движение. Я недавно получил несколько писем с просьбой прислать ответ по адресу: г. Нижний Новгород, т.е. тем самым я должен продемонстрировать свое желание <участвовать> в переименовании города. Думаю, что это делать совершенно не обязательно. Повторяю, если не спешить, то вопрос решить можно будет.

Точно так же встает вопрос о переименовании города Калинина в старое название — Тверь. М.И. Калинину посвящены многие села, поселки, города, а Тверь — это старинное название города. Если мы будем изучать историю России, то не обойдемся без Твери. <...>

Есть такие места, которые требуют своего переименования, но есть и такие, которые в настоящее время приобрели революционный смысл, революционную историю. Так, например, нашей Красной улице <в Ленинграде> хотят

вернуть название Галерная. Хорошее название, но Красная улица – это одна из улиц, переименованных после Октября. Это название, думаю, следует оставить.

Обо всех этих вопросах нужно думать, нужно собираться в пределах Фонда, а если будет необходимость, то и создать соответствующую комиссию.

Хотелось бы несколько подробнее остановиться на программе «Пушкин в сердцах поколений».

Я думаю, что мы по-настоящему и не знаем масштабов личности Пушкина, не придаем должного значения его личности в нашей культуре.

Конечно, должны быть даты, посвященные Пушкину, должны быть праздники, посвященные Пушкину. Но вместе с тем мы не должны забывать и о том, что наши национальные республики имеют своих представителей, деятелей, которые стали представителями нации.

Наряду с днями Пушкина, созданием в Москве «Пушкинской тропы», восстановлением Захарова, что является чрезвычайно важной воспитательной акцией, нужно подумать и о проведении в жизнь программы «Шевченко в сердцах поколений», праздников Руставели, Низами и т.д. Такие местные программы также должны существовать.

Пушкинская программа должна стать моделью для национальных программ в республиках, в республиканских отделениях Фонда. Это очень важно.

Хотя следует иметь в виду, что творчество Пушкина было интернациональным, Пушкин для всех нас – интернационалист с большой буквы. Я не буду на этом подробно останавливаться, но эта черта Пушкина делает его родным для всего народа, для всей страны.

Программа «Молодежь и культура» пока дает больше поводов для раздумий, чем практических дел. Социальная и культурная значимость этой программы, естественно, должна предполагать прежде всего изучение культурных запросов и потребностей современной молодежи, ее вкусов. Я – старый человек и должен сказать, что сегодняшняя молодежь лучше, чем молодежь 30-х гг., молодежь растет очень хорошая. Заметнее дурная молодежь, но хорошей –

больше. Я предлагаю создавать молодежные объединения, которые назывались бы «Классика». Есть школы, где все учащиеся выражают желание вступить в это общество. Я лично разговаривал с учащимися двух школ по этому поводу. Нам нужно помочь в создании этого общества, реально помочь созданию общества любителей классической литературы. Ведь сейчас читать классику считается моветоном. Надо помочь в создании общества классической музыки, фольклора. Нужны небольшие кружки латинского и греческого языков, потому что воспитательная роль этих языков велика, она велика и в образовательном смысле.

Я разговаривал с работниками Ленинградского обкома партии, которые мне сказали, что на концерты классической музыки выделяются на такие организации бесплатные или полубесплатные билеты. Но дело в том, что учащийся, увлекающийся классической музыкой, один не пойдет. Кавалера у нее еще нет, а у него нет барышни. А если в классе будет образовано такое общество, то все члены этого общества возьмут билеты и пойдут на концерт. Надо, чтобы это было распространено везде. Мы должны возродить у молодежи гордость за свои знания, ведь сейчас молодежь гордится всем чем угодно, курением и т.п., но только не знаниями. А ведь раньше мы гордились тем, что ты знаешь. Это должно быть возрождено.

Несколько слов о международной деятельности Советского фонда культуры.

Налаживая сегодня наши внешние культурные связи, мы должны исходить из ясного понимания того факта, что Фонд должен внести конкретный вклад в гуманистические отношения между народами.

Когда я был в Париже, меня спрашивали: почему вы должны вывозить от нас то, что у нас было создано?

Необходимо, чтобы мы не занимались вывозом <из-за рубежа> только русских, армянских произведений искусства. Мы должны приобретать за границей то, чего нам не хватает, не хватает нашим музеям. Эрмитаж воспитывает всех наших художников, воспитывает своей французской живописью, своей голландской живописью и своей русской живописью. Мы должны приобретать то, чего нам не хва-

тает. Не хватает Гойи — надо приобретать подлинные произведения Гойи. Мы должны выступать перед лицом всего мира как культурная нация. У нас в рукописных хранилищах есть замечательные молитвенники, гораздо лучше, чем в Париже. Мы должны это издавать. Это будут покупать, будет настоящий чистый доход, доход культурный, доход денежный, валютный.

Мы хотим налаживать культурный диалог с соотечественниками, проживающими за рубежом. Имеется положительный опыт Армянского и Литовского фондов культуры в этом плане.

Необходимо, чтобы за границу ездили специалисты, может быть, и те, которые не работают в Фонде культуры. Мы должны их посылать. Этот пункт я считаю очень важным. Только человек, знающий хорошо живопись, знающий то, за чем он едет, может действительно добиться конкретных результатов. Я давно уже говорю, что заведующему Отделом знамен Эрмитажа <Г.В. Вилинбахову> следует поехать во Францию, Бельгию по вопросу возвращения Казачьего музея[1]. Он прекрасно знает историю Казачьего войска, знает символику, музыку военную. Он великолепный специалист по истории царской армии. Он может поразить своими знаниями этого 90-летнего старика <хранителя Казачьего музея> и склонить его передать свой музей нашему правительству. А если вывезти не сможем, надо организовать этот музей там, во Франции, по крайней мере, он не рассыпется.

Пистолет, из которого был убит Пушкин, хранится в Почтовом музее в Париже. И под ним написано следующее: «Из одного из этих пистолетов был убит автор “Станционного смотрителя”»... Мы должны договориться об обмене[2].

Надо уделять важное внимание нашим архивам, которые теряются, гибнут <и за рубежом, и в нашей стране>. В Оренбурге недавно был сожжен исторический архив.

---

[1] Музей лейб-гвардии Казачьего полка под Парижем и русская коллекция в военном музее в Брюсселе.

[2] Позже пистолеты Дантеса были переданы в Россию, хранятся во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Петербурге. Ср. с. 23.

Командировки Советского фонда культуры за границу должны готовиться так, как в Академии наук СССР. Командируемый должен подготовиться к поездке, знать адреса, составить план своей работы за границей. Эта поездка должна быть утверждена президиумом, и по возвращении он должен представить подробный отчет о том, что им сделано за границей. Все загранпоездки должны иметь развернутую программу. Мы должны знать, что едем не зря, что мы в том или ином случае сможем сделать больше, чем представители посольства или консульства.

Нам нужно созвать совещание республиканских Фондов. Дело в том, что в настоящее время очень много вопросов стоит перед республиканскими Фондами. У каждого республиканского Фонда своя специфика.

Приведу такой пример. Ко мне обратились представители из Латвийского фонда культуры с вопросом: «Должен ли Латвийский фонд культуры заниматься русскими ценностями, находящимися на территории Латвии?» То есть встает вопрос — как относиться к культурным ценностям других наций, других республик. Это очень важный вопрос, мы его должны обсудить, иначе величайшие культурные ценности могут погибнуть, если мы к ним будем невнимательно относиться. Это касается и кладбищ, и картин, и памятников истории и т.д.

Мне кажется, что этот вопрос требует очень внимательного обсуждения и предварительной подготовки, совещания с юристами и т.д. Я лично, когда стал обдумывать все эти вопросы, то столкнулся с очень многими трудностями.

Мы должны подумать и о малых народностях, которые не имеют своих Фондов, им не до образования Фондов. Своих детей они воспитывают как русских, записывают их как русских, хотят, чтобы их дети получили образование в русских учебных заведениях. Эти народности пропадают.

Мы срочно должны организовать видеомагнитофонные записи их фольклора, их обычаев, языка и т.д. Вопрос о малых народностях — очень важный вопрос в нашей стране.

Вопрос о памятниках. Самое легкое, что можно сделать в этом плане, — это пожертвовать деньги на памятник. Памятник начинает строиться, а потом все остальное — не наша забота. Здесь, с моей точки зрения, должны быть определенные ограничения. Дело в том, что к началу образования Советского фонда культуры стали возникать такие тенденции — что город ставить памятник не будет, что это, мол, забота Фонда культуры. Так не должно быть. Мы должны заботиться о тех памятниках, которые для нас характерны, которые представляют наше лицо.

Мы можем заниматься скульптурной композицией, посвященной Василию Тёркину, это важная воспитывающая вещь, это то, что приличествует нашему Фонду.

Или взять памятник Мусоргскому. В этом случае мы должны потребовать действенности от тех, кто обязан предоставить на памятник деньги. Мы не должны расточать свои деньги на какие-то предприятия, которыми уже занимаются <другие организации>.

Сейчас по Пушкинской программе мы должны добиться, наконец, создания Пушкинского центра в лице Пушкинской школы в Захарове. Это не просто средняя школа, это школа, где люди будут месяц по путевкам проводить в атмосфере Пушкинской школы. Также мы должны особое внимание обратить на положение в Гурзуфе. Ялтинский горсовет не хочет отдавать дома Пушкина[1].

В этой связи мы должны обратить внимание и на то, что в Академии наук создается Всесоюзная Пушкинская комиссия. Мы должны согласовывать свои действия с этой комиссией, мы не должны работать параллельно, независимо друг от друга. Мы всё это должны использовать в нашей теперешней работе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Товарищи!

Доклад окончен. Что касается вопросов к докладчику и по материалам, которые есть, есть предложение принять обычный порядок, т.е. передавать записки.

---

[1] Дом герцога Ришелье в Гурзуфе, где с семьей Раевских останавливался Пушкин, в настоящее время – музей.

Из выступлений в прениях

Н.С. МИХАЛКОВ: ...два года назад мы с моей съемочной группой искали натуру для съемки картины. У нас с собой была видеокамера, которой мы пользовались для служебных целей, ни на что не намекая, не преследуя других задач, кроме как найти место для съемки. Мы двигались по Оке и Волге.

Когда мы посмотрели материал, 12 кассет, это все явило собой катастрофическое зрелище... у людей нет воли жить. В безобразном состоянии находятся памятники, все то, что являлось гордостью нашей Родины, наших предков. Когда дети ходят с автоматом, совершая ритуал у сомнительного художественного свойства обелиска, а рядом гибнет памятник XVIII в., возникает ощущение какого-то вырождения...

Очковтирательство, которое существует по всему течению Волги. Около Горького есть Мещерский монастырь. Туристы, проплывая на пароходе, видят белые маковки монастырских стен. Мы зашли внутрь монастырских стен. Оказывается, отреставрировано то, что видно проплывающим на пароходе, все остальное находится в безобразном состоянии.

Я смонтировал из этого кассету, мы показали эту кассету в ЦК партии, и вроде по этому поводу был серьезный разговор. Но я думаю, только нашими появлениями и благими намерениями не обойтись...

А возьмите Макарьевскую ярмарку, на которую съезжалось до 400 тыс. человек. В день там выпивали до 100 тыс. бутылок шампанского. Это было потрясающее перепутье торговли и культуры. Сегодня этот исторический памятник реставрируют всего три человека. Когда мы пришли туда, то двое из «горе-реставраторов» были в состоянии невменяемости. На какую геронтологическую жизнь мы можем рассчитывать, если всего три человека направлены на реставрацию этого грандиозного сооружения.

Какое в связи с этим у меня предложение? У нас существуют огромные, богатые предприятия, мощные заводы, которые строят для себя ясли, детские сады, строят для рабочих дома, другие объекты. Так почему бы таким пред-

приятиям, которые находятся невдалеке от разрушенного памятника, не вменить в обязанность этот памятник поддерживать за счет своих фондов, за счет своих средств. Можете со мной не соглашаться, но я бы хотел высказать именно такую точку зрения. Мне кажется, что здесь мы сможем найти более действенную помощь, так как 3–5–30 энтузиастов это дело просто-напросто не поднимут...

И последнее сообщение.

Последняя моя картина, которую я снял, — «Очи черные», — после разных переговоров с иностранной фирмой картина была продана Госкино, но с одним условием, чтобы 100 тыс. рублей от проката были переданы в Советский фонд культуры.

МИТРОПОЛИТ ПИТИРИМ[1]: Благодарю за возможность высказать, может быть, несколько неожиданных суждений.

...Мы говорим о культуре. Естественно, носителем культуры является человек. Личность человека формируется в обществе. Но ведь человек начинает жить задолго до того, как он становится творцом, носителем культуры.

Первое, на что хотелось обратить внимание, — обратить внимание на женщину-мать, которая дает жизнь носителю культуры. И чтобы это чистое, благородное, историческое служение было ощутимо, надо помогать женщине воспитывать, растить, давать миру новых людей...

Мы рады, что среди нас присутствует Раиса Максимовна Горбачева. Но если здесь будет больше шести процентов женщин, то, может, наш Фонд приобретет большую жизненность.

(Аплодисменты.)

<...>

И третье. Наша Церковь готовится отметить свое 1000-летие. У нас сегодня много разных фондов, фондов реальных, фондов нереальных, все эти фонды входят в стадию изучения, или, как говорится сейчас, стадию осмысления.

---

[1] Митрополит Волоколамский и Юрьевский. Член правления, с 1990 г. — президиума Советского фонда культуры.

У нас прошло несколько международных симпозиумов... В прошлом году прошел симпозиум в ГДР, в этом году в Италии. Мы провели свой большой цикл симпозиумов в Киеве в 1986 году, в 1987 г. в Москве, сейчас в Ленинграде.

Программа празднования 1000-летия захватывает все большее количество людей, носителей не только нашей культуры, но и других общественных проявлений нашей национальной жизни. Интерес к предстоящему празднованию во всем мире чрезвычайно высокий... В мае месяце будет проходить празднование 1000-летия славянской письменности в Новгороде. Сейчас уже начал работать организационный комитет. Хотелось бы, чтобы Советский фонд культуры дал достаточно высоких представителей для участия в этом национальном событии.

Я, как член правления <Фонда>, надеюсь, что наши древние национальные ценности, не только русские, российские, но и казахские, узбекские, других национальностей, найдут признание, поддержку со стороны некоторых ответственных руководителей...

С.С. АРЕВШАТЯН[1]: ...Еще хочу сказать о том, что множество памятников Армении, памятников армянской архитектуры, армянской культуры находится за пределами Армении, просто на территории Советского Союза. Здесь сегодня называлось Смоленское кладбище в Ленинграде. Армянское Смоленское кладбище находится в катастрофическом состоянии. Кто будет заниматься этими могилами? На этом кладбище захоронены герои 1812 г., многие выдающиеся деятели русского государства.

Кладбище находится в бесхозном состоянии, памятники растаскиваются, а ведь они сделаны нашими выдающимися деятелями культуры. Кто этим будет заниматься, Российский фонд культуры или Армянский?

Ваганьковское армянское кладбище в Москве. Кто этим кладбищем будет заниматься? Программа «Память» должна определить этот статус. Либо Армянский фонд культуры должен выделять определенную сумму, или мы должны составить совместную программу. Это касается и па-

[1] Член совета учредителей, председатель правления Армянского фонда культуры.

мятников Армении, которые находятся в Грузии, на Украине, в Крыму...

И.С. ГЛАЗУНОВ[1]: ...Два года назад ваш покорный слуга написал письмо о создании Всероссийского института художеств... я рад и благодарен правительству за разрешение на создание этого Всероссийского института имени Васнецова...

Этот институт предполагается разместить в здании, которое находится по адресу: ул. Кирова, 21. В этом здании раньше располагалась знаменитая на весь мир, после Петербургской, Академия художеств, в которой учились Саврасов, Серов, Васнецов. Потом там размещался ВХУТЕМАС[2]. А сейчас я прошу вас, дорогие друзья, помочь. Меня назначили ректором этого института, но я являюсь президентом страны, которой нет. Потому что товарищ Шкабардня[3] и товарищ Горшков ничего не делают для освобождения этого помещения. Я видел ступени, стесанные великими художниками, а теперь там хлам.

Нам нужны библиотека, музей... Там будет кафедра реставрации. Вы знаете, что у нас последний реставратор по скульптуре умер в Ленинграде недавно.

Я прошу поддержки в выселении организации из этой святыни — Русского института ваяния и зодчества...

И.С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН: Я счастлив сообщить всем, что наконец-то выселен «Автоэкспорт», который три года отбивался от нас, как черт от ладана, и не хотел выезжать <из здания на Волхонке, предназначенного для Музея личных коллекций>[4].

В ответ на мое душераздирающее выступление в № 48 «Огонька», благодаря одному из самых уважаемых членов президиума Фонда культуры[5], их оттуда вытурили.

---

[1] Народный художник СССР, член правления Советского фонда культуры.

[2] Высшие художественно-технические мастерские. Улице Кирова в Москве сейчас возвращено старое название — Мясницкая.

[3] Министр приборостроения СССР.

[4] И.С. Зильберштейн был инициатором создания в Москве Музея личных коллекций. Музей открылся в 1994 г. (через 6 лет после смерти И.С. Зильберштейна).

[5] Имеется в виду Раиса Максимовна Горбачева.

Но прошло уже три месяца, как пустует это помещение и начинается новое хождение по мукам. Я имею в виду ремонт для того, чтобы мы могли открыть этот музей. Уже 10 коллекций переданы. Я передал 2300 произведений искусства от всего сердца, чтобы это сохранилось как единое целое.

Это будет один из самых интересных музеев нашей столицы...

Что касается помещения, то его необходимо очистить от перегородок. За три месяца всё это можно было бы сделать, но документ до сих пор находится у Лихачева, лежит мертвым грузом уже несколько месяцев. Я не могу призвать, чтобы все присутствующие в этом зале подписали письмо об ускорении проведения ремонтных работ, но все же прошу у товарищей поддержки.

В.Л. ГЛАЗЫЧЕВ[1]: Говорилось об опасности бюрократизма. 40 дней назад было направлено предложение из четырех пунктов, в котором Союз архитекторов берет на себя обязанность на свои средства силами «Архпроекта» осуществить работу по изысканию, приспособлению зданий в городах страны для музеев личных коллекций, для других музеев. Нам завтра нужны заказы. Послезавтра мы готовы приступить к выполнению этих заказов.

Вторая позиция. Мы берем на себя как профессиональный союз, и осуществляем необходимые экспертизы по наиболее ответственным памятникам, о которых шла речь. Например, Тихвин, родина Римского-Корсакова. Нам нужен заказ. Сделаем всё, что закажут через наш Союз.

Третье — сейчас Союз архитекторов выступил с инициативой и получил уже одну поддержку, и я обращаюсь к Фонду за поддержкой о разрешении ситуации, сложившейся с русским деревянным зодчеством.

Выход из ситуации мы видим в создании в рамках Фонда творческих, производственных и учебных объединений, которые Союз берет на себя. Нам нужен заказ Министерства

[1] Секретарь правления Союза архитекторов СССР, член правления СФК.

культуры, участие Фонда культуры. Мы даем слово, что при получении завтра заказа и начала работы с марта 1988 г. к 1992 г. храм в Кижах будет восстановлен по методу Попова.

Эту работу либо нужно начинать сейчас, либо начинать завтра, ждать дальше невозможно.

<...>

Заключительное слово Д.С. Лихачева

Чтобы быть кратким, скажу, что Фонд культуры изучит стенограмму, все, что сегодня говорилось, и примет решение. Помимо выступлений, в мой адрес поступили записки, были <и> выступления, на которые мне бы хотелось ответить.

Во-первых, мне показалось важным выступление Глазычева по поводу письма, изыскания здания для музея личных коллекций. Письмо лежит у нас в Фонде, в этом повинен я, я полностью принимаю упрек на себя.

Второе — экспертиза по наиболее ответственным памятникам, особенно Тихвин. Это прекрасный город, связанный с Римским-Корсаковым. Там нужно установить техническое состояние здания. Это мы должны сделать вместе с Союзом архитекторов.

Третье. Положение с деревянной архитектурой. Деревянная архитектура очень плохая: и в Горьком, и в Астрахани, на Русском Севере. Подошли сроки, а мы увлекаемся реставрацией и забываем об элементарной консервации, забываем о крыше. Нужно принимать меры, ибо Русь останется без деревянных зданий. Нужно создать учебно-производственное объединение для плотников, печников и т.д., их по стране у нас очень мало.

В Горьком музей деревянного зодчества промокает, гниют стены.

На местах эти задания были <даны>.

Что касается охраны Кижей, то здесь надо иметь в виду только одну вещь. Кижи, как памятник культуры, являются достоянием всего человечества. Они принадлежат миру. Не русскому народу, не карело-финскому народу, не нашей стране, они принадлежат всему миру, человечеству. И к ним

нужно подойти с большой заинтересованностью, потому что гибель Кижей будет позором для нашей страны, для нашей культуры.

Что здесь нужно сделать? Метод Попова вызывает возражения. Сделать надо очень просто. Надо собрать специалистов со всего мира по деревянному зодчеству.

С МЕСТА: В сентябре месяце они соберутся.

Д.С. ЛИХАЧЕВ : Это поздно, надо не позднее апреля месяца. Нужно пригласить специалистов из Канады, Норвегии, где сохраняются деревянные здания XII в., из Швеции, Финляндии, Японии. Что в этом плохого? Когда во Флоренции наводнение, они же приглашают наших реставраторов. А почему мы для Кижей не можем пригласить? А если из этого ничего не получится, то это будет вина всего мира, а иначе грех падет на наши головы.

Теперь о предложении митрополита Питирима, который предлагает больше внимания уделить женщинам в нашем Фонде, в частности, больше обратить внимания на женщин-матерей. Это правильно, потому что культура ребенка, интеллигентность ребенка создается с первых месяцев его существования. Дети без родителей обречены на некультурность, обречены стать некультурными, недисциплинированными людьми. Нужно, чтобы у детей были матери, если их матери от них позорно отказались, то должны быть приемные матери, приходящие матери. Ребенок должен чувствовать, что он кому-то нужен. Этот вопрос важен для нашей страны, потому что иначе с перестройкой ничего не выйдет.

Что касается кладбищ. Армянские кладбища у нас разбросаны по всей стране. Я должен сказать, что отношение к чужой культуре определяет культуру этого народа. Это то, что не понимают, простите, идиоты из «Памяти». Они не понимают, что культура не может замкнуться в одном народе. Студенты в Ленинграде ухаживают за армянским кладбищем, хотя там нет ни одного армянина. Это делает им честь. Нужно, чтобы так было в каждой республике. Чтобы было такое же отношение к русским памятникам на Украине. Нужно, чтобы было такое же отношение, как в парке Монрепо <под Выборгом>, который мне после 10 лет борьбы удалось сделать заповед-

ником. Он сделан руками Николаи — удивительного человека. Это въезд в нашу страну, и он сейчас определяет характер нашей страны.

Здание, в котором находился Институт <живописи,> ваяния и зодчества на улице Кирова, — это памятник русского художества, где преподавал Чистяков, куда приходил Толстой, где жили Пастернак-отец и сын, где бывала масса художников, связанных с русской культурой. Оно должно быть возвращено Академии художеств, оно должно быть центром русской художественной мысли.

Очень хорошее предложение было <Н.С. Михалкова>. Надо обратить внимание на то, чтобы большие заводы брали шефство над памятниками культуры. Школы должны брать шефство над могилами и другими памятниками. Например, у нас в Ленинграде есть памятная надпись: «Эта сторона улицы опасна при артобстреле», где каждый день лежат живые цветы. Это воспитывает прохожих, воспитывает школьников.

Что стоит Горьковскому автозаводу один процент отчислить на реставрацию Макарьевского монастыря? Ничего не стоит. Нужно это сделать, и это послужит примером для многих других заводов, которые будут принимать шефство над различными историческими зданиями. Кстати, завод «Арсенал» такое шефство принял. Принял шефство завод имени А. Жданова над музеем Анны Ахматовой.

Шефство предприятий и заводов над памятниками культуры — над этим стоит задуматься.

Что касается увековечения памяти людей, погибших в результате незаслуженных репрессий, я настаиваю на своем предложении[1]. Дело в том, что многие среди тех, кто погибал, были виновны в гибели тысяч людей. Я был тогда в Ленинграде и знаю, что многие были сами виновны в гибели десятков тысяч людей, а потом родственники считают их невинно погибшими.

---

[1] В выступлениях звучали пожелания, чтобы мемориальные доски на кладбищах, где похоронены жертвы репрессий, содержали списки имен репрессированных. Д.С. Лихачев был против этого. (См. выше.)

Можно поставить, если это нужно, памятник Бухарину, еще кому нужно. В этом ничего зазорного нет. Но перечислять все имена репрессированных нельзя. Поверьте, что мы можем увековечить память людей, которые были сами часто виноваты в репрессиях.

<Ответы на записки>

У меня есть письма о том, что Фонды не имеют авторитета в городских и партийных организациях. Те письма, которые я получил из Горького, Орла, свидетельствуют о том, что уже при организации этих обществ <областных отделений Фонда> городские организации стремятся подмять их под себя, иметь угодных и угодливых людей.

Работники Советского фонда культуры должны быть внутренне независимы, должны работать по совести, должны выступать на городских Советах с защитой своих положений. Именно такие люди, настоящие краеведы, любящие свой город, должны туда избираться.

Нужно исправлять некоторые ошибки, мы над этим будем думать.

Относительно покупки зданий Чуковского, Пастернака в Переделкине <Фондом культуры>. Так ставить вопрос, мне думается, неправильно. Почему Союз писателей не может эти здания за свой счет считать музеями? Почему не хочет? Тогда нужно заставить. Должно быть общественное мнение, которое бы заставило Союз писателей хотеть этого. И вообще нужно сказать следующее: то, что иногда делает Союз писателей, вызывает просто стыд.

Я бы не решился отвечать на записку, касающуюся чествования В. Высоцкого, не решился по своей некомпетентности. Но в то же время нужно сказать, что бард Высоцкий очень отвечает настроению не только в нашей стране. Мне, например, в Польше говорили, какое значение имеет сам голос Высоцкого. Если не считать его гениальным или талантливым музыкантом, то все равно эта фигура чрезвычайно индивидуальная. Отказаться от его чествования было бы неправильным. Так мне кажется.

Что касается упрека в том, что Высоцкого чествовали, а 200-летие Байрона пропустили. Я должен сказать, что празднование 200-летия Байрона – задача Института мировой литературы. Это же позор, что Институт пропустил столь важный юбилей.

О записи на зданиях, сооружениях городов даты начала строительства. К сожалению, сегодня таких дат на зданиях очень мало. Даты должны быть для того, чтобы мы умели читать, какого возраста то или иное здание, даже если здание не очень значимое. Наши городские организации <местной власти> сопротивляются, думая, что такие записи закрепляют существование здания, что оно не будет после этого подлежать сносу. Доски на зданиях должны быть, культурный человек всегда может поинтересоваться, когда же построено здание, кто в нем жил и т.д. Культурный человек должен уметь читать город, как книгу, но, конечно, не только по доскам, хотя и они должны быть обязательно.

Следующее предложение о возрождении сельских хоров, хоров в сельской местности. Сегодня в селе иногда скучно жить, так как нет хоров. Раньше были церковные хоры, где воспитывались замечательные голоса. Сельские хоры можно создавать, для их занятий можно приспособить здания бывших церквей[1], которые можно отремонтировать, там прекрасная акустика. Пусть собирается молодежь, поет настоящие русские песни. Это очень важно, это нужно сделать.

И, наконец, относительно ремонта здания <для музея личных коллекций>. Я еще понимаю, почему «Автоэкспорт» не мог сразу выехать. Трудно, невозможно и т.д. Но почему, когда с таким трудом удалось освободить это здание, его не ремонтируют, – это понять сложно. Теперь «Автоэкспорт» может и спросить, почему же вы не въезжаете, и будут правы. А сейчас в каком состоянии это здание, ведь здание без жильцов разрушается.

У меня всё[2].

---

[1] О приспособлении для музыкальных занятий зданий закрытых в годы советской власти сельских храмов говорила в своем выступлении член совета учредителей Фонда Ирина Архипова.

[2] Архив РФК. Т. 13. Д. № 30.

Стенограмма закрытого заседания президиума Советского фонда культуры 16 июня 1988 г.

Заседания президиума правления Советского фонда культуры в 1988 г. собирались раз в три месяца и бывали, как правило, открытыми.

Долгосрочные программы, утверждавшиеся на таких заседаниях, готовил отдел программ аппарата СФК и созданные при нем научно-общественные советы. Проекты конкретных мероприятий и пожертвований представляли также отдел общественных инициатив, международный отдел, отдел даров, орготдел. Докладчиками выступали зампреды, заведующие отделами Фонда или деятели культуры и ученые, работавшие на общественных началах в Советах по отдельным программам. В задачи членов Президиума входило обсуждение и утверждение представленных проектов и выделение средств на финансирование программ или оказание финансовой помощи музеям, музыкальным коллективам и т.д.

На заседания приглашались члены научно-общественных советов, руководители отделов и подразделений и эксперты — рядовые сотрудники Фонда.

Непременными участниками заседаний до 1991 г. были гости из ЦК КПСС — ответственные работники центрального партийного аппарата. После заседаний они из своих кабинетов на Старой площади по административным каналам реагировали на вопросы, поднятые членами президиума.

Д.С. Лихачев как председатель Фонда вел заседания президиума сам или поручал это своему первому заместителю Георгу Васильевичу Мясникову. Обычно Дмитрий Сергеевич произносил вступительное слово и затем активно участвовал в обсуждении всех вопросов.

Выступления Д.С. Лихачева и дискуссии с его участием на двух заседаниях президиума 1988 г. публикуются здесь по стенограммам, хранящимся в архиве Российского фонда культуры (оп. 1, т. 13).

Начинает публикацию стенограмма особого, закрытого заседания 16 июня 1988 г. Участвовали в нем только члены президиума, два гостя из аппарата ЦК (в том числе

Е.В. Зайцев — первый заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС), а также министр культуры СССР В.Г. Захаров — его Раиса Максимовна Горбачева и другие члены президиума «допрашивали» о готовившейся тогда министерством скандальной продаже за рубеж произведений русского авангарда.

Заседание было объявлено закрытым по инициативе Р.М. Горбачевой, которая хотела обсудить в узком кругу результаты работы Фонда и его дальнейшую политику.

По словам Д.С. Лихачева, Раиса Максимовна придала встрече «атмосферу домашней доброжелательности». Правда, Р.М. Горбачева жестко раскритиковала деятельность в нашей стране Фонда Сороса. История здесь такова: Советский фонд культуры и Фонд Сороса в 1988 г. учредили совместный советско-американский фонд «Культурная инициатива». Д.С. Лихачев полагал, что на деньги Джорджа Сороса на учебу за рубеж будут выезжать наши работники культуры — например, реставраторы редких специальностей, которых катастрофически не хватало в Советском Союзе. Но Р.М. Горбачева весьма прозорливо ставила под сомнение пункты соглашения с Фондом Сороса, где речь шла о модернизации с его помощью всей базы советской науки и образования или о зарубежных стажировках советских граждан в области экономики, финансов и т.д.

Писатели — члены президиума Петр Проскурин и Юрий Бондарев пытались развернуть дискуссию на заседании в свою сторону: жаловались на нападки демократической прессы в лице «Огонька» и его главного редактора Вадима Коротича, обсуждали выборы делегатов от писателей на XIX партконференцию... Д.С. Лихачев заявил, что Фонд должен быть вне этой борьбы, и даже пригрозил уйти с поста председателя, если Фонд станет участвовать в делах такого рода.

Всё это сегодня — далекая история. Старшее поколение, возможно, еще помнит перипетии тогдашней общественной борьбы, а для молодых читателей мы предлагаем эти дискуссии Д.С. Лихачева, Р.М. Горбачевой и деятелей советской литературы как исторический документ эпохи.

Составитель

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Начнем заседание.

Разрешите мне сказать несколько слов о том, что мне в работе Фонда культуры нравится, что не нравится.

Дело в том, что я живу в Ленинграде, не все вижу, что происходит здесь, но вижу все-таки издалека. Хотелось поделиться своими сомнениями и радостями по поводу достижений. У нас есть много достижений и много недостатков в нашей работе. Это в порядке вещей, потому что, если бы были только достижения, значит, не было бы перспективы роста и развития.

Прежде всего из достижений — это журнал. Я видел корректуры <первого номера>, которые пришли из Англии[1]. Они не абсолютно хорошего качества, но все-таки хорошего. Насколько мне известно, мы не добились права на самостоятельное издание. А это право для нас очень важно. Помимо журнала, еще издается «библиотечка» — это мемуары, книги по истории, по искусству.

Издательская деятельность нашего Фонда имеет первостепенное значение. Это наше лицо и в стране, и за пределами нашей страны. Поэтому об издательской деятельности мы должны прежде всего задуматься. И затем, конечно, о факсимильном воспроизведении редких книг и редких рукописей. Я уже говорю об этом два года. <...>

Нам нужно при Фонде культуры иметь совет из специалистов по факсимильным изданиям. Дело в том, что за факсимильные издания взялись десятки издательств. Я говорил об их выгодности и необходимости. Издательство «Аврора», «Книга», издательство Союза писателей принимались за выгодное издание факсимильных изданий. Надо координировать это, надо условиться, какого типа произведения мы будем выпускать.

Два наших достижения — привезены архивы из Болгарии. Там первостепенные документы. Но нужно заботиться и о привозе других архивов, например, архива Шмелева из Парижа.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Что за архив из Болгарии привезен?

---

[1] Журнал «Наше наследие» печатался в Англии корпорацией Роберта Максвелла.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Архив писателя Федорова: письма Бунина, Куприна. Вдова Федорова попросила разрешения передать это Фонду культуры.

Есть архив Бицилли[1], профессора в Одессе, у которого была большая переписка с Буниным, Куприным.

В свое время правительство Болгарии протестовало против вывоза этих ценностей.

Архив Шмелева также очень интересен[2]. Его добыть трудно. Нужно послать специалиста-литературоведа.

Архив Стравинского. Это для нас принципиально важно, потому что Стравинский объявлен американским композитором. Он композитор русский, и получить этот архив очень важно. Так как родственники Стравинского здесь, надо договориться с его родственниками.

Мы имеем право посылать за границу не только членов Фонда, но и людей, которым мы доверяем. Г.В. Вилинбахов — хороший специалист по истории русского войска, знамен. Его можно было послать, потому что он не только родственник Стравинского, но мог бы что-то узнать о знаменах[3].

Надо установить связь с русским архивом в Ницце, там большой архив.

Я считаю большим достижением, что начали работать Советы по отдельным вопросам, и в международном плане, и внутри нашей страны. Очень важный Совет по малым народностям. Малые народности исчезают. Этот процесс неизбежен. Это хорошо — малые народности выходят из изоляции, дети получают образование. Но сохранить их фольклор, язык — надо.

Возглавляет этот Совет Э.Р. Тенишев — член-корреспондент <Академии наук СССР>, он принадлежит сам к татарской национальности. Работает хорошо, и скоро мы будем иметь положительные результаты.

---

[1] В стенограмме ошибка: «Пицини». П.М. Бицилли — профессор-славист, с 1924 г. — в эмиграции в Болгарии.

[2] В 2000 г. парижский архив И.С. Шмелева передан в дар Фонду наследником писателя И.А. Жантийомом и перевезен в Москву стараниями вице-президента РФК Е.Н. Чавчавадзе.

[3] Д.С. Лихачев имеет в виду военные реликвии русской эмиграции (об этом говорилось выше, см. с. 73).

Совет по топонимии, который будет разрешать вопросы о переименованиях. Некоторые переименования необходимы, а некоторые переименования не нужны. В Ленинграде идет много разговоров о возвращении старых названий. В некоторых случаях это нужно, в некоторых — не нужно.

Площадь Декабристов. Конечно, возвращать старое название «Сенатская площадь» не нужно. Но вернуть городу Горькому название Нижний Новгород или городу Жданову — Мариуполь нужно, потому что это просьба жителей и это не так расходно. А.М. Горький остается для нас выдающимся писателем. Горьковский автозавод должен быть Горьковским автозаводом. Печати остаются горьковские все.

Совет по топонимии должен выработать принципы возвращения старых названий.

Никто в Ленинграде не говорит: Петродворец, все говорят: Петергоф. Петродворец — слово искусственное. Или Петрокрепость. Это двусмысленно.

Совет по краеведению. Это очень важный Совет, потому что мы должны создавать краеведение, искусственно прерванное в конце 20-х гг. Это основное средство воспитания патриотизма. По другим республикам это существует. По РСФСР не существует. РСФСР имеет целый ряд ненормальных явлений. Одно из ненормальных явлений — это отсутствие краеведческого движения. И это дело Фонда культуры РСФСР и нашего Фонда в целом.

С.О. Шмидт меня заверил, что записка по Совету по краеведению будет подготовлена, и Совет начнет работать.

Работа с коллекционерами идет интенсивно. Но приходится сталкиваться с недовольством коллекционеров. Есть недоверие коллекционеров: не отнимут ли коллекцию. Собрание коллекционера В.Е. Магидса существует. Наш Фонд опоздал с туристической поездкой коллекционеров в Копенгаген, Осло. Это вызвало недовольство. Недовольство вызывает и то, что мы недостаточно заботимся о коллекциях. Коллекции нужно ставить под охрану. Но Фонд не проявляет достаточной энергии, чтобы эта охрана была введена (сигнализация).

Мы проявляем большую энергию, но все-таки недостаточную в вопросе о Дне памяти. День памяти чрезвычай-

но важен. Если бы вы видели, в каком состоянии находится Смоленское кладбище <на Васильевском острове в Петербурге>! Я не знаю, как происходило <там> празднование <1000-летие крещения Руси>[1], потому что в десяти шагах находится завод, который пользуется кладбищем как площадкой для сбрасывания тары, ящиков.

На День памяти откликается молодежь. У нас в Ленинграде студенты занимаются приведением в порядок могил своих профессоров. Так что День памяти очень необходим.

О чистых недостатках.

Мне хотелось сказать, что штаты нашего Фонда раздуты. Это не значит, что людей надо увольнять. Штаты раздуты относительно работы, которая ведется. Если работы будет вестись больше, этой раздутости штатов не будет. Пока не все сотрудники Фонда в одинаковой степени заняты. Есть очень большая занятость отдельных сотрудников, в частности, Г.В. Мясникова. Он должен организовать свой труд, чтобы равномерно распределить работу на своих сотрудников.

Медлительность, неповоротливость свойственны нашему Фонду.

Я приводил пример с факсимильными изданиями. Эта работа два года тянется.

Требует реорганизации структура нашего Фонда.

Что мне понравилось в Финляндии: там один человек отвечает за один объект. Там у директора нет отдельного кабинета и стола. Он работает вместе с референтом. Он сажает человека на диван, с ним разговаривает, все это записывается на записывающую аппаратуру, и затем итоги этого разговора подводит референт.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Тогда надо деловой разговор вести.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ни директор, ни начальник отдела не имеют тайн от сотрудников. Неделовую часть разговора референт отсекает. Неделовая часть нужна для контактности.

---

[1] 14 июня 1988 г. на Смоленском кладбище митрополит Алексий (будущий Патриарх Алексий II) возглавил церковную службу, посвященную 1000-летию крещения Руси.

Очень важно, чтобы в Фонде с посетителями говорили в высшей степени любезно. Мне приходилось выслушивать жалобы от иностранцев, что с ними в Фонде недостаточно вежливо разговаривали. В частности, от такой дамы, как графиня Сологуб[1]. Она жаловалась, что и в Париже наши товарищи, и в Фонде культуры разговаривали невежливо. Может, это ей просто кажется, а может, мы не изучили правила вежливости, как разговаривать с посетителями. Я не хочу никого обидеть, но мне это нужно сказать.

В основу нашей работы должно быть положено знание ценности предметов искусства, истории. Нужна информация о держателях культурных ценностей. У нас должна быть электронная память, должны быть все сведения о коллекциях у нас и за рубежом. Если сведения не точны, мы должны записать, что эти сведения не точны. Мы часто действуем по интуиции, по сведениям, которые получаем из посольств. Посольства работают по-разному. Хорошо работают в Копенгагене.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: В смысле работы по нашей программе? Мы их просили сделать каталог всех памятников отечественной культуры.

Д С. ЛИХАЧЕВ: Да. И, кроме того, хорошо относятся в Копенгагене к нашей выставке.

Мне не нравится, как работает посольство в Риме. Они не приглашают Дмитрия Иванова, сына В. Иванова, известного русского художника, а он готов пожертвовать нам.

Посольства должны быть нашими первыми помощниками.

Информация — прежде всего.

Год идет разговор о создании молодежного общества «Классика». Идея эта встретила очень хорошее отношение. <...> Необходимо изучение русской и советской классики, развитие вкуса к классической литературе, классической музыке. Рок-музыка, может быть, хорошая и нужная, я понимаю, что нужна физическая разрядка <для> молодежи. Но рядом с ней, гораздо большего роста, должна быть классическая музыка, должно быть общество «Классика».

---

[1] И.Л. Сологуб, дочь художника-эмигранта Л.Р. Сологуба.

Сейчас среди молодежи есть отрицание Горького, отрицание Маяковского, отрицание тех ценностей, которые являются классическими ценностями. Мы должны всячески форсировать создание общества «Классика». Все музыкальные школы, консерватории — потенциальные наши сторонники.

В связи с этим нужен День молодежи в помещении Фонда. В Ленинграде такой День молодежи проводится в помещении Фонда культуры на Невском проспекте. Молодежь туда приходит. Причем это носит серьезный, плодотворный характер. Там появляются люди, отстаивающие культурные ценности. День памяти и День молодежи хорошо бы иметь в наших залах. И там нужно обсуждать актуальные вопросы. На встречи с молодежью должны приглашаться представители нашей культуры. Сначала нужно обсудить вопрос: нравственный авторитет наций. Нравственный авторитет наций в Средние века строился на силе, сейчас это строится на гуманизме. Этот вопрос важен не только для нашей страны, а для всего мира. На чем строится нравственный авторитет? Обдумать вопрос нравственного авторитета наций, каких-то 7—10 заповедей, это очень важно. И нужно обсуждать это с молодежью. Чтобы нация понимала, в чем ее авторитет в мире.

Затем вопрос о гомосфере[1]. О культуре как об общем достоянии всего человечества. Этот вопрос представляется очень важным, и он выходит далеко за пределы нашей страны.

Мне кажется, нам нужно создать еще Советы, чтобы их было больше.

Я упомяну два Совета: Совет по библиотекам и Совет по музеям. И музеи, и библиотеки находятся в тяжелом состоянии. Авторитет у музеев недостаточен. В Куйбышеве, в соседнем с музеем помещении размещается оперный театр, а это помещение как раз годилось бы для музея, который очень стеснен.

---

[1] Термин, предложенный Д.С. Лихачевым и М.М. Бариновым в 1984 г.

Нам нужно также большое хранилище для даримых вещей. Нам предложили замечательную коллекцию Меншуточкина. Это эмигрантская семья. Она живет на Гебридских островах, собрана этнографическая коллекция из 900 предметов. У нас должно быть для этого помещение. В Москве нет этнографического музея. Это очень большой недостаток. В Ленинграде три этнографических музея, а когда в Москве нет этнографического музея — это плохо, от этого зависит национальная политика. Меншуточкин — продолжатель традиций Миклухо-Маклая.

Заключая свое длинное вступление, я скажу, что первое условие нашей работы — это наличие информации, компьютерной памяти. Второй момент нашей работы — хорошая репутация. Эта репутация падает. Это видно по письмам.

Должна быть эффективность наших предприятий.

Культура личного общения.

Доступность всех нас.

Это требует внимания и, может быть, некоторой перестройки нашей работы.

Реплики и ответы Д.С. Лихачева на выступления членов президиума

<Штат аппарата Фонда культуры>

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Какой штат у нас?

Г.В. МЯСНИКОВ: Когда создавали, планировали 280, входили с 220, утвердили — 210. У нас в центральном аппарате работает 78 человек. По стране всего — 650 человек[1].

Р.М. ГОРБАЧЕВА: А в Детском фонде?

Г.В. МЯСНИКОВ: Центральный аппарат — 178 человек.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: А в Совете ветеранов?

Г.В. МЯСНИКОВ: Не подглядывали.

---

[1] СФК в то время имел свои отделения в 15 республиках бывшего СССР, в Москве, Ленинграде и почти в 150 автономиях, краях и областях.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нам очень нужно опасаться приема сотрудников под давлением — сыновей, дочерей, внуков. И, кроме того, тех, кого освобождает центральный аппарат.

<Международная деятельность. Приглашение русских эмигрантов в Россию>

Р.М. ГОРБАЧЕВА: ...У меня возникает такой вопрос. Я просто хочу с вами поделиться. Нет ли у нас крена в сторону международной деятельности?..

<...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Наши выставки из частных коллекций пользуются колоссальным успехом. Для нас это очень важно. А коллекция икон!

Загранориентация[1] страдает в том отношении, что у нас нет ориентации иностранцев на нашу страну. В США молодежь, третье поколение эмигрантов говорили, что им недостаточно получить путевки по Золотому кольцу. Они хотят 2—3 недели пожить в русском городе. Я начал искать этот город. Наметил Тутаев. Но там строится большой завод. Сейчас у меня такой проект: либо Углич (но Углич перегружен), либо село Мышкино, это красивейший городок на Волге, там есть храм. Это была бы большая пропаганда нашей культуры. Если Мышкино не подходит, можно подумать о другом городе.

О.И. КАРПУХИН: Старая Русса.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Это прекрасное место. Но Старую Руссу нужно привести в порядок.

<о Фонде Сороса>

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Мне дали соглашение о создании советско-американского фонда культурных инициатив Сороса... Посмотрим документ: совместные благотворительные мероприятия — прекрасно... А теперь почитаем на предмет деятельности Фонда... 4-й пункт — оказание практической помощи в обучении, стажировке советских специ-

[1] О «загранориентации» Фонда выше говорил член президиума В.И. Попов.

алистов за рубежом. Почему не обоюдное оказание практической помощи, почему речь идет только о советских специалистах? Что, нам дают хорошую подачку?

<...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: По Соросу. Мы посылаем за границу обучиться по тем специальностям, которых у нас мало. Но это можно обсудить и внести туда дополнительные ответные пункты.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Надо это записать. Надо, чтобы это соглашение мы заключили на паритетных началах.

<Демократическая пресса>

П.Л. ПРОСКУРИН: Наша печать сейчас занимается самыми непонятными для меня исследованиями в области культуры, в области литературы и совершенно не занимается современностью. Это касается всех газет... Я буду говорить о журнале «Огонек», который несколько раз публиковал письмо вдовы Твардовского, другие статьи, в которых обвиняют меня, что я способствовал снятию Твардовского... «Огонек» предпринимает попытки дискредитировать народных писателей Маркова, Чаковского, Бондарева, Распутина... Пусть Коротич не думает, что дым бывает без огня. Сейчас идет большой разговор об этом...

<...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нашу литературу раздирает групповщина. Я не хочу брать ни сторону «Огонька», ни сторону противников «Огонька». Просто мы должны быть вне этой борьбы. Если мы ввяжемся в эту борьбу, я уйду из Фонда.

<Жюри конкурса на памятник Василию Тёркину>

П.Л. ПРОСКУРИН: В заключение я хочу заявить о выходе из состава жюри по памятнику Василию Тёркину в Смоленске...

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Почему Вы должны выйти из состава жюри?

П.Л. ПРОСКУРИН: Этого требует вдова Твардовского. Об этом писали в нескольких журналах. Я думаю, памятник от этого не пострадает...

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Я хотела, чтобы товарищи сказали свое мнение. Есть ли необходимость в Вашей акции, Петр Лукич?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Всё дело в семье Твардовского. Если бы это были другие малоизвестные или очень известные люди, мы бы отставку не приняли. Памятник Тёркину — это в какой-то степени памятник Твардовскому. <...>

Относительно того, как прореагировать. Это очень неприятная история. Если мы не выведем Проскурина, это будет иметь продолжение... Мы должны, не выводя кого-то из состава жюри, создать новое жюри, ничего не говоря о старом жюри. Но ставить под удар Проскурина, чтобы было еще письмо, — это было бы жестоко по отношению к Проскурину. Я бы согласился с его отставкой, но никаких официальных акций бы не предпринимал, не предавал огласке. Перед самым конкурсом создать новое жюри, с новыми именами[1].

<Направленность журнала «Наше наследие»>

Ю.В. БОНДАРЕВ: У нас появилось новое издание. Каким мне хотелось видеть наш журнал? Назвали журнал «Наше наследие». Очень не хотелось, чтобы это превратилось в архив. Никакая любовь к XIV—XV и даже XIX в. нас не спасет. Мы живем в современном мире, в конце XX в., в мире, насыщенном конфликтами... Надо, чтобы в журнале было рассказано о том, что происходит сейчас в живописи, литературе, философии.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Я считаю, это очень правильно.

<...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я не против того, чтобы делать этот журнал современным. Ничего плохого, если будем печатать статьи по культуре. Но не партийные статьи с вмешательством в литературную жизнь Союза писателей. Обостре-

---

[1] Новый состав жюри без участия П.Л. Проскурина был утвержден на заседании президиума Фонда 27 декабря 1988 г.

ние вызвано борьбой внутри Союза писателей. Там много причин. Нам нужно быть в стороне от этой борьбы и не делать наш журнал органом борьбы.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Речь идет о духовной жизни сегодня, вопросах современной культуры.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Модель культурной жизни маленького села — как раз материал для журнала.

Вопросы эстетического воспитания школьников...

Может быть, еще раз собраться и обсудить вопросы журнала.

<О работе с молодежью>

Е.В. ЗАЙЦЕВ <работник аппарата ЦК КПСС>: Я очень удовлетворен Вашим сообщением, Дмитрий Сергеевич. Вы очень важные вопросы поставили и акценты расставили. Хотел бы самым активным образом... поддержать необходимость внимания к молодежи.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Встречи с молодежью могут быть в Ленинграде, в Москве...

Е.В. ЗАЙЦЕВ: Приобщение молодежи к культуре — самое важное направление в деятельности Советского фонда культуры.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Когда у нас выработается опыт, мы можем выезжать на места.

<Бюро президиума Фонда>

В.А. АКСЕНОВ[1]: Я хотел обратиться к Дмитрию Сергеевичу и Раисе Максимовне. Я ощущаю дефицит общения с Вами, Дмитрий Сергеевич. Вас многие домогаются. У нас не хватает смелости Вас беспокоить. Наверное, нужно договориться, чтобы почаще встречаться, может, ездить к Вам в Ленинград...

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Мы постоянно контактируем. Вы присылаете мне бумаги. С Дмитрием Сергеевичем мы переписываемся... Давайте подумаем о том, что мы редко собираемся, давайте обсудим вопрос о бюро президиума.

[1] Заместитель председателя Фонда по международным делам.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Тут могут быть отрицательные последствия. Мне приходилось быть в положении, когда при президиуме создается бюро. Оно берет на себя всё, что должен делать президиум, председатель и его заместитель.

<Подведение итогов дискуссии>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Относительно ориентации на молодежь — все согласны. Относительно пресс-службы — все согласны.

Нам нужно, чтобы культурное лицо нашего Фонда <было> представлено, чтобы была интеллигентность, цивилизованность нашего Фонда.

Важный вопрос создания модели культурной жизни в маленьком городе, селе. Этим мы должны заняться.

Посещение театров будет решать общество «Классика». Общество «Классика» будет предоставлять бесплатные или полуплатные билеты. В мое время класс водили на постановки пьес в театры.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Может, это предложение связать с эстетической программой «Детство», сюда войдет театр, общество «Классика»...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Привлечение общественности. Хорошая форма: общество друзей музеев, парков, библиотек. Американцы создали общество любителей Павловского парка. Нам надо создать общество любителей Эрмитажа.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Может быть, общество любителей парка на селе.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Одним словом, общество друзей. Такие общества во всех странах есть. И мы должны этому покровительствовать. <...>

Мне кажется, связь с Детским фондом нужна. Но нужно строго разграничивать свою деятельность с Обществом по охране памятников культуры. Это Общество бездействует. Отсылает к нам по всем вопросам. Меня просто осаждают в Ленинграде по вопросам охраны, сноса какого-то дома. Все-таки надо внести разграничения, какими вопросами занимаются они, а какими мы[1].

---

[1] Архив РФК. Т. 13. Д. № 27.

Материалы заседания президиума СФК 27 декабря 1988 г.

Повестка дня:

1. О созыве, повестке дня и порядке проведения совместного заседания Совета учредителей и Правления Советского фонда культуры.

Доклад т. Мясникова Г.В.

2. Об итогах общественной экспедиции СФК на Соловецкие и Валаамские острова.

Доклад профессора Веденина Ю.А.

3. Об утверждении состава жюри открытого конкурса на лучший эскизный проект скульптурной композиции, посвященной Василию Тёркину.

Доклад т. Карпухина О.И.

4. О создании под эгидой Советского фонда культуры на базе фольклорного коллектива Д.В. Покровского «Центра традиционной культуры СФК».

Доклад т. Покровского Д.В.

5. Об учреждении при Советском фонде культуры клуба творческой интеллигенции «Мир культуры».

Доклад т. Самвеляна Н.Г.

6. О юбилейных мероприятиях СФК к 190-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Доклад т. Карпухина О.И.

7. Об утверждении стипендиатов Советского фонда культуры на 1989 год.

Доклад т. Быкова В.А.

8. О некоторых итогах работы общественного совета при правлении СФК по сохранению и развитию культур малых народов.

Доклад т. Тенишева Э.Р.

9. О текущих вопросах работы общественных советов и аппарата правления.

Информация т. Компаниец А.Я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ — академик Д.С. ЛИХАЧЕВ

Разрешите открыть заседание президиума правления Советского фонда культуры.

Первым хотел бы выступить Акопян. <...>

[«Заседание президиума началось с выступления первого заместителя председателя правления Армянского фонда культуры т. Акопяна Ж.П. Он рассказал об огромном ущербе, нанесенном населению, народному хозяйству и культуре республики невиданным землетрясением, которое произошло 07.12.88. Была выражена благодарность правлениям СФК и республиканских отделений за бескорыстную помощь народу и Фонду культуры Армении».][1]

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я предлагаю почтить память погибших в Армении вставанием.

(Все участники заседания встают. Минута молчания).

Прошу сесть.

Вопрос о помощи Армении сейчас самый важный вопрос, особенно по памятникам культуры. Хорошо бы было нам создать комиссию, не торопясь, не на этом заседании, которая бы занялась вопросами помощи — реставрирования, спасения и сохранения памятников, которые будут продолжать гибнуть после <землетрясения>, оттого что они находятся в тяжелых условиях. Но это мы решим потом в рабочем порядке.

Сейчас я предоставляю слово Георгу Васильевичу Мясникову, который доложит о созыве, повестке дня и порядке проведения совместного заседания Совета учредителей и правления Советского фонда культуры <по выдвижению кандидатов в народные депутаты СССР от Фонда культуры>.

Г.В. МЯСНИКОВ: ...В свете новых подходов и перестройки общественные организации впервые в истории нашей избирательной системы получили право выбирать депутатов, составляющих одну треть Совета народных депутатов. ...Предлагаю выдвинуть кандидатуру Дмитрия Сергеевича Лихачева.

[1] В данной публикации в квадратных скобках приводятся фрагменты протокола заседания (архив РФК. Т. 13. Д. № 25), дополняющие текст стенограммы.

Нам не обязательно пять кандидатов, а можно один-два. Пять человек на всю страну. Мы не можем диктовать республикам.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: У меня есть предложение — выдвинуть Раису Максимовну Горбачеву, Георга Васильевича Мясникова, В.Т. Спивакова — очень активный член нашего правления. И.Н. Воронову[1]. И по малым народностям хорошо работающего, хорошо очень себя показавшего Эдхема Рахимовича Тенишева, председателя Совета по малым народностям.

Эти пять кандидатур предлагаю я. Что касается моей кандидатуры, то я согласен, что<бы> ее выдвигали, только я не знаю, все ли члены правления знают некоторые обстоятельства моей биографии.

— Мы Вашу биографию изучили, когда рекомендовали Вас председателем.

— Правильно.

— Какие там могут быть обстоятельства?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: У меня внучка живет в Федеративной Республике Германии. Я с ней все время виделся и сейчас с ней вижусь.

Извините, я не совсем подготовлен к этому разговору[2]. <...>

Р.М. ГОРБАЧЕВА: ...Я полагаю, что от президиума Советского фонда культуры я бы согласилась с предложением о кандидатуре Дмитрия Сергеевича Лихачева, ... вклад которого в дела Фонда всем известен. В связи с этим я сразу же хочу сказать, Дмитрий Сергеевич, спасибо за то, что Вы предложили мою кандидатуру, но я сразу прошу <беру> самоотвод, прошу, товарищи, снять мою кандидатуру, не обсуждать. От президиума, повторяю, я предлагаю кандидатуру Дмитрия Сергеевича Лихачева. <...>

---

[1] Иветта Николаевна Воронова — председатель Совета по благотворительной деятельности фонда, позже — руководитель программы (ныне фонда) «Новые имена».

[2] Кроме «родственных связей за границей», было еще более серьезное обстоятельство, которое, по мнению Д.С. Лихачева, могло помешать избранию его народным депутатом СССР: это его осуждение по политической статье в 1928 г. Д.С. Лихачев получил реабилитацию как жертва необоснованных политических репрессий через несколько лет после избрания народным депутатом.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Георг Васильевич, я прошу помочь мне, я в неудобном положении. Раз выдвинута моя кандидатура, то председателем <собрания> должен быть кто-то другой[1].

Р.М. ГОРБАЧЕВА, голоса С МЕСТА: Почему, Дмитрий Сергеевич? Ничего страшного. <...>

<*Идет обсуждение кандидатур*>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Мы собираемся 6-го числа <6 января 1989 г.>, накануне выборов, помимо названных кандидатур мы еще посмотрим, может быть, еще кого-то выберем, учтем самоотводы и все то, что сейчас обсуждали. Республики будут сами выбирать. <...>

Согласны, товарищи, с этим решением? Голосовать не будем, это у нас предварительное обсуждение. Тогда накануне заседания мы это обсудим за 30 минут. <...>[2]

Перейдем к нашим следующим вопросам, с тем чтобы очень кратко решить наши неотложные задачи. Прежде всего — об итогах экспедиции, общественной экспедиции Советского фонда культуры на Соловецкие и Валаамские острова. Я сам был этим летом на Соловках и знакомился с этими проблемами, знакомился также с проблемами Валаамских островов, которые рядом находятся. Те решения, которые нам сейчас доложит Веденин[3] Юрий Александрович, нужно серьезно обсудить. Я бы просил доложить самым кратким образом. <...>

<*Следует доклад Ю.А. Веденина.*>

[«Президиум СФК отмечает крайне неблагополучное, а по ряду проблем критическое состояние памятников культуры и природного ландшафта островов...»]

Ю.А. ВЕДЕНИН: ...Есть сложный вопрос, который касается не только Соловков и Валаама, — это проблема ре-

---

[1] В этот момент Д.С. Лихачев встал со своего места во главе стола и занял место рядом с другими членами президиума.

[2] Народными депутатами СССР от Советского фонда культуры в 1989 г. были избраны Д.С. Лихачев, митрополит Питирим (Нечаев), художник М.А. Савицкий, таджикская поэтесса Г. Сафиева (глава республиканского отделения Фонда) и подвижник культуры, создатель народного музея-заповедника под Алапаевском И.Д. Самойлов.

[3] Член президиума Фонда, руководитель программы «Уникальные исторические территории».

ставрации. Вы хорошо ее знаете. Проблема реставрации связана с тем, что фактически люди получают не за выполненную работу, а за освоенные средства, поэтому выгодно закладывать ценные материалы, выгодно вести какие-то работы, но совсем не выгодно их кончать. На Соловках за 21 год ведения строительно-реставрационных работ не было закончено фактически ни одного объекта, потому что они на 80—90% заканчивали, <потом> они бросали, и почти законченные памятники опять начинали разрушаться.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вместо простой консервации, которая не стоит денег, начинаются сложнейшие реставрационные работы, причем с изучением архивов и т.д. Но они абсолютно нереальны — создание облика Соловков XVI в. А зачем это нужно? XVII, XVIII века. Не надо стремиться к созданию какой-то картинки. Это вопрос о реставрации. А еще есть вопрос о многовластии[1]. Отдельные предприятия захватывают лакомые куски, разделяют, вырубают лес, устраивают карьеры, самовольничают. Там должно быть единовластие. Должен быть создан ученый совет. Это не значит, что он должен собираться там, на острове, очень часто.

Ю.А. ВЕДЕНИН: О Соловках и Валааме. Возникает необходимость выделения определенного типа территорий, уникальных исторических территорий, на которых должен быть распространен, с одной стороны, <статус> как национальный парк — охрана, но и экономически <они> должны быть выделены отдельной строкой в бюджете, как города республиканского или союзного значения. То есть, <эти территории> фактически принадлежат всему народу, и вся страна должна заботиться о них, а не только проживающее там население. Это очень важный момент.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Горячие точки — Соловки и Валаам.

Тем более что Валаам связан же водой с Ленинградом[2]. Там вода портится. Воду <ленинградскую> почти невоз-

---

[1] В докладе Ю.А. Веденина говорилось о том, что на Соловецких островах работают 20 различных организаций.

[2] В стенограмме ошибка: «с Калининградом». Д.С. Лихачев говорит здесь о качестве невской воды в Ленинграде (река Нева вытекает из Ладожского озера, в северной части которого расположен остров Валаам).

можно пить, она скоро будет запрещена для употребления, нужно будет из Онежского озера возить питьевую воду.

Есть замечания, предложения по справке?

С МЕСТА: Есть замечание о вялости справки. Вообще мы можем вести прекрасные, душеспасительные разговоры, а острова, памятники на них будут разрушаться. Нельзя ли нам предпринять более конкретные, резкие меры?

С МЕСТА: Я Вас полностью поддерживаю. Но с чего начать?

<...>

Ю.А. ВЕДЕНИН: Мне хотелось сказать, что есть целый ряд первоочередных работ, которые мы практически уже прекратили. Мы прекратили потому, что мы внесли поправку, что до тех пор, пока президиум Советского фонда культуры не рассмотрит эти вопросы... Некоторые проблемы там просто закрыты. Закрыт причал на Валааме... Мы ставим сейчас вопрос о прекращении строительства, которое началось в поселке <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Фонд культуры не имеет права. Нет власти вмешиваться в эти дела. <...> Мы должны обратиться к Н.И. Рыжкову <председателю Совета министров СССР> за наведением порядка на этих островах. Мы даем эти предложения. Этот порядок должен начинаться, чтобы запретить строительство некоторых объектов. И предлагаем состав научно-общественного Совета по Валааму и Соловкам. Мы входим в правительство с этим предложением. Никаких прав сейчас у нас вмешиваться в это дело нет. Нам удалось запретить некоторое строительство, не запретить, а приостановить, ссылаясь на то, что они нарушают закон. Поэтому я считаю, что те предложения, которые есть, правильные. Я сам был и тут и там <и на Соловках, и на Валааме>, наблюдал и видел. Утвердить <Совет> и обратиться к Н.И. Рыжкову <и> в ЦК партии с тем, чтобы был наведен порядок и чтобы было введено единоначалие. Потому что люди не знают, кого слушать.

Представители перерабатывающей промышленности в отрасли и т.д. сами по себе работают и никого не слушают. Единоначалие должно быть установлено. Но установить <мы> сами не можем, можем обратиться в правительство

с этой просьбой. В этой справке есть <такое> обращение. Есть предложение нашего Совета компетентного, который всесторонне мог бы разработать эти проблемы: и туристические, и реставрационно-консервационные, и промышленно-экономические.

Мы все отлично понимаем, что жить одними туристами нельзя. Я думаю, <нужно сейчас> утвердить продуманное предложение и дальше его не обсуждать, потому что обсуждать — это опять уйти в бесконечность. Надо положиться на Николая Ивановича Рыжкова, может быть, надо, чтобы от нашего Фонда был докладчик, который доложил бы более подробно. Согласны с этим? Хорошо. Тогда мы переходим ко второму вопросу.

Об утверждении состава жюри открытого конкурса на лучший эскизный проект скульптурной композиции, посвященной герою Твардовского Василию Тёркину.

— Здесь все ясно.

Есть какие-то возражения? Нет. Здесь приложен список. Тогда утверждается.

Следующий вопрос. О создании под эгидой Советского фонда культуры на базе фольклорного коллектива Д.В. Покровского «Всесоюзного центра традиционной культуры». Это доложит Олег Иванович Карпухин.

Предложение очень хорошее <...> это всемирно известный ансамбль, который изучает и исполняет фольклор на очень хорошей научной основе. Есть предложение утвердить.

Это будет большое завоевание Фонда культуры — принять под свое крыло коллектив Д.В. Покровского.

Следующий вопрос — об учреждении при Советском фонде культуры клуба творческой интеллигенции «Мир культуры». Разрешите объяснить, в чем тут дело. Надо поднять в Фонде культуры уровень культурных интересов, обсуждения в нашей среде. С этой целью мы среди молодежи, главным образом среди старших классов средней школы, студентов создаем общество «Классика». Это общество встречает всюду очень большую поддержку. Это

классика и античная, и классика в другом понимании, как классика русской литературы, и советской литературы сюда же классика входит. Это не обращение к прошлому. На этой основе возрождается изучение латинского и греческого языков и старославянского языка, без чего нельзя понимать <особенности> русской поэзии. Здесь инициатив очень много. Это общество касается главным образом молодежи.

«Мир культуры» стремится поднять споры на более высокий уровень, чем они сейчас ведутся, в нашей среде. Сейчас ведутся споры 30-40-50-х гг., споры исторического характера, споры, связанные с групповыми интересами, и т.д. Все-таки Россия была страной, в которой была очень высокая философия. Этого нельзя отрицать и суживать. Замечательная литература, замечательные мыслители, интеллигенция ставила очень крупные вопросы.

Наша задача в «Мире культуры» заключается в том, чтобы крупнейшие представители интеллигенции, мыслители, не отрываясь от молодежи, среди которой есть очень думающие люди, ставили доклады, вопросы, которые всех волнуют, крупные, принципиальные доклады, доклады мировоззренческого характера. Этим всем должен заняться клуб интеллигенции «Мир культуры» при нашем фонде. Гораздо лучше, чтобы все это обсуждалось при нашем фонде, чем в отрыве от него. Кроме того, мы мечтаем, чтобы этот «Мир культуры» создал хороший, высокого уровня журнал, какое-то издание, итальянские издатели идут нам навстречу в этом отношении. Ну, я несколько отошел от темы. Есть вопросы к Николаю Григорьевичу Самвеляну?

Р.М. ГОРБАЧЕВА: ...У меня возник, честно говоря, целый ряд вопросов, вызывающих сомнение. Я хотела бы товарищам их высказать.

Советский фонд культуры создает много организаций... Все эти организации у нас существуют под эгидой Советского фонда культуры и во имя исполнения задач, определенных уставом фонда культуры. Мы обращаемся к нашей творческой интеллигенции, привлекаем ее, и она активно помогает в нашей творческой работе. Мы очень благодарны тем, кто щедро делится своим талантом, подключилось много творческой,

по-настоящему талантливой интеллигенции. Но эта организация «Мир культуры» сформулировала свою позицию как самостоятельная общественная ассоциация, самоуправляемая, со своим уставом, и права ее, Николай Григорьевич, равны правам Советского фонда культуры... Каждая организация, Николай Григорьевич, и ваша творческая <ассоциация> имеет право на становление, существование, но не мы вас утверждаем. Вы должны тогда пройти тот путь, который проходили мы... Есть еще такая деталь. Если это клуб творческой интеллигенции, у вас должно быть принято, Дмитрий Сергеевич, общее правило, разработаны законы, принят Устав, Положение Советского фонда культуры о работе клубов творческой интеллигенции... А вот этот Устав... это самоуправляемая ассоциация, общественная, со своим уставом и правами Фонда культуры. Друзья! Кто нам дал такое право? Это не наша компетенция — порождать организацию, равную Советскому фонду культуры по правам. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Аналогичная ситуация возникла в Ленинграде. В Ленинграде группа ученых, особенно недовольная Академией наук (Академия наук не объединяет ученых, особенно разных специальностей), предложила создать свою общественную Академию рядом с Академией наук и рядом с Академией художеств. Я предложил: прежде чем выработать Устав, который звучит вызывающе к Академии наук СССР и к Академии художеств, чтобы на практике начали осуществлять некоторые лекции, собрания и т.д., и тогда видно будет, что мы утвердим. <...> Ведь не обязательно начинать с положений, а можно начинать с практической работы — возникновение дискуссий по сложным вопросам, не обязательно по политическим, по философским наукам, связи отдельных наук. Нас беспокоит в Ленинграде разобщенность деятельности отдельных институтов. А к весне, когда пройдет 10—15 докладов, обсуждений, дискуссий, тогда решить, в какой форме это сделать.

Может быть, сейчас сделать таким образом. При Фонде культуры мы собираемся в том составе, в котором наметили, проводите ваши доклады, обсуждения, тогда выльется <sic!>, кто входит, кто не входит, посмотрите всё, а

положение мы будем утверждать весной или осенью, чтобы посмотреть, что это такое. <...> Все-таки жизнь культурная замерла. Я знаком с таким старым городом, как Старая Русса. У них, кроме музея Достоевского, ничего нет. Интеллигенция собирается в музее Достоевского, там есть врачи, есть инженеры, они собираются, ставят доклад, иногда с приглашенным докладчиком. И обсуждают.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Дмитрий Сергеевич, здесь состав другой и уровень другой тех, кто создает эту организацию, и надо подумать реально.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Организация должна быть под наблюдением Фонда и под его руководством. Пока мы собираемся и смотрим, что получается из наших задач, какие вносятся предложения и т.д. Не будем с этим торопиться. Не будем торопиться с положением об этой организации, но будем торопиться с тем, чтобы эта организация начала уже работать. Она может начать работать, не будучи введена в определенные юридические ранги <рамки>. Мы посмотрим. Это очень важно, потому что интеллигенции негде собираться. <...>

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Давайте подумаем. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Дело в том, что мы хотим собрать воедино и ученых, и единомышленников. Это клуб.

Н.Г. САМВЕЛЯН: Лучше — ассоциация.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Просто фонд культуры собирает людей для лекций и обсуждений, и делает это в помещении фонда культуры.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Но здесь так написано — с выходом на международные организации, на ЮНЕСКО, это же права Советского фонда культуры.

Н.Г. САМВЕЛЯН: Может, проработать устав.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Товарищи, выскажите свое мнение, чтобы подвести итог этому вопросу.

— Отложить этот вопрос и проработать его.

Б.С. УГАРОВ[1]: ... Мы сейчас живем в ситуации какого-то параллелизма: в союзах мы делаем параллелизм, в общественных организациях делаем параллелизм, вплоть до

[1] Президент Академии художеств, член президиума Фонда.

того, что мы уже и партию ищем какую-то другую. Если мы в Фонде культуры будем способствовать размельчению нашей единой цели, мне кажется, мы от этого не обогатимся, а будем беднее.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Борис Сергеевич, наоборот, мы как раз хотим объединения, а не разъединения. <...> Искусствоведы будут собираться в Академии и в Союзе.

Б.С. УГАРОВ: А почему Вы тогда говорите о другой академии, не государственной? Это сейчас болезнь какая-то.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Борис Сергеевич, мы как раз отвергли сейчас это предложение в Ленинграде и предложили собираться в Доме ученых с лекциями и докладами на объединяющие разные специальности темы.

Б.С. УГАРОВ: До войны были Дом ученых, Дом ИТР <инженерно-технических работников>, они решали много общественных вопросов. Может быть, нам этим путем идти?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Это были все разные организации, а речь идет о более широком объединении, где мог бы встретиться актер с художником, инженером, с ученым.

Б.С. УГАРОВ: Были и дома искусства, они до сих пор живут.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Тут не только искусство, тут и наука должна быть. Тут должно быть какое-то объединение.

<...>

Г.В. МЯСНИКОВ: Я согласен, что есть настораживающие формулировки, формулировки, связанные с тем, что это самостоятельная независимая ассоциация. Надо решать под эгидой Фонда культуры — связь с ЮНЕСКО, международные выходы. <...> Я предлагаю принять два решения: первое — поручить разработать положение о клубах, которые могут быть при Советском фонде культуры, и второе — попросить товарищей еще раз поработать над Уставом этого клуба, чтобы не губить его, а соподчинить с целями и задачами Устава Фонда культуры, не превращая в самостоятельно действующую организацию. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Это решение выливается в определенную форму, в то, чтобы отложить, создать общетиповой Устав клубов <...> Но у меня есть такой вопрос — скажем, может

то объединение, которое создалось уже, назначить здесь, в стенах Фонда культуры, какую-нибудь лекцию интересную, обсуждение строгой высокой научно-эстетической, научной проблемы?

Р.М. ГОРБАЧЕВА: А почему этот вопрос возникает? Это смысл Советского фонда культуры. Это естественный желательный процесс. Речь идет о восстановлении организации с новыми правами как Советский фонд культуры, а мы даем ей добро. Мы на это не имеем права. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Мы будем видеть, что это такое.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Положение о клубах нужно. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я думаю, что вопрос определился.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Советский фонд культуры — мы благодарны всем, кто к нам подключается, работает с нами. Мы всем будем благодарны, в том числе и творческой интеллигенции. Речь идет о новом «Мире культуры»...

Д. С. ЛИХАЧЕВ: Нет смысла обсуждать. Всё ясно. Надо продолжить работу.

[«В правление Советского фонда культуры обратилась инициативная группа творческой интеллигенции в составе: Самвелян Н.Г. — писатель, Битов А.Г. — писатель, Искандер Ф.А. — писатель, Аверинцев С.С. — член-корреспондент АН СССР, писатель, Шнитке А.Г. — композитор с просьбой об учреждении при Фонде клуба творческой интеллигенции «Мир культуры».

«Мир культуры», по мысли его инициаторов, учреждается как самодеятельная и самоуправляемая общественная ассоциация, ставящая перед собой задачи творческой и просветительской работы в интересах практической реализации идеи гуманизма, демократизации, гласности. Основная задача клуба — содействие новому мышлению в сфере культуры в нашей стране. Клуб выступает за развитие контактов с зарубежными деятелями культуры, за диалог представителей творческой интеллигенции с гуманистическими интеллектуальными силами современного мира...

В ходе заседания было высказано мнение, что необходимо прежде всего разобраться в целесообразности созда-

ния при СФК подобных клубов, начать необходимо с разработки типового положения о клубах при СФК.

Условлено: учредить клуб «Мир культуры» в экспериментальном порядке, с последующим рассмотрением его Устава и программы работы».]

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Сейчас доклад Быкова Владимира Александровича об утверждении стипендиатов Советского фонда культуры на 1989 год.

— Всё ясно. Надо утвердить. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Есть предложение принять.

И последний вопрос — это вопрос о малых народностях. Я предоставлю слово Эдхему Рахимовичу Тенишеву по малым народностям.

<О.И. КАРПУХИН:> Он сейчас вышел, а у нас есть вопрос по Пушкинской программе. Здесь всё изложено. Приближается юбилей: 190-летие со дня рождения А.С. Пушкина. Мы предлагаем целый ряд предъюбилейных мероприятий. Это открытие пушкинских лекториев при Фонде культуры, Всесоюзный фестиваль, детский пушкинский праздник в Захарове, который будут проводить летом, и благотворительная выставка <Всесоюзного музея А.С. Пушкина> в Ленинградском манеже.

Это все юбилейные дни, это к следующему году. Такие мероприятия предлагаются от Пушкинского совета <Фонда>.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Думаю, нам следует утвердить это, потому что, насколько мне известно (я знакомился с программой), пушкинская программа у нас разрабатывается очень хорошо, очень толково, активно. И все те предложения, которые вносятся, — а приближается несколько юбилеев Пушкина, и, кроме того, Пушкин для нас — это очень важно, это знамя нашей культуры, — я думаю, эти предложения следует утвердить.

[СЛУШАЛИ: а) Об учреждении при правлении СФК попечительского совета пушкинских музеев...

б) О подготовке издания «Пушкинской энциклопедии» (доклад т. Карпухина О.И.).

Сознавая высокую общественную заинтересованность в скорейшем издании «Пушкинской энциклопедии» и руководствуясь долгосрочной программой «Пушкин в сердцах поколений», правление СФК подготовило проект трехстороннего соглашения с ИРЛИ АН СССР и издательством «Советская энциклопедия» с тем, чтобы с 1 января 1989 г. приступить к работе над малой «Пушкинской энциклопедией»...]

<Д.С. ЛИХАЧЕВ:> Прежде чем предоставить слово Эдхему Рахимовичу Тенишеву по малым народностям, я хотел бы сказать два слова.

Дело в том, что малыми народностями сейчас интересуются во всем мире. Малые народности пропадают, и малые народности подпадают под влияние культур больших народностей. Особенно опасно во многих странах влияние английской и американской культуры и английского языка. Сейчас проводится перепись населения, и по этой переписи отсутствует целый ряд малых народностей. Тем не менее эти народности, каждая сама по себе, представляют очень большую ценность: с точки зрения языка, фиксации ее и т.д. В прошлом с маленькими народностями было сделано очень много ошибок. Например, возвращались из ссылки народности финно-угорского происхождения в Ленинград (я это знаю), и получалось так, что прописывают, например, ижорца, милиционер ему говорит: «Заполняй анкету, раз владеешь русским языком, пиши лучше «русский», а то мало ли что будет».

Так искусственно пропали благодаря этим «советам» целый ряд народностей. Если мы сейчас в перечень народностей не включим малые народности, которых осталось по 200—300 человек (например, чукчи — довольно большая народность, а нэнси <sic!> — маленькая народность, их же записывают чукчами, а это совершенно разный язык), а на Кавказе есть народности по 100—150 человек, и они, предположим, запишут себя азербайджанцами или еще кем-нибудь, то тогда они пропадут, исчезнет их язык. Поэтому составить правильный список по малым народностям — это очень важно. Это и политический вопрос. Иначе нас обвинят в том, что мы исключили эти малые народности из общего перечня народов, населения. В 1986 г. я был на форуме в Будапеште и выступал

там по вопросу о малых народностях. Эта встреча проходила с большим энтузиазмом, говорилось о необходимости записи, фиксации, фиксации языка, народных обычаев и т.д. Например, такая народность, как ингерманландцы. Ну, кто из нас знает эту народность, что это за ингерманландский язык, их обычаи? Они обречены и вряд ли сохранятся. Нужно смотреть реальности в глаза. Ингерманландцы не будут получать образование на ингерманландском языке и вынуждены будут переходить на русский язык. Но зафиксировать эту народность, ее обычаи, ее язык и т.д. — это обязательно нужно. Этот вопрос и с переписью связан.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: А перепись поможет это сделать?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вот как раз Эдхем Рахимович доложит нам сейчас об этом. Пожалуйста, Эдхем Рахимович. <...>

[«Докладчик отметил, что Совет начал работу с конца сентября 1988 г. Совет включает в себя пока только советских ученых.

Принимаются меры по вовлечению в работу совета крупных зарубежных ученых-специалистов. <...> Совет внимательно изучил подход к организации Всесоюзной переписи населения, которая начинается с 12 января 1989 г. Обнаружены, по мнению Совета, серьезные изъяны в самом переписном листе, которые могут отрицательно сказаться при обобщении данных по малым народам. Члены Совета изложили в связи с этим свою позицию в статье, сданной в газету «Известия».

Совет будет и впредь заботиться о том, чтобы работу по сохранению и развитию культур малых народов сделать предметной, конкретной и результативной. В качестве модели Совет намерен разработать систему своих усилий в оказании помощи советским северным народностям».]

Э.Р. ТЕНИШЕВ: <...> Целесообразно все-таки отложить перепись для обсуждения вопросов среди широкой научной общественности.

— Это невозможно, всё уже задействовано.

<...>

<ВОПРОСЫ С МЕСТ:> — Неужели малые народности исчезают в лица земли только потому, что записано в гра-

фе, в этнографической значимости <sic!> записана другая национальность?

– Нет, нет.

— Не поэтому совершенно. Дело в том, что сама цивилизация, вся окружающая среда, мы знаем, что происходит, и это трагедия. Он был эвенком, он и остался эвенком. Он был чукчей, он и остался чукчей. В чем дело?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: В чем дело, действительно. По нашим данным, по списку народностей, в нашей стране существует 134 народности. Следят за нашими народностями на Западе, в частности ЮНЕСКО. Это я выяснял в Будапеште. Я разговаривал по этому поводу с новым главой ЮНЕСКО Фредериком <Майором>. Они даже пытаются купить дворец в Венеции и создать институт культуры малых народностей. Здесь вопрос политический. Если мы зафиксировали 134 народности, а ЮНЕСКО зафиксировали у нас 150 народностей, а на самом деле их 170. Мы не можем закрыть на это глаза и сказать, что исчезновение народностей происходит нормально. Оно происходит, и мы не можем запретить. Когда я выступал в Будапеште на конференции, то американка сказала, что «у нас в Соединенных Штатах решается вопрос очень просто: мы держим индейцев в резервации и в резервации сохраняется их язык и обычаи». Это ненормальное явление. Нельзя лишать индейцев высшего образования, нормальной общественной деятельности. Держать их в резервации — это же не зоологический сад.

Действительно, исчезновение народностей, особенно под влиянием давления английского языка, английской культуры на Западе, и у нас других языков — это вопрос неизбежного будущего, но нужно успеть вовремя зафиксировать эти языки, потому что на Севере есть языки, которые совершенно не изучены, мы даже не знаем, какого они происхождения, может быть, они такого старого происхождения, которого на Земле не осталось. Если для животных есть Красная книга, то как же можем мы обойтись без фиксации людей, принадлежащих к таким малым народностям. А происходит всё таким образом. Приходит переписчик и говорит, к какой вы народности принадлежите. Есть народ-

ности, где 5—6 человек осталось, и из них только один знает свой язык. Они говорят, что мы принадлежим к такой-то народности. Переписчик смотрит в список и говорит, что такой народности нет, я вас записываю так-то.

— А что, есть список такой?

— Есть инструкция, которая позволяет кодировать, а там половины народностей нет. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Как выявить эти народности и не ставить переписчиков в зависимое положение от списков?

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Чем фонд все-таки здесь может помочь?

Э.Р. ТЕНИШЕВ: Записывать не национальность, а этнические самоназвания. Их сделать исходными. Национальность — это только достояние паспорта. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Надо, чтобы те, кто ведет перепись, понимали трудность этого вопроса. И нужно, чтобы газета «Известия», куда была послана статья, рассказывающая о сложности положения с самоназваниями, с названиями народностей, этнических групп, эту статью напечатала. Конкретная мера заключается в том, чтобы сегодня мы обратились к редакции газеты «Известия» с тем, чтобы они не ожидали <официального> ответа, который никогда не будет написан, потому что Институт этнографии и Госкомстат недостаточно подготовлены к этому, и чтобы они напечатали эту статью, чтобы переписчики и те, кто будет обрабатывать эту перепись, понимали значение этого вопроса.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Один переписчик прочитает эту статью, а другой не прочитает. Может, лучше обратиться с письмом в Центральную комиссию, к т. Лукьянову, чтобы это было доведено до сведения?

Э.Р. ТЕНИШЕВ: Письмо такое т. Лукьянову направлено, подробное, с запиской, только нужно поддержать.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Через некоторое время после переписи появится статья в какой-нибудь антисоветской газете, в которой будет говориться, что мы уничтожаем такое-то количество народностей. Надо, чтобы было ясно всем, что мы понимаем сложность проблемы, что советская страна всегда была страной, охраняющей народности, изучающей

эти народности. Надо, чтобы эта огромная работа, которая ведется по изучению малых народностей, была ясна всем. Особенно, скажем, так. Вот почти одна треть населения Азербайджана состоит из народностей, которые записываются как азербайджанцы. А это может послужить основой для очень серьезной пропаганды против нас. Теперь пропаганда не нами ведется, а против нас ведется, и ищут поводов сказать, что та политика, которая велась при Сталине, продолжается, или еще какую-нибудь глупость могут написать. Так что эта статья хотя бы в этом отношении нам поможет, что мы осознаём сложность проблемы. А Статистический комитет ничего не хочет менять, потому что это им трудно. Вот просьба заключается только в этом.

С МЕСТА <Т.П. БУАЧИДЗЕ:> Вопрос более сложный, чем сейчас говорим. Несколько публикаций в последнее время в «Известиях», в «Советской культуре» вызвали весьма отрицательную реакцию грузинской общественности... Когда были упомянуты мингрелы и сваны, то общественность решила, что хотят расколоть нацию, потому что они грузины... Сваны всегда были грузинами, хотя у них язык сванский и мингрельский. А происхождение этого языка в третьем тысячелетии <до> нашей эры одно. <...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Происхождение языка из одного корня может уничтожить и Украину и Белоруссию, потому что в XII—XIII вв. язык у них был общий.

Вопрос серьезный. Нельзя закрывать глаза. На Западе может быть дурная репутация.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Мы должны искать истину. ... Дмитрий Сергеевич, насколько я поняла, реальное положение сейчас такое. Письмо т. Лукьянову с предложениями направлено, он его изучит и примет решение. Речь идет о статье, которая подготовлена для публикации в «Известиях», о просьбе к Ивану Дмитриевичу. Мы можем, конечно, выдвигать наши предложения и просьбы от имени Фонда, тем более что речь часто идет и о политических моментах. Но все-таки, товарищи, надо здесь подумать. Я думаю, что товарищи правы и нужно более ответственными здесь быть за то, что мы делаем и за что выступаем.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Положение не простое.

Р.М. ГОРБАЧЕВА: Так вот как правильнее?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Статью писала комиссия по малым народностям. Причем нельзя ее упрекнуть в том, что статья написана ненаучно. В комиссию входят все виднейшие специалисты, представители наших республик. <...>

Р.М. ГОРБАЧЕВА: А может быть, все-таки эту статью пока не публиковать?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Давайте тогда эту статью размножим и передадим всем для ознакомления. <...>

Я думаю, совершенно ясно, что обращаться с просьбой о том, чтобы отложить перепись, невозможно, потому что откладывать ее нужно на неопределенный срок для решения вопросов Памира, Кавказа и т.д. Тогда мы должны будем обойтись без переписи и без этого вопроса в переписи. Иначе быть не может. Поэтому обращаться с просьбой, чтобы отложить перепись, невозможно сейчас. Но продолжать изучение этого вопроса необходимо, и издавать работы <...> может быть, все-таки я бы считал так. Фонд не уполномочен решать такие сложные вопросы сам по себе. Может быть, вместе с Институтом языкознания АН СССР?

(Р.М. ГОРБАЧЕВА: Мы так и сделаем.)

(С МЕСТА: С представителями республиканских институтов.)

Конечно, Институт языкознания обеспечивает представительство республиканских институтов. В этом отношении в Институте языкознания очень хорошие традиции. Там это обеспечено. Мы можем подготавливать издание, но не издавать только Фонду, а Фонд и Институт языкознания, который обеспечивает точку зрения грузинскую, таджикскую и т.д. Это — второе предложение.

Третье предложение — относительно счета, марки и эмблемы. Я думаю, это не стоит делать. Надо этот вопрос поставить перед Институтом этнографии и Институтом языкознания. Надо, чтобы это изучение продолжалось с учетом малых и больших народов. <...>

С МЕСТА: Мы имеем связи с ЮНЕСКО...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Через Фонд культуры вы имеете право на самостоятельные виды деятельности. Наше общество коллекционеров и наши ассоциации, посвященные малым народностям, должны быть в недрах нашего Фонда, поэтому мы должны знать, какую переписку вы ведете.

(С МЕСТА: Но вы благословляете нас?)

<Д.С. ЛИХАЧЕВ:> Это очень важный вопрос о сохранении малых народностей, он волнует весь мир. <...>

Наша повестка дня исчерпана. Она была напряженной. Громадное спасибо всем присутствующим. Поздравляю с наступающим Новым годом! Заседание президиума правления Советского фонда культуры закрывается[1].

Стенограмма совместного заседания совета учредителей и правления СФК 25 января 1990 г.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: На наше сегодняшнее заседание приглашены три руководящих органа Советского фонда культуры — Совет учредителей, правление и ревизионная комиссия. Представлены на нашем пленуме общественность, энтузиасты культуры, члены общественных научных профильных экспертных Советов при правлении, дарители, активисты, подвижники Фонда, а также руководители республиканских Фондов культуры и их областных отделений.

У меня есть данные, что кворум у нас достаточный, и можно начать наше заседание. Нет возражений? Нет. Начнем работу.

Вношу предложение пригласить сюда, в президиум заседания, председателей республиканских Фондов культуры, народных депутатов от Фонда культуры, министра культуры СССР Н.Н. Губенко, товарищей, входящих в состав президиума правления Фонда, а также председателя ревизионной комиссии В.А. Гуляева. Нет других предложений? Нет. Пожалуйста, займите свои места.

---

[1] Архив РФК. Т. 13. Д. № 28

Дальнейшее ведение заседания поручаю Ю.К. Королеву[1].

Ю.К. КОРОЛЕВ: ...Уважаемые друзья! Прежде чем приступить к нашей работе, нам с вами предстоит присутствовать при очень приятном событии, акте дарения. Вы видели в вестибюле те дары, которые предоставляются Фонду культуры. Эти дары делают Алексей Владимирович Муравьев-Апостол, Виктор Кириллович Галкин и Никита Васильевич Воронов. Мы все хорошо знаем наших дарителей, поэтому нет необходимости их представлять. Лучше будет, если я предоставлю слово им...

Н.В. ВОРОНОВ: Я преподношу в дар Фонду архив моего отца и матери. Отец мой, Василий Сергеевич Воронов, известнейший исследователь народного искусства, первый, кто начал эту эпопею. ...Он занялся очень интересной научной работой, которую, к сожалению, не успел докончить, — «Об источниках народного искусства», рукописи которой также входят в этот фонд.

Из чего состоят эти документы? Они посвящены в основном киноискусству, детскому творчеству... он хотел, чтобы наша школа воспитывала так же, как когда-то могли воспитывать своих детей дворяне. Поэтому он учил, будучи последователем Толстого, не только рисовать, — писать дневники, писать рассказы, писать стихи и потом их же иллюстрировать. То есть давал какое-то комплексное эстетическое развитие детям.

(Аплодисменты.)

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я хотел бы поблагодарить от Советского фонда за книгу. Это была основная книга по искусству народному... книга В.С. Воронова — это отличная книга. Это великолепное собрание было из истории русского искусствоведения.

(Происходит вручение дара.)

Ю.К. КОРОЛЕВ: Слово предоставляется Виктору Кирилловичу Галкину.

В.К. ГАЛКИН: Уважаемые товарищи!

---

[1] Народный художник СССР, директор Третьяковской галереи, председатель Совета учредителей СФК.

Дар коллекционера — это естественный поступок коллекционера. Это картина известного русского художника В.М. Сидорова. Я хотел бы выразить благодарность Советскому фонду культуры, в знак признательности его благородной деятельности, результатом которой явилось создание клуба коллекционеров, — международного клуба коллекционеров, членом которого являюсь я. Мне бы хотелось, чтобы эта картина и многие другие экспонировались на передвижных выставках в различных городах...

(Аплодисменты. Идет вручение.)

Ю.К. КОРОЛЕВ: Разрешите предоставить слово А.В. Муравьеву-Апостолу.

А.В. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ: Мне сказал мой сосед сегодня, что более симпатично плохо по-русски говорить, чем на незнакомом языке. И я прошу, чтобы вы извинили все ошибки и поняли, что я хочу сказать.

Два слова <о себе>. Я — четвертое поколение нашей знаменитой исторической фамилии Муравьевых-Апостолов, которые жили и живут за границей. Сперва был, как вы знаете лучше, чем я, Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, который уехал за границу, когда потерял своих трех сыновей — Сергея, Ипполита и Матвея. Он уехал и 25 лет во Флоренции жил и возвратился в Петербург, чтобы умереть.

Потом был Матвей Иванович. Он жил в Сибири 31 год, и потому он передал моему отцу, своему сыну, свое имя. Из-за политических причин мой отец уехал <в эмиграцию>. Работал всегда для России, был председателем Красного Креста в Швейцарии, строил приюты. Мы взяли бедных русских детей в Париже. И я, четвертое поколение, родился также во Франции, жил в Англии, в Южной и Северной Америке, но никогда, понятно, не мог учиться по-русски, кроме полутора лет, когда я был на коленях моей светлой памяти бабушки и няни.

Я два слова сказал, кто я. И вчера вечером я посмотрел в англо-русском словаре, чтобы точнее подобрать слово, чтобы сказать сегодня — «восхищение».

Я восхищаюсь Фондом культуры, я очень восхищаюсь Д.С. Лихачевым, что он представил прошлое и сегодня, и в будущем; и всеми председателями и вице-председателями — это все друзья. Я чувствую, что я между друзей. И особенно понятно, что я люблю все фонды — в Москве, в Киеве, в Курске и Рязани, — друзей, которых мы встретили с моей супругой. Это было очень приятно в прошлом году, когда мы там были.

Я благодарю вас, что вы пригласили меня на эту встречу у вас.

Мне 75 лет, и я надеюсь еще 25 лет жить и с вами работать.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Разрешите сказать несколько слов об Алексее Владимировиче. Алексей Владимирович дает нам не первый уже дар из своих семейных реликвий. Первым его даром был карандашный портрет декабриста Матвея Ивановича Муравьева-Апостола, альбом Екатерины Ивановны Бибиковой — сестры декабриста, альбом для записей и другие семейные реликвии.

Сейчас наш гость из Франции — Алексей Владимирович — передает Фонду библиотеку, принадлежавшую раньше отцу Алексея Владимировича — графу Владимиру Муравьеву-Апостолу. Библиотека состоит из 388 редчайших книг, изданных в России и Франции, каждая из которых имеет фамильный экслибрис графа В. Муравьева-Апостола. И для нас это особенно ценно, потому что эти книги — большая редкость в наших библиотеках. По разным причинам они до нас не доходили или отправлялись в запасники.

Таким образом, этот дар существенным образом пополняет, я бы сказал, не только наши библиотеки, но нашу культуру. И громадное спасибо Алексею Владимировичу за этот дар!

(Аплодисменты.)

С МЕСТА: Можно сказать несколько слов? Дело в том, что в Москве на Старо-Басманной улице (сейчас улице Карла Маркса), в доме отца Сергея и Матвея Муравьевых-Апос-

толов помещается Музей декабристов. Я бы сделал заявку на эти дары, потому что полагаю, что такое помещение даров Алексея Владимировича Муравьева-Апостола будет вполне по назначению.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Мы Вашу заявку принимаем, но решение сейчас не можем принять, поскольку должны это обсудить. Нужно посмотреть помещение. Так что президиум этот вопрос решит. И если Алексей Владимирович не будет возражать, потому что главное слово будет принадлежать ему, тогда мы Вам передадим. Спасибо за Вашу просьбу. Алексей Владимирович, Вы не возражаете? Нет.

Мы должны посмотреть, как отапливается помещение музея, нет ли опасности залива книг? Вы знаете, что сейчас происходит в наших библиотеках из-за недостаточной подготовленности помещений. Так что мы сейчас должны все это точно учесть, кто будет читателем этой библиотеки и т.д. Спасибо Вам.

<...>

<Доклады глав республиканских фондов культуры>

Б.И. ОЛЕЙНИК <председатель правления Украинского фонда культуры:> ...Участились акты вандализма, разрушения и осквернения памятников давней и совсем недавней истории... Я уже не говорю о священной Каневской горе, куда стремятся паломники всего мира поклониться усыпальнице великого Шевченко и где, к нашему национальному позору, доныне идет недозволенное по всем нравственным законам строительство.

Мне стыдно уже в который раз вместе с общественностью взывать к гуманности властей достославного града Запорожья, которые упорно пытаются порушить бульдозерами остров Хортицу — известную всему миру колыбель запорожского казачества.

Я бы мог еще и еще читать со свитка прегрешений «славных прадедов великих правнуков поганых». Уверен, что подобный реестр и счета может выставить любая респуб-

лика, ибо это – универсальная беда. И корень ее – в постнулевом <sic!> уровне не только культуры вообще, но что самое опасное – в блестящем отсутствии внутренней культуры, причем именно у тех лиц, которым уже волею судьбы долженствует радеть о культуре и которые, по существу, губят ее.

В этом serовато-тоскливом контексте рождение Советского фонда культуры было, пожалуй, одним из ярких источников света, знаменовавшего начало самой Перестройки. Поскольку именно наш фонд, по определению Д.С. Лихачева, взял на себя тяжелейшую, но столь же и благороднейшую обязанность – восстанавливать и наращивать экологию культуры. То есть уберечь хотя бы то, что осталось после разгула леваков двадцатых и «созидателей нового мира» тридцатых годов, обратить взоры застойщиков <sic!>, устремленные в «светлое будущее», на грешную землю и хотя бы, на первый случай, устыдиться того, что в своем движении «к вершинам» они не замечают, как буквально топчут могилы своих прапредков, а потом уже напомнить, кто же их предтечи и чьих отцов они дети.

Словом, возвратиться к первоистокам и, наконец, осознать, что мы, ныне сущие, стоим на плечах гигантов, что до нас уже была великая культура, созданная гением народа, что эту культуру, по сыновней обязанности, мы должны не только сберечь, но еще и дорасти до нее.

В этом, по моему мнению, стержневая цель фонда культуры. И при всей нынешней самокритичности, при всех неладах и издержках, позволю все же утверждать, что СФК уже имеет и свое реноме, и авторитет не только среди отечественной, но и мировой общественности.

Более чем двухлетний опыт работы Украинского фонда культуры свидетельствует, что найденные в процессе становления формы влияний на обновление культуры в принципе оправдали себя, встретили заинтересованный отзыв общественности. Установилась необходимая в такой деятельности обратная связь...

...Мы боролись за сохранение шевченковских святынь – от мемориала в Каневе, сбора средств на сооружение памят-

ников Кобзарю во Львове и Ленинграде — до маленькой, но дорогой нам, освященной поэтом хатки на Куреневке в Киеве; за предоставление статуса заповедника и реставрацию строений Киево-Могилянской академии; за сохранение исторических памятников Казацкой славы на Хортице, духовной культуры в Белой Кринице на Закарпатье, в селе Пархомовка на Киевщине, где создается Музей Н.К. Рериха; за воссоздание усадьбы Льва Ревуцкого в селе Иржавец на Черниговщине и обустройство в ней мемориального музея; за возрождение традиционных художественных народных промыслов в исторически исконных центрах; за создание Союза кобзарей. Каждая из этих программ поддержана общественностью не только морально, но и материально.

...Особо хочу отметить роль Церкви. Мы одними из первых пошли на естественное сотрудничество с православными иерархами, считая, что показателем уровня цивилизованности, зрелости общества является осознание равенства всех его составных, невзирая на цвет кожи и вероисповедание. Тем более что православная Церковь — наиболее демократическая, открытая система, которая всегда наставляла паству свою на духовное самоусовершенствование, на соблюдение законов предков, на сбережение и охрану первокорней <sic!> рода и народа, на защиту Отечества и его святынь. Собственно, это те заглавные цели, к которым стремится и Фонд культуры...

Уверен, что святое дело нашего Фонда — объединять общество на вечных началах добра.

(Аплодисменты.)

С.А. МАМБЕЕВ <председатель правления Казахского фонда культуры:> Уважаемые члены Президиума, уважаемые товарищи!

Правление Казахского фонда культуры выражает благодарность президиуму Советского фонда культуры за предоставленную возможность выступить на этом высоком форуме...

Несколько слов о характеристике республики. Я не стал бы об этом говорить, если не было бы такого, что часто не

предоставляются характеристики таких регионов, такой огромной республики, как Казахстан...

Казахстан занимает территорию 2,7 млн. кв. км, или второе место <в Советском Союзе> после РСФСР... Среди союзных республик по числу клубных учреждений на 10 тыс. человек Казахстан занимает первое место, по числу массовых библиотек – второе, по количеству театров – третье место.

За годы Советской власти здесь получили дальнейшее развитие литература, изобразительное и театральное искусство, наука и образование. По количеству студентов на 10 тыс. населения Казахстан находится на пятом месте среди союзных республик.

Однако жестокий удар репрессий 30-40-х и 50-х гг. практически вырубил под корень весь цвет творческой интеллигенции. Проснувшись после долгого летаргического сна и оглянувшись вокруг, мы вдруг обнаружили, что практически исчез из повседневного обихода родной казахский язык, исчезает Арал и Балхаш, ежемесячно один за другим идут ядерные взрывы в Семипалатинске... Перестройка, демократия и гласность разбудили народ. ... За последнее время по инициативе общественности Казахстана принят Закон о языке, где казахскому языку придан, наконец, статус государственного, а русский язык признан языком межгосударственного общения. Они имеют равное правовое положение. Наряду с этим получают развитие языки и других народов, живущих в республике. Открываются школы, детские сады с обучением на родном языке, курсы и классы в школах, где обучаются на языках: корейском, немецком, уйгурском, польском, курдском, татарском языках... в течение последних двух лет мы смогли восстановить и открыть до двухсот национальных школ...

Принимаются меры по устранению экологических последствий, связанных с исчезновением Арала и Балхаша. Вот уже несколько месяцев не раздаются взрывы на Семипалатинском полигоне. Но должен сказать, что условием было прекращение взрывов на пять месяцев. В марте месяце срок истечет, т.е. опять станет возможным, что наш

Семипалатинский полигон опять начнет производить взрывы. Мне хотелось бы именно сегодня, с этой высокой трибуны еще раз просить поддержать наше мнение, что в условиях Казахстана взрывы становятся просто невозможными. У нас огромное количество больных детей. По проценту смертности, к сожалению, наша республика занимает одно из самых первых мест и находится в середине той классификации, где наряду с самыми отсталыми странами мира Казахстан находится вот в этой среде по оценке смертности. Мы сегодня должны снова об этом говорить, потому что условия этих взрывов стали иметь ужасающие последствия, и пора с этим делом покончить.

Остаточный принцип выделения средств из бюджета на развитие культуры, безмерное вхождение массовой культуры в среду молодежи нанесли и наносят огромный вред духовному воспитанию нашей молодежи. Это тот реальный фон, на котором начал свою работу Казахский фонд культуры.

Вот поэтому с большим энтузиазмом казахстанская интеллигенция восприняла идею создания Советского фонда культуры, видя в нем прежде всего возможность активно участвовать в заботах о культурном воспитании своего народа...

<Следует рассказ о достижениях Казахского фонда.>

Вместе с тем, я вполне откровенно могу заявить о том, что наше правление Казахского фонда культуры не может быть удовлетворено сделанным... Одной из главных причин нашей неудовлетворенности является то, что мы и сегодня, на пятом году перестройки, по рукам и ногам повязаны старыми положениями, инструкциями, уставами и прочее. И хотя в последнее время принимаются определенные попытки Советского фонда культуры ослабить эти путы, но делается это очень робко и как-то неуверенно.

И второе. Не до конца проработана концепция взаимных обязанностей «верхов» и «низов» — т.е. Советского фонда культуры и республиканских, областных отделений.

Казалось бы, Советский фонд культуры зародился уже в период перестройки, его цели и задачи благородны, что и притягивает к нему творческую и научную интеллигенцию. Однако практика свидетельствует о том, что его ап-

парат не полностью освободился от командно-бюрократического стиля работы.

Сегодня создается впечатление, по крайней мере у членов нашего президиума, что аппарат Советского фонда культуры работает сам по себе, а республиканские и областные фонды — сами по себе. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

Сегодня, на наш взгляд, правление Советского фонда культуры подменяет Всероссийский фонд и практически не уделяет внимания развитию фондов других республик... Или возьмем великолепный журнал «Наше наследие». Ведь это же по сути, по содержанию российский журнал, а никак <не> Советского фонда, предназначенного равно и широко освещать культурное наследие народов всего Советского Союза.

(Аплодисменты.)

Не может нас не беспокоить и однобокая международная деятельность СФК. Она в основном ориентирована на установление связей... со странами Запада. В то же время Казахстан, республики Средней Азии и Закавказья многие века имели крепкие культурные связи со странами Востока и Азии...

Напрашиваются некоторые выводы.

Деятельность Советского фонда культуры, его президиума должна отвечать своему названию, быть общесоюзным органом, где работа по республикам должна быть решающим принципом.

В связи с этим его программа должна учитывать интересы всех без исключения региональных Фондов культуры. Это относится и к международной деятельности.

Советский фонд культуры должен стать не на словах, а на деле координационным, методическим центром для всех его подразделений. Он должен защищать, отстаивать в союзном правительстве интересы всех Фондов культуры...

При таком подходе наш вклад в главное дело нашего общества — перестройку — будет более весомым...

И.Я. ЗИЕДОНИС <председатель Латвийского фонда культуры>: ... Некоторые стратегические уровни действия

Латвийского фонда культуры. По какой стратегии мы работаем.

Если представить здание культуры как пирамиду, в которой «официальная культура» или официально субсидируемая культура или «бюджетная культура» занимает середину и большую середину этой пирамиды, то Фонд культуры в нашей республике отрабатывает такую стратегию: занимать нижние слои пирамиды и самые верхние слои, т.е. те плоскости жизни, которые по разным причинам не заняты.

Нижние слои — это официальной культурой не запланированные активности: всякие странные люди... «оригиналы», аутсайдеры, художники-наивисты, местные хронисты... авторы народной педагогики, самоучки, авторы исторических книг разных отраслей (история пчеловодства, история антиалкогольного движения, история мореходства). И «практическая культура» (прикладная культура), культура домохозяйства, культура ландшафта, культура рощ и аллей...

Самые верхние слои — это культурная политика, реабилитирующая такие слова, как «элитарность», «иерархия». Во всей природе властвует закон иерархии. И мы должны вернуть пирамиде ее запрещенные, запрятанные, промолченные <sic!> слои. К примеру, в особняке Фонда культуры на Рижском взморье мы реставрируем традицию в каком-то смысле элитарного клуба ученых разных отраслей, это не союз, не общество, не объединение, не семинар, а именно клуб — без протокола, без плана и без отчетов. Просто место, где ученые могут прийти и проверить свои изысканные тезисы на остроумных слушателях — своих коллегах, ученых и художниках...

Еще один стратегический принцип. Вернуть земле, географической среде информацию, которая почерпана там и путем науки и литературы перенесена центростремительно в библиотеки, фолианты, энциклопедии, атласы, картотеки, в информационные банки электронной памяти. Вернуть информацию родному месту, откуда она вытекала. К примеру — топонимы. Латвийский фонд культуры начал образование атласа топонимов Латвии, но не в таком центростремительном смысле, как Институт языкознания, а в

центробежном смысле. Из этих картотек мы вернем названия мест на места, на места, которые сейчас заброшены, на места, людьми покинутые по причине ошибочной государственной аграрной политики. Заброшенные места опять приобретут свои имена: хутора, ручейки, измученные мелиорацией, рощи и опушки, холмики и пруды. В Латвии каждый хутор нес с собою около 20—30 топонимов. Даже яблони носили свое собственное имя.

Также 8 томов латышских дайн[1] имеют своих сказителей и указанное место, откуда они родились. Мы должны отметину оставить на этом месте, где он или она в прошлом столетии произносили это четверостишие собирателю фольклора. Отметину на камне, на кресте, на стене автобусной остановки — ее имя и песню.

Мы должны оставить отпечатки культуры, чтобы среда не одичала и чтобы слова напоминали о присутствии энергии культуры. Мы всё больше и больше будем упоминать о реабилитации слова «энергия» как потенциала носителя идей и материи. Я считаю, что сами слова, написанные чеканкой, резьбой или иначе провозглашенные, — суть носители энергии и добротности. Сказано: «В начале было Слово», и не шуткой сказано. Мы, работники культуры, причастны к этой энергетике слов, символов и облагороженных знаков человеческой культуры.

Еще немножко о программах и направлениях работы Фонда культуры. В документах сказано, что по программе «Даугава» мы готовы сотрудничать с СФК[2]... Направление, которое субсидируется больше всего Фондом культуры, — это реставрация разрушенных церквей (у нас большинство церквей разрушены). ...При Фонде культуры работает общество финно-угорской народности Латвии, работает общество русской культуры. Это общество на днях выпускает на русском языке газету, в которой перепечатывает материалы из газеты Латвийского фонда культуры...

---

[1] Дайны — общее название произведений литовского, латышского фольклора.

[2] Латвийский фонд культуры в 1989 г. первым из республиканских фондов формально отделился от СФК.

Работают также опорные группы, из которых самые интересные, работоспособные: группа по истории мореходства, которая своими средствами делает фильмы о старых капитанах, выпускает ежегодник наподобие календаря мореходства; группа по изучению истории лесохозяйства и группа школьников, очень интересная, — «Зеленая пуговица» (они носят одну зеленую пуговицу, в ухе или еще где-то), которая выезжает по субботам и образует ландшафт — «образователи ландшафта». Они занимаются реставрацией и консервацией старых руин. А руин в Латвии полно, сплошные руины. И группа реанимации маленьких рек, речушек. Они берут под свою опеку маленькую речку и с самого начала и до конца занимаются ею — не только биологией, экологией, они воюют и с председателями колхозов, занимаются комплексом мер, связанных с жизнью, реанимацией этой речушки.

Вот так мы работаем.

Тут я не могу не высказать своего отношения к одной публикации, которая была сделана в молодежной русской газете, — о создании гуманитарного института в Латвии. Фонд культуры Латвии отгораживается от этой идеи. Более того, будет бороться против этой идеи. И уже сейчас высказывает протест, что в печати Латвии появилось ходатайство за такой институт и под ним подписались наши уважаемые коллеги Д.С. Лихачев и Б.И. Олейник. Мы против такого института в данной исторической ситуации. Не вообще, это было бы глупо идти против такого института. Но в данной исторической ситуации это — политический шаг. Политический шаг, а не шаг культурный... Инициаторами и носителями этой идеи являются самые темные силы стагнации, можно сказать, люмпенбюрократия и люмпенпартократия. Институт мы создадим, но не такой институт, насыщенный неоколониализмом и шовинизмом, не институт политической борьбы, каким он по своей шовинистической тактике является сейчас... Я думаю, что наших уважаемых, упомянутых мною сейчас людей просто обманули, выманив их подписи.

Благодарю за внимание. Я рад сотрудничать с Советским фондом культуры и буду делать все, чтобы програм-

мы СФК реализовывались, чтобы они прозвучали в мире, чтобы они прозвучали в Советском Союзе, чтобы они звучали в Латвии. Много можно было бы об этом говорить, но я и так задержал ваше внимание.

(Аплодисменты.)

<...>

<Выступление Н.В. ВОЛКОВОЙ[1]>

Уважаемые товарищи, нашему вниманию предложены проекты программ дальнейшей работы Советского фонда культуры. Среди пунктов, входящих в эту программу, стоят музеи, библиотечные отделы <Советы>. И мне кажется, даже не специалисты ощущают отсутствие здесь еще одного направления, а именно архивного дела, теснейшим образом связанного как с музеями, так и с библиотеками. За исключением, мне кажется, одного, что если в библиотеках хранятся все-таки тиражированные издания, то в наших архивах каждый документ — в одном экземпляре, т.е. практически он является уникальным.

Между тем положение архивов в настоящее время ничуть не лучше, а может быть, в некоторых отношениях даже и хуже, нежели состояние музеев и библиотек. Архивы не обеспечены зданиями, а имеющиеся здания — это на периферии главным образом церкви, — нуждаются в строительстве, нуждаются в капитальном ремонте.

Архивы имеют чрезвычайно плохую материально-техническую базу. В последнее время в газетах очень много писали об архивных тайнах, будто бы архивы не хотят предоставлять документы исследователям. Дело не в этом. В связи с новыми веяниями мы быстро с этим справились. Но наша техническая база настолько плоха, что отсутствуют лаборатории, множительные аппараты, даже каталожные ящики, а это приводит к тому, что исследователи, приходя в архивы, не могут получить нужные материалы и необходимые им копии в нужном объеме.

---

[1] Директор Центрального государственного архива литературы и искусства, член Совета учредителей СФК.

Чрезвычайно тяжело и положение архивистов, как в условиях их работы, так и в силу получаемой ими зарплаты...

Я бы просила (я говорю это от лица большой армии архивистов), чтобы в наши программы <СФК> был бы включен пункт об архивном деле...

<...>

Г.В. МЯСНИКОВ: Слово имеет Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Дорогие товарищи!

Прежде всего, я хотел бы показать книгу, которую подарил Алексей Владимирович <Муравьев-Апостол>. Он подарил книгу А.Н. Бенуа «Царское Село при Елизавете». Два года тому назад, смотря в коммерческие каталоги США, <мы видели, что> эта книга стоила 2 тыс. долларов.

(Показывается книга.)

Я хотел бы, прежде чем сказать по отдельным докладам, которые все были очень интересны, все очень поучительны и все разнообразны, не повторяя друг друга, — я нашим заседанием в этом отношении чрезвычайно доволен, — хотел бы сделать некоторые предложения.

Во-первых. Я бы просил, чтобы наше собрание обратилось в Верховный Совет Советского Союза о создании закона о культуре. Первоначально я думал о необходимости закона об охране памятников культуры и истории. Только. Но, поговорив здесь с Николаем Николаевичем Губенко, который уже подготовил материалы для закона не только о культуре, но об охране, развитии культуры и т.д., нам нужно обратиться к Верховному Совету (поручим нашему правлению сформулировать) с обращением: создать закон о культуре и утвердить его как можно скорее. Потому что каждый день в нашей стране (и во всем мире) уносит памятники культуры безвозвратно. И книги, и картины, и архитектурные памятники, и ценности ландшафтные, и ценности ландшафта городского и т.д. Об этом уже много говорилось здесь.

Нужен закон о культуре в нашей стране. Получается интересная еще вещь. То есть не интересная, а очень печальная, что во главе культуры стоят люди иногда совершенно бескультурные.

Где-то в Прибалтийских республиках, кажется, в Эстонии, был закон о том, что перед тем, как мэр города приступает к обязанности мэра города, он обязан был сдать экзамены по истории своего города. Это очень важная вещь. Потому что попадают люди случайные, из других городов, не представляющие себе ценностей, которые попадают в их руки, и т.д.

С этим предложением я буду обращаться и в ЮНЕСКО. Но надо прежде всего обратиться в Верховный Совет Советского Союза о создании закона о культуре и принять его как можно скорее.

Второе. Обратиться в Верховный Совет об ускорении возвращения исторических названий. Об этом говорил В.П. Нерознак[1]. Каждые пять лет составляются новые карты нашей страны. В этому году составляется новая карта советской страны, и в ней должны быть исторические возвращенные названия, в отношении которых местные Советы приняли решение. Мы передали в печать изменения по многим из них. В этому году новые карты должны выйти с историческими названиями Нижнего Новгорода, Твери, Самары и т.д.

Также прошу правление Фонда культуры незамедлительно, может быть, в понедельник сформулировать это обращение и послать его в Верховный Совет.

Третье, и очень важное. Незамедлительно, это буквально не терпит часов, а не только дней. Нужно обратиться в Центральный Комитет КПСС о передаче 6 тыс. метров готового вполне здания и оборудования, по последнему слову техники выполненного, партархива в Ленинграде для рукописного отдела Пушкинского Дома[2] и архива Академии наук, которые находятся в ужасающем состоянии.

За эту осень произошли три или четыре катастрофы, и только чудом вода не достигла рукописей Пушкина. Это состояние, которое не дает спать людям, которые ведают и отвечают за архивы Пушкина! А отвечает за это в конце концов вся страна. Это — рукописи Пушкина (кроме «Зо-

---

[1] Глава топонимического Совета СФК.

[2] Институт русской литературы Академии наук (далее — ИРЛИ), где хранятся рукописи Пушкина и других писателей.

лотого петушка», она в Берлине), это почти все рукописи Лермонтова, его картины, шашка, эполеты. Там погибли и мебель, и величайшая книжная картотека Пиксанова от горячего пара, который весь день тек в Пушкинском Доме.

И это обращение необходимо потому, что нам снова предлагают дворцовое помещение <для нового хранилища рукописей ИРЛИ>. А дворцовое помещение — это не архивное помещение, оно не предназначено для этого, его надо переоборудовать по крайней мере пять лет. Мы не можем терпеть и пяти дней! Мы должны немедленно спасать. Пар, который шел всю ночь! Вы представьте, если температура будет понижаться, то рукописи обледенеют. Это положение возмутительное, говорящее о некультурности наших деятелей, стоящих во главе культуры.

Третья просьба — это обращение к Центральному Комитету, а может быть, лично к Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я заявил, что если рукописи Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Блока будут находиться в таком состоянии, если по 50 лет у нас не обработаны фонды, то я выйду из состава Академии наук. Я не вижу иного пути, чтобы воздействовать и привлечь внимание всего мира к тому, что происходит в нашей стране. Но я не подавал это заявление и прошу печать не искажать моих слов. У меня еще есть надежда, что наш партархив будет достоин своего призвания — хранить культуру в нашей стране. Как увеличится престиж нашей парторганизации в Ленинграде, если такой величайший архив они передадут под хранение рукописей Пушкина, Лермонтова, — ведь престиж увеличится! Я не понимаю, как это могут не понимать люди, которые ведают этим партархивом. Дело в том, что в Академии наук и в нашем Институте <ИРЛИ> есть люди, которые против этого. Вы можете этому не поверить. Это люди случайные в нашем Институте. Ведь получить дворец в Ленинграде — это значит отложить дело до конца ремонта. Перевозка архива — это очень сложная вещь. Это значит отложить дело на три-четыре года, а там либо шах умрет, либо еще что-то случится. Хозяйственники — это часто люди «перекатиполе» — сегодня они в одном, завтра —

в другом месте. Они обеспечивают себе таким способом свободную жизнь на несколько лет, до окончания переоборудования дворца, а при переводе в партархив им нужно будет работать завтра же!

Поэтому такое обращение в наш Центральный Комитет и лично к Михаилу Сергеевичу Горбачеву, я думаю, от нашего собрания сегодняшнего заставит наконец позаботиться <о хранилище рукописей>. Потому что мой выход из Академии ни к чему не приведет. Скажут, вот опять капризы Лихачева. А я вовсе не капризный человек. Я очень много терпел и могу терпеть, но терпеть <такое> положение с рукописями наших классиков, с главным достоянием нашей культуры, я не могу!

(Аплодисменты.)

Затем я бы попросил вот о чем. В день, когда я заявил о возможном своем уходе из состава академиков, Гурий Иванович Марчук — президент Академии наук — сделал очень хороший шаг, и нужно только, чтобы он от этого шага не отказался. Речь шла о передаче Нескучного дворца, где сейчас размещается Президиум Академии наук, гуманитарным наукам. Я прошу, чтобы от нашего собрания (причем это было сделано Гурием Ивановичем публично) мы бы поблагодарили телеграммой Гурия Ивановича за его инициативу.

(Аплодисменты.)

Конечно, Гурий Иванович личным приказом не может передать это здание. Но инициатива, им проявленная, — это уже очень много. Поблагодарить надо. Поблагодарим!

(Аплодисменты.)

Тем самым будет утверждаться приоритет гуманитарной культуры в какой-то мере. Ну, если не приоритет, то во всяком случае равное положение гуманитарной культуры с культурой любой другой. Культура, конечно, едина, в этом отношении выступавшие здесь правы.

Четвертое. Я бы просил, поскольку здесь не было выступавших, но я сам знаю это положение, решить вопрос об организации в нашей стране Ассоциации фотографов. Ведь фотография — самое массовое искусство, которое существует

у нас, самое идеологическое, самое важное искусство. В самом деле, если вы опросите людей в нашей стране или во всем мире, то убедитесь, что людей фотографировавших окажется больше, чем людей, которые никогда не брали в руки фотоаппарат. Это значит, что это самое массовое искусство, искусство, которое изменило наши представления о жизни. Мы знаем теперь в лицо людей, которые давно умерли, наших прадедушек, прабабушек и т.д. Это чрезвычайно важно. Это живые документы. Это частичка души прошлого, ушедшего. Это запечатленное мгновение, которое было год-два тому назад. Поэтому Ассоциация фотографов — это поднятие культуры в нашей стране в какой-то мере. И это момент идеологический.

Теперь я хотел бы сказать по выступлениям. Каждый из выступавших говорил о нуждах своей республики, своего народа. Получилось очень хорошо. Все говорили по-разному, и все говорили то, что касается всех. И то, что было сказано, — это большая школа, которую мы сейчас получили, которую прошло правление нашего Фонда культуры. Правление нашего Фонда культуры поучилось на этом собрании очень многому.

Вот выступление Бориса Ильича Олейника. Что мы можем оттуда почерпнуть? Прежде всего, я хотел бы сказать, что Украина для русского народа — это все равно что для любого магометанина Мекка, ведь раньше из Архангельска ходили босыми ногами в Киево-Печерскую лавру! Киев — святой город. Не только украинского народа и белорусского, но и русского народа всего, от самого востока до самого севера. И мы заинтересованы чрезвычайно, чтобы украинская культура, чтобы все памятники Украины оставались в целости, сохранности, в ухоженном виде. И мы готовы ухаживать <за ними> всеми нашими силами, всеми нашими славянскими и неславянскими народами, потому что это наш святой город, как и Новгород, кстати сказать. И мы должны со своей стороны ухаживать за украинскими памятниками в наших городах. Ведь Шевченко прожил в Петербурге большую часть своей жизни и похоронен был сперва на Смоленском кладбище. Нет даже доски на Смоленском

кладбище, что здесь был похоронен Шевченко. Нет памятника. Прежний руководитель нашего города Григорий Романов[1] категорически отказывался ставить памятник Шевченко в Ленинграде, заявляя: «Пусть Украина это делает для себя». Он не понимал значения Украины для России, для Петербурга и Петербурга для Украины и для Шевченко. Он не знал, что в его городе строили украинские архитекторы и жили украинские и живописцы, и поэты. По декрету Ленина был поставлен памятник Шевченко в Ленинграде. Но он был поставлен в годы разрухи, из гипса, он разрушился. На этом месте уже стоит станция метро. Я предлагаю, чтобы позади Академии художеств, где учился и работал Т. Шевченко, в сквере был поставлен бюст Шевченко. Это не так дорого. Давайте поставим совместно с Украиной. Пусть Украина нам предоставит бюст Шевченко в бронзе или в камне. Мы выделим место и поставим там памятник. Ведь десятки тысяч украинцев приезжают в Петербург! Им негде поклониться памяти Шевченко в Петербурге, посидеть около этого памятника. Не надо никаких грандиозных памятников. Надо только поставить бюст на постамент. Постамент возьмет на себя Ленинград, это не так дорого. А бюст привезут нам с Украины. Есть на Украине завод по отливке монументальной скульптуры. Так что это совсем нетрудно сделать. Это можно сделать очень просто и очень быстро. Это символически важно. Все наши республики должны объединяться, а не враждовать друг с другом, и понимать, что Россия очень много сделала для Украины культурного (хотя и некультурного тоже) и Украина для России очень много сделала. Украинские художники, украинские деятели религиозной мысли, митрополиты, которые были в XVIII в. почти исключительно из Украины — мы им очень многим обязаны в Петербурге. Зодчий петербургский Иван Зарудный строил у нас и сделал великолепные иконостасы в Петропавловском соборе, где все цари похоронены. Как можно забывать о значении Украины для России?! Точно так же — как можно забывать о значении на-

---

[1] Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС до 1983 г.

ших писателей для Украины? Украина делает все-таки музей Пушкина. Как же мы не можем сделать, поставить бюст Шевченко? Я бы обратился с предложением в Ленгорисполком об организации этой небольшой работы, но очень важной в идеологическом плане.

Я бы еще просил, чтобы наше собрание обратилось к украинскому правительству с просьбой спасти Хортицу. Хортица — это место важное не только для украинского народа, но для всего славянства, всех восточнославянских племен. Через Хортицу предположено провести мост. Это просто возмутительно.

Это, между прочим, результат не отсутствия закона, а отсутствия культуры в нашем руководстве, отсутствия культуры у тех людей, которые отвечают за культуру, отсутствия культуры у мэров города, у председателей райисполкомов и т.д.

Спасти Хортицу, спасти Канев. По этому поводу я писал в «Литературной газете» украинской — по поводу Канева. Это нужно. Потому что это вопреки завещанию Шевченко — застраивается Канев. Многие гордятся, что приезжают в Канев, но приезжают как на увеселительную прогулку на могилу Шевченко.

Я очень приветствую инициативу поэта Игоря Шкляревского о посадке лесов в Белоруссии и на Украине. Это нужно сделать <и> в Российской Федерации. Он на свои средства — гонорар от своих книг — посадил лес. Не думаю, чтобы он был уж такой богач. Но он посадил и принимал активное участие в посадке. Давайте создадим традицию, чтобы наши люди, которым некуда иногда девать деньги, сажали бы леса, сажали бы скверы, сами бы в этом принимали участие.

Чтобы каждый школьник, кончая школу, посадил бы на своем участке школьном одно дерево и чтобы на этом дереве висела бы табличка: такой-то ученик, такая-то фамилия, такой-то год выпуска. Чтобы он приходил и следил за состоянием этого дерева. Это то, о чем мечтал Чехов. Почему это не сделать?

Надо следить за состоянием парков и садов. Потому что идеал экологии, в котором соединяется экология природная и экология культурная, — это парки и сады. Рай первобытный был парком, был садом. Райский *сад*, а не *лес*. Поэтому будущий наш рай, если он только будет, будет садом и парком. В сад и парк должна быть превращена наша природа, а не в места для добычи угля и железа.

Меня беспокоит на Украине — это модель Успенского собора в <Печерской> Лавре. Беспокоит вот почему. Под этой моделью могут оказаться пещеры не исследованные, могилы многих деятелей Лавры, камни, которые остались от XI в. Это будет фальшивка. Это будет модель. Это не будет настоящий Успенский собор[1].

Поэтому это место нужно окружить всяческим почитанием, всячески охранять эти остатки. Но не делать из этого модели, которую мы не сможем в полной мере сделать адекватной тому, что было на этом месте.

Это уже будет не святое место. А это будет место сфальсифицированное. Здесь есть момент обмана. Поэтому я уже писал и в украинских газетах по этому поводу и обращался в правительство Украины, что это нельзя делать.

Тем не менее упрямство — вещь очень популярная в нашем обществе, и упрямо продолжается это строительство. Так же как, скажем, что напоминают Золотые ворота <в Киеве>? Не знаю, удовлетворяет ли это украинцев? Всех культурных людей и украинцев это не удовлетворяет.

Меня беспокоит Закон о собственности на землю. Он должен быть принят, это я отлично понимаю. В этом спасение нашего крестьянства, нашего крестьянского хозяйства. Но с археологической точки зрения. Земля распахивается, могилы не сохраняются. За последнее время погибло чрезвычайно много археологических памятников, именно из-за того, что они подверглись такой обработке земли, строительству дорог, посевам, распахиванию. Поэтому мы должны обратиться к тем людям, которые создают Закон о земле, чтобы были всяче-

[1] Главный собор Киево-Печерской лавры. Взорван немецкими фашистами в период оккупации Киева, в настоящее время восстановлен.

ски предусмотрены интересы истории. Это касается и Чернигова, где самые древние памятники славянства. Это пещеры, и они разрушаются от внедрения в землю свай и т.д. А это не только Украине принадлежит, а всему человечеству. Нет памятника, который принадлежал бы одному народу, одному горсовету, одному государству. Есть общечеловеческая культура, за которую отвечает человечество.

Нам нужно всем это осознать. Мы все отвечаем за любую армянскую церковь, за любую русскую церковь. За Кижи отвечает не только Петрозаводский исполком, а отвечает каждый финн, каждый норвежец. Памятник культуры принадлежит всему человечеству в результате обмена опытом человеческой культуры. Это непременно нужно учитывать. Об этом я буду писать в ЮНЕСКО.

Выступление т. Мамбеева по Казахстану. Я с болью воспринял то, что он говорил относительно Арала и Балхаша, относительно заболеваний, которые там возникают. Это говорит о том, что вопросы экологии не могут рассматриваться отдельно от культуры. Экология природы есть экология культуры, это всё вместе нужно рассматривать: и наше здоровье, и здоровье животных, и здоровье растений и того, что мы едим, — всё вместе связано. Мир составляет органическое целое. Мы несем нравственную ответственность за животных, насекомых. Человек — единственное существо, которое имеет сознание и может говорить. Следовательно, человек должен говорить не только о себе и своих интересах. Он должен говорить об интересах всей природы, всей живой природы и всей мертвой природы. Теперь о положении в Казахстане. Положение в Казахстане — это положение не только в нашей стране, но и во всем мире. И это не положение только людей, страдающих раковыми заболеваниями. Это и положение всего животного мира. <...>

Надо создать, конечно, большую программу и для Казахстана и для наших остальных республик, чтобы «Новые имена» касались и их[1].

---

[1] С.А. Мамбеев предлагал, чтобы дети из союзных республик выезжали за рубеж на концерты и стажировки по линии программы СФК «Новые имена».

Но я обращаюсь и к представителям Фонда культуры Казахстана и других Фондов — проявляйте инициативу. Ведь мы не можем, сидя в Москве, знать, кому в первую очередь нужно поставить памятники, скажем, в Казахстане? Или как нужно обставить 550-летие «Джангара»[1]? Это дело местных Фондов. Нужно, чтобы они выступали с инициативой.

Мы не можем все валить, скажем, на «Наше наследие», что мы занимаемся преимущественно русским материалом. Да, мы занимаемся по преимуществу русским материалом, потому что должны считаться с интересами зарубежного читателя и т.д. Но давайте в наши журнал и газету сведения по Средней Азии и т.д.!

Если «Наше наследие» не откликается, то я вам обещаю, как главный редактор ежегодника «Памятники культуры», что мы очень нуждаемся в материалах и по Кавказу, и по Средней Азии, и по Сибири. Так что у нас есть возможность печатать эти материалы. Но мы их должны получить. Мы должны получить программу по каждому Фонду. Поэтому упрек в адрес Советского фонда культуры, что мы по преимуществу заняты Москвой и русскими памятниками, в какой-то мере несостоятелен, инициатива в целом должна исходить с мест.

Я очень заинтересовался также и третьим нашим докладчиком, докладом о Латвийском фонде культуры. Я вижу, что там делается очень многое. И.Я. Зиедонис представил нам чрезвычайно важные проекты: о сохранении культурных ландшафтов, полей; о реставрации руин; о восстановлении малых рек и малых речек. Это так же важно, как сохранение малых народов. Там это названо группами, очевидно, местной молодежи. Я бы прибег здесь больше к названию «Общество друзей» того или иного места. Это могут быть и село, и деревня, и какой-то красивый ландшафт, и речка. «Общество друзей»!

Уже в течение пяти-шести лет в Соединенных Штатах существует «Общество друзей Павловского парка» (речь идет о Павловском парке под Ленинградом). В Соединенных

---

[1] «Джангар» — калмыцкий героический эпос XV в.

Штатах такое общество есть, а почему в Ленинграде и в Павловске нет общества друзей Павловского парка?! Для меня это непонятно. Люди настолько привыкают к красоте, что они перестают ее ценить и ценят эту красоту на другой половине земного шара. И там издаются книги через издательство «Аврора», там идут пожертвования на наши памятники. А мы с вами, <буквально> живя в этом парке, постоянно туда обращаясь, посещая его памятники, перестаем его ценить! Мы не знаем, чем мы владеем!

То же самое и с Монрепо под Выборгом. Это парк мирового значения, а между тем там тысячи деревьев вырубаются. А там все дело в деревьях, в соснах на красных скалах. Удивительный парк! Он развит очень далеко, и самая большая высота там — вдали от центра. В центре находится дом баронов Николаи, а Николаи — это все-таки президент Российской академии наук, поэт, философ. И вся семья Николаи была совершенно великолепная, сохраняла свой дворец. И теперь совершенно случайного человека, не представляющего себе ценности парка Монрепо, назначили директором. Почему в Выборге не нашлось директора? Своего назначили директора. Он поселился в этом дворце и сжег его. К счастью, не целиком. Но тем не менее успел договориться с кооператорами, и наборные полы были проданы и разобраны сейчас потому, что, дескать, они заражены жучком. Никакого жучка не было. (Г.В. МЯСНИКОВ: Кооператоры — жучки.) Да, кооператоры — жучки. Я там был, я снимался <в документальном фильме>. Есть фильм об этом парке с моим участием, где я рассказал о его мировом значении. Я утверждаю, что эти полы были в прекрасном состоянии. Нужно какое-то обращение к нашему Министерству культуры, к Леноблисполкому, в ведении которого находится Выборг. Я прошу об этом написать, чтобы на это было обращено внимание. К сожалению, некоторые наши крупные специалисты по истории Выборга, имеющие связи и т.д., одобряют эти варварские действия. Вырубка деревьев ведется. А там вся красота в этих деревьях, это лесной парк.

Затем я хотел бы обратить внимание, в связи с выступлениями В.П. Нерознака и И.Я. Зиедониса, на то, что мы также должны изучать топонимику, названия рощ, прудов, хуторов, сел. Это исторические названия. С переменами людскими, когда люди переезжают, забываются не только многие местные предания, но забываются просто названия, названия какой-то горки, какого-нибудь пруда. А это свидетельствует об истории, потому что пруды живут сотни лет.

Мне кажется, много интересных и важных терминов прозвучало в выступлении представителя Латвийского фонда культуры.

Скажем, я бы взял на вооружение выражение «присутствие культуры». Это выражение очень важно, давайте его употреблять. Присутствие культуры должно быть всюду: в нашем поведении, в нашем зале, в нашем отношении к истории и в нашем отношении к искусству. Присутствие культуры. Без присутствия культуры мы никуда не двинемся. Присутствие культуры.

Затем его выражение — «жизнь, облагороженная культурой».

Ведь что такое, действительно, культура, как не благородство? Культура облагораживает. Это выражение — «жизнь, облагороженная культурой» — также очень важное.

Наконец, третье выражение (я всегда записываю такие удачные выражения) — «энергия культуры». Культура — это не нечто пассивное, которое нужно только хранить. Культура действует. Я вас уверяю, что, если вы понимаете хоть немножко искусство и если вы войдете в Русский музей, допустим, в отдел икон, вы выйдете из этого отдела икон иным человеком, чем туда пришли, потому что энергией обладает каждая картина, каждая скульптура. И эта энергия, кстати сказать, может быть исследована не только парапсихологией. Когда вы встречаетесь, скажем, с древнерусской живописью, вы даже чувствуете, на каком расстоянии вы должны находиться от этой вещи. Это просто ощущается, потому что каждая из икон рассчитана на определенное расстояние в отношении смотрящего на нее.

Затем я хотел бы обратить внимание на очень важный термин в выступлении нашего латвийского представителя, уважаемого Имантса Яновича Зиедониса — об «элитарности культуры».

Культура по природе своей обязана быть, она <и> есть элитарна. Если культура не элитарна, это уже не культура. И нам не надо бояться этого слова, надо его уважать, потому что элитарность — это сущность культуры, это выборность культуры. Человек не все должен создавать в культуре сам. Он должен заимствовать, что-то брать от других. Что-то должно быть в атмосфере, что должно на него воздействовать хорошо. Это — элитарность культуры.

В этой связи я бы хотел сказать, что наличие в нашем обществе нескольких одинаковых организаций, посвященных одинаковой тематике, не является недостатком, мешающим нашей работе. А является, наоборот, очень важным явлением. Поэтому есть несколько философских обществ, как в Латвии, под разными названиями, занимающихся иногда разными предметами или тем же предметом. Это же очень хорошо. Это так же хорошо, как население города — оно должно быть многообразным. Пусть будут разные философии. У нас есть философский кружок <клуб> при Фонде культуры <и> есть «Мир культуры», которые часто пересекаются, и слава богу. На пересечении различных людских жизней создается новая жизнь. Только так. И ни в коем случае, когда человек одинок и что-то может создать новое.

Поэтому давайте культивировать разные типы культур, разные направления и разные интересы.

Я сейчас не касаюсь выступления Георга Васильевича. Обсуждали это выступление вчера. Это выступление в какой-то мере является со мной согласованным, но и развитым. Мне только хочется подчеркнуть следующее.

Советский фонд культуры главной своей деятельностью, запечатлевающей бытие, — это облагороженная культура, создающаяся в стране <так в стенограмме. — *Сост.*>. Это должно быть связано с издательской деятельностью, с продуманной хорошей издательской деятельностью. Будет выпускаться книга. Ведь полгода уже тому назад я ходил

к Н.И. Рыжкову и получил разрешение на издательскую деятельность. Хотя это разрешение уже было записано в Устав нашего Фонда, утвержденный правительством. Получил разрешение. Но ничего по издательской деятельности существенного не сделано.

Сейчас наметились некоторые сдвиги. Я хотел бы, чтобы все осознали эту важность. Мы не в производственной деятельности должны оставить свои следы, не в значках, не в календарях. А в хороших, культурных и элитарных книгах, рассчитанных на разного читателя, по разным предметам издания. Это чрезвычайно важно.

Издательская деятельность — это первая деятельность, которая на нас должна падать. А потом, конечно, концертная деятельность, особенно в тихих уголках нашей страны, на периферии и т.д.

Но и защита малых народов с их культурой, потому что все это создает цвет культуры, культура разнообразна по своей природе, она должна включать разные народы. И чрезвычайное богатство нашей страны заключается в том, что в ней более 300 различных народов. Это наше счастье, если это счастье находится в руках культурных людей. И задача Фонда — объединение и сохранение различных народов, уважение различных народов, их интересов, их свобод. Это и есть задача Фонда, которая должна идти не только через телевидение и радио, дарения и покупки, а и через издательскую деятельность, потому что книга была и остается самым важным документом культуры.

По поводу выступления Н.В. Волковой. Я хочу сказать еще об одной опасности, в которой находятся архивы, не только в их потопляемости и огнеопасности, но и в том, что у нас нет настоящих каталогов, нет описаний рукописей, их не хватает. Рукопись может храниться, а читатель не может ее востребовать. И роль малых хранителей — наводить читателей на мысль, что по вашей теме есть еще рукопись, как делал И.А. Бычков в библиотеке. Он говорил: «Вы занимаетесь такой-то темой, таким-то памятником. А есть еще рукопись». Но всегда были еще и каталоги. А сейчас это крайняя редкость. Издательству они не выгодны, т.к. не могут

выходить миллионными тиражами. Ученый и интеллигент в своей библиотеке должен хранить прежде всего справочники и каталоги, которые должны быть прежде всего <и> в Фонде культуры. До сих пор этого нет. Должен быть учет памятников культуры. Должна быть картотека коллекций, и должен быть справочный отдел.

И научная работа в Фонде культуры очень отстает. Давайте ее развивать. И в решение нашего собрания внесем и этот пункт. Но мы должны еще вмешаться в процесс хранения. Что хранится в наших архивах. При́нципы или принци́пы, на которых тот или иной документ попадает в архив, на хранение. Сейчас абсолютно неправильный принцип: оставляется не первичный документ, а, так сказать, вторичный документ остается — обобщающее явление. Остается резолюция, но не остается документ собрания, выступления и т.д. Тогда как именно это наиболее целесообразно. Документы частные, а не обобщающие. Потому что обобщающие документы хранятся там под влиянием внимания эпохи, методом приказания начальства. У нас очень много уничтожено документов, которые считались ненужными для хранения, а именно они-то самые ценные сейчас.

Поэтому нужно пересмотреть все положения, по которым остаются в архивах документы. Правильно я говорю? Правильно. Это нужно разработать немедленно, потому что сейчас есть очень большая опасность, что часть документов, как это случилось в Ленинграде, будет уничтожаться.

Все остальные выступления, я думаю, мы будем изучать еще долго.

Я как председатель Советского фонда культуры очень благодарю за чрезвычайно интересные выступления, доклады и всех присутствующих — за внимание. Мы чувствуем, что работаем не зря, что Фонд культуры все-таки представляет собой некоторое культурное объединение, нужное нашей стране, к вам направлено наше внимание, и мы очень благодарим вас за участие. <...>[1]

---

[1] Архив РФК. Т. 57. Д. № 42.

Справа налево: Д.С. Лихачев, И.Н. Воронова, З.А. Лихачева (во втором ряду) в петербургской квартире Лихачевых. 1996 г.

Часть 2
ФОНД КУЛЬТУРЫ
в 1991— 1993 гг.

От составителя
Реорганизация Фонда

«Августовский путч» 1991 г. неожиданно привел к существенным изменениям статуса Советского фонда культуры.

Дмитрий Сергеевич Лихачев, проявив себя дальновидным политиком, сразу после путча обратился с письмом к российскому президенту Б.Н. Ельцину и предложил принять Фонд под юрисдикцию России. В то время перевод всесоюзной организации на республиканский российский уровень был шагом исключительным — за несколько месяцев до самоликвидации СССР никто еще не предвидел, что Советское государство скоро сойдет с политической арены.

Президент М.С. Горбачев воспринял инициативу Д.С. Лихачева как предательство, Раиса Максимовна Горбачева вышла из состава президиума и правления Фонда, а президиум «одобрил обращение Д.С. Лихачева к президенту РСФСР Б.Н. Ельцину о правовом статусе СФК и его дальнейшей деятельности в новых политических и общественных условиях», и в сентябре — октябре 1991 г. Советский фонд культуры был преобразован в Российский. Это решение оформила III внеочередная конференция СФК 14—15 ноября 1991 г.

Ниже публикуются некоторые документы, сохранившиеся в архиве Фонда, начиная с телеграммы Д.С. Лихачева после путча в отделения фонда культуры в РСФСР. Публикуется письмо Д.С. Лихачева Президенту Б.Н. Ельцину, выдержки из протоколов заседаний президиума в сентябре — октябре 1991 г. и первоначальный проект по-

становления о преобразовании Советского фонда культуры в Российский.

Далее следуют стенограммы трех заседаний президиума 1992 г. с участием Д.С. Лихачева, отражающие не только внутреннее положение Фонда того времени, но и некоторые поистине исторические события. Прежде всего, это борьба против минских соглашений о «разделе» культурных ценностей.

Формальный распад СССР и создание СНГ чуть было не привели к потере Россией части национального культурного достояния. Б.Н. Ельцин подписал в Минске соглашение о «возвращении» культурных и исторических ценностей из государственных музеев, архивов и библиотек новым независимым государствам «по их происхождению». В случае выполнения этого договора были бы расчленены восточные коллекции Эрмитажа, книжные собрания центральных государственных библиотек и т.д. При этом другие государства СНГ потеряли бы еще больше: основные коллекции художественных музеев Белоруссии, Украины, Грузии формировались уже в советское время из фондов Эрмитажа, Русского музея...

Верховный Совет России в феврале 1992 г. был готов ратифицировать минские соглашения... Д.С. Лихачев тогда телеграфировал президенту Б.Н. Ельцину и Верховному Совету о недопустимости такого решения. Благодаря активным действиям музейных работников и известных деятелей культуры и, конечно, благодаря авторитету Д.С. Лихачева минские соглашения были отменены. Об этой истории Д.С. Лихачев рассказывал на заседании в Фонде 9 апреля 1992 г.

В то время возникли новые проблемы в сфере культуры, связанные с гиперинфляцией и с разрушением сложившихся в Советском Союзе систем и связей. «Умирали» традиционные народные художественные промыслы, брошенные государством на произвол судьбы (этот вопрос поднимался на заседании президиума Фонда 10 июня 1992 г.). Перестали работать государственные закупочные комиссии, художники остались без поддержки, и вновь возникла угроза культурных потерь — в данном случае уже современного искусства. Произведения при-

обретали у авторов только зарубежные коллекционеры и аукционные дома, и наша страна могла лишиться целого пласта живописи XX в. В этих условиях Российский фонд культуры занялся собиранием коллекции современного искусства. Д.С. Лихачев пригласил на работу в Фонд блестящего специалиста, бывшего директора Государственного Русского музея В.А. Пушкарева. Стенограмма заседания президиума 22 октября 1992 г. отражает труды Д.С. Лихачева и В.А. Пушкарева по созданию Музея современного искусства. Организовать в то время в Москве такой музей Фонду не удалось, но были собраны более 500 замечательных произведений художников второй половины XX в. — теперь это собрание хранится в Российском фонде культуры.

В 1992—1993 гг. в Фонде происходили многочисленные, но малоэффективные внутренние преобразования. 86-летнему Дмитрию Сергеевичу Лихачеву все труднее было реально руководить работой Фонда. В мае 1993 г. он оставил пост председателя, и новым главой Российского фонда культуры был избран Никита Сергеевич Михалков.

Завершают публикацию последние письма Д.С. Лихачева в качестве председателя Фонда, написанные им в 1993 г. В отличие от официальных обращений за подписью Д.С. Лихачева, которые готовились аппаратом в Москве, публикуемые письма Дмитрий Сергеевич писал сам, находясь в Петербурге, с помощью своей помощницы Л.А. Алексеевой. В последнем публикуемом письме российскому послу в Болгарии от 15 июня 1993 г. Д.С. Лихачев сообщает: «В Российском фонде культуры произошла смена руководства. Председателем Фонда избран Никита Сергеевич Михалков, я стал почетным председателем Фонда. В связи с этим будут разработаны новые концепции деятельности и новый Устав... Хочу Вас заверить, господин Посол, что сотрудничество Фонда с творческими организациями и деятелями культуры зарубежных стран, несомненно, будет расширяться...»

Тексты документов и выступлений Д.С. Лихачева на заседаниях президиума 1991—1992 гг. печатаются по подлинным протоколам и стенограммам из архива Россий-

ского фонда культуры (Т. 12. Д. № 61, 62, 64, 71, 72, 73), а письма Д.С. Лихачева 1993 г. — по машинописным экземплярам с его подписью, составляющим том 26 в архиве РФК.

Письмо Д.С. Лихачева президенту РСФСР Б.Н. Ельцину

Дорогой Борис Николаевич!

Всех нас, как Вы знаете, крайне волнует состояние российской культуры, памятников архитектуры, музеев, библиотек, архивов... Увы! Положение их плачевно, как и материальное и моральное положение тысяч рядовых работников культуры.

Чтобы как-то исправить эту ситуацию, по моей инициативе пять лет назад был создан Советский фонд культуры. Большинство программ — российские, на осуществление их за пять лет выделено более 70 миллионов рублей. Мы предоставили средства на восстановление Валаамского монастыря, заканчиваем реставрацию дома М. Цветаевой в Москве, помогаем малым российским городам, осуществляем программу помощи молодым талантам «Новые имена», восстанавливаем пушкинское Захарово, финансируем переименование московских улиц, помогаем частным коллекционерам, библиотекарям, работникам музеев.

Сейчас мы активно участвуем в создании так необходимого России Музея культуры XX века, выделив на это 30 млн. рублей. Нами собраны уникальные, отсутствующие не только в библиотеках нашей страны, но и в крупнейших хранилищах мира, материалы о русской эмиграции. Зарубежные друзья Фонда затратили на эту коллекцию почти 500 тыс. долларов. Собрание продолжает пополняться.

В различные музеи России наш Фонд передал большое количество памятников культуры, возвращенных из-за рубежа. Фонд издает в содружестве с Р. Максвеллом (Великобритания) прекрасный журнал «Наше наследие», посвященный в основном русской культуре.

Большая часть наших программ, содержание половины работников его отделений в республиках, краях и обла-

стях РСФСР финансируется из общественных средств СФК.

Вокруг Фонда сложилась большая группа прогрессивной, активно действующей интеллигенции, в том числе, что мне особенно дорого, много перспективной молодежи.

Нами за эти годы много сил отдано созданию Советского фонда культуры. Он приобрел международную известность. И можно быть уверенным, что именно сейчас, когда победили разум и демократия, он может принести огромную пользу русской культуре.

Я только что поручил создать рабочую группу для разработки форм и методов взаимодействия Советского и Всероссийского фондов культуры.

Как мне представляется, вероятно, было бы целесообразно на базе средств Советского фонда культуры (около 50 млн. руб.), а также Всероссийского фонда культуры (имеет около 1 млн. руб.) и его отделений в республиках, краях и областях РСФСР создать единый Фонд культуры России, который главную заботу проявил бы о российской культуре, а также взял бы на себя развитие связи с независимыми фондами союзных республик, соотечественниками и благотворительными фондами за рубежом, сохранив при этом взаимодействие с Министерством культуры СССР, творческими союзами и объединениями.

Поиск окончательного решения, естественно, требует времени и внимательного коллективного рассмотрения.

Я обратился с письмом к руководству Всероссийского фонда, президиумам республиканских, краевых и областных фондов с просьбой отложить проведение конференции, назначенной на 17-е сентября с.г. на более позднее время, с тем чтобы после внимательного и обстоятельного изучения деталей объединения создать на базе Советского и Всероссийского фондов культуры — Фонд культуры России, придав ему законодательный правовой характер.

Прошу Вашей поддержки.

Искренне Ваш
Д.С. Лихачев

Телеграмма Д.С. Лихачева

Президиуму Всероссийского фонда культуры
Президиумам правлений республиканских,
краевых и областных фондов культуры РСФСР

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

Дорогие коллеги! История знает, что в период социальных катаклизмов и взрывов культура всегда несет самые тяжелые и трудновосполнимые потери. Я обращаюсь к вам в очень сложный момент. Только что героическими усилиями россиян пресечен антиконституционный путч, но экономическая и политическая обстановка остается крайне напряженной. Я прошу вас проявить сейчас максимум действенного внимания к защите российских национальных культурных ценностей, памятников архитектуры, библиотек, архивов, музеев, частных коллекций и т.д. Как вы знаете, большинство программ, осуществляемых Советским фондом культуры, носит прежде всего общероссийский характер. Более того, почти восемьдесят процентов средств, выделенных СФК на помощь в осуществлении местных программ, направлено в российские республики, края и области. На средства, предоставленные учредителями Советского фонда культуры и полученные в результате акций СФК, содержатся штатные работники фонда в республиках, краях и областях РСФСР, не перешедших на хозяйственный расчет, а таких в России более половины. Учитывая сложность переживаемого нами момента, прошу вас воздержаться от проведения в середине сентября с.г. конференции Всероссийского фонда культуры, перенести ее на более позднее время, что позволит нам найти наиболее адекватные формы взаимодействия и сотрудничества. Давайте сосредоточимся сейчас на реальном деле защиты культуры, а не на сложных и несвоевременных организационных мероприятиях. В этом я гарантирую вам полную поддержку и содействие Советского фонда культуры. Буду благодарен вам за незамедлительный ответ.

Ваш Д. Лихачев,
председатель правления
Советского фонда культуры

Из постановления Президиума правления СФК о реорганизации Советского фонда культуры 10 сентября 1991 г.

<...> В связи с изменениями в государственном устройстве страны, учитывая новые взаимоотношения между союзными и республиканскими организациями, а также характер практической деятельности СФК, сложившийся за предыдущие годы, возникла необходимость преобразования Советского фонда культуры в новую общественную организацию, как правопреемника СФК и его отделений, сохранив при этом сложившиеся связи с фондами культуры суверенных республик (государств), зарубежными благотворительными организациями и соотечественниками.

Предложение о преобразовании Советского фонда культуры было направлено президенту РСФСР Б.Н. Ельцину и получило его одобрение.

Д.С. Лихачев обратился к Президиуму правления ВФК, республиканским, краевым и областным Фондам России с просьбой в связи с этим отложить проведение назначенной на 17 сентября с.г. конференции ВФК.

Позиция Д.С. Лихачева была поддержана многими республиканскими, краевыми и областными Фондами культуры РСФСР. <...>

Президиум правления СФК ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Одобрить обращение Д.С. Лихачева к Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину о правовом статусе СФК и его дальнейшей деятельности в новых политических и общественных условиях, а также к президиумам республиканских, краевых и областных фондов культуры России.

Признать целесообразным преобразовать Советский фонд культуры в новую общественную организацию — Фонд культуры России в качестве правопреемника СФК, сохранив при этом сложившиеся связи с фондами культуры республик (государств), зарубежными фондами и соотечественниками.

2. Сосредоточить деятельность Фонда на программах, имеющих общечеловеческую и общекультурную значимость

(пушкинская, краеведение, новые имена, классика, возвращение забытых имен, культура малочисленных народов и др.), проявляя заботу о сохранении единого культурного пространства страны.

Обратить особое внимание на сохранение и дальнейшее развитие сложившихся культурных связей, взаимодействуя с фондами культуры по реализации культурных интересов народов России, проживающих за ее пределами, и народов суверенных республик (государств), проживающих в РСФСР.

Бережно сохранять сложившиеся отношения и связи с фондами культуры, культурно-просветительскими и национально-культурными обществами, творческими союзами. <...>[1]

Из стенограммы заседания президиума правления Советского фонда культуры 4 октября 1991 г.

Председательствует — Г.В. Мясников.

Г.В. МЯСНИКОВ: У нас сегодня на заседании стоят два вопроса: первый — о созыве конференции и нормах представительства; второй вопрос — материальные проблемы, связанные с выделением средств и некоторые другие.

По первому вопросу я хочу сказать следующее: принципиальные проблемы по дальнейшей деятельности Фонда и его реорганизации рассмотрели на прошлом совместном заседании и координационного Совета и его президиума. Правда, не пришли к принятию решения, но рассмотрели принципиальные вопросы... Вчера мы с теми, кто не участвовал, с республиками разговаривали. Абсолютное большинство республик поддерживают предложение 14—15 ноября созвать конференцию для принятия нового Устава Фонда культуры. Абсолютное большинство, кроме прибалтийских республик, считают, что они будут участвовать в качестве делегатов конференции. По прибалтийским рес-

[1] Протокол № 5 заседания президиума правления Советского фонда культуры от 10 сентября 1991 г. Архив РФК. Т. 12. Д. № 61

публикам пока нет ясности. В этой связи вносится следующее предложение.

Первое — созвать 14—15 ноября в Москве конференцию, на которую внести Устав Фонда культуры, и, вместе с тем, считают, что прошло пять лет работы Фонда, — сделать материал, который бы носил характер отчета Фонда за пять лет и доклад ревизионной комиссии о материальном положении. И рассмотреть Устав.

Как формируются предложения по нормам представительства? Вносится предложение — от тех республик, которые примут решение принять участие в работе Фонда, пять делегатов. Независимо от того (тут поднимался вопрос — областное отделение, не областное отделение), какое отделение, пять делегатов. От Москвы и С.-Петербурга — пять делегатов. От республиканских, краевых и областных Фондов культуры России, которые решат участвовать в работе конференции, — два делегата. От общественных формирований правления, реализующих программу Фонда, то есть утвержденных президиумом, — 1 делегат. Членам правления, ревизионной комиссии, которые примут участие в работе конференции, — с правом решающего голоса. И предоставить право председателю правления Д.С. Лихачеву персонально в качестве делегатов пригласить руководителей, деятелей культуры, благотворителей и т.д. <...>

Какие замечания? Нет замечаний. Принимается?

(С МЕСТА: Да.)

Вопрос решен единогласно.

Вносится предложение принять такое решение: поручить академику Лихачеву Д.С., Мясникову Г.В. и Карпухину О.И. привлечь высококвалифицированных юристов для написания Устава Фонда, соответствующего современной ситуации в стране, имея в виду неделимость денежных средств Фонда, расходование их через программы, возможность свободного выбора для республиканских, краевых, областных фондов во взаимоотношениях, четкость разграничения законодательной и исполнительной власти. Это кратко. А в принципе, по-моему, надо решить таким образом. Надо все-таки то постановление, которое готовилось к тому прав-

лению, положить в основу концепции Фонда и на основе этой концепции работать. <...>[1]

Членам Президиума Фонда культуры.

В связи с тем, что, как я узнал, регистрация нашего Фонда и республиканских и областных фондов может быть произведена только после принятия конференцией Фонда его устава, прошу собрать конференцию Фонда 14–15 ноября с.г., как это и было предложено инициативной группой.

Председатель Президиума Правления СФК

Д. Лихачев

3.X.91

Письмо Д.С. Лихачева к членам Президиума Фонда от 3 октября 1991 г. (из архива РФК).

Постановление президиума правления Советского фонда культуры от 10 октября 1991 г.

Созвать 14—15 ноября с.г. конференцию Советского фонда культуры.

Внести на рассмотрение конференции новый проект Устава Фонда.

Утвердить стартовый состав оргкомитета по подготовке и проведению конференции (прилагается).

Просить фонды суверенных республик (государств) направить своих представителей в состав оргкомитета. <...>

Стартовый состав организационного комитета по подготовке и проведению конференции СФК

Лихачев Д.С. — академик, председатель правления СФК, руководитель организационного комитета

[1] Архив РФК. Т. 12. Д. № 64.

Андреев В.К. — профессор Института государства и права АН СССР, член экономического совета СФК

Аринштейн Л.М. — профессор, научный консультант СФК и Пушкинского общества, член правления СФК

Богуславский М.М. — главный специалист Института государства и права, член правления СФК

Быков В.А. — заведующий организационным отделом СФК

Бэлза С.И. — старший научный сотрудник Института мировой литературы им. Горького

Веденин Ю.А. — завлабораторией Института географии АН СССР, член правления СФК

Воронова И.Н. — руководитель благотворительной программы «Новые имена», член правления СФК

Гуляев В.А. — председатель Ревизионной комиссии СФК

Енишерлов В.П. — главный редактор журнала «Наше наследие», заместитель руководителя организационного комитета

Иванов Ю.Н. — председатель правления Калининградского фонда культуры

Карпухин О.И. — зампредседателя правления СФК

Кирьяков Ю.С. — председатель правления Екатеринбургского фонда культуры

Королев Ю.К. — генеральный директор Всесоюзного музейного объединения «Третьяковская галерея», председатель Московского фонда культуры

Милонов Р.С. — первый заместитель председателя правления Ленинградского фонда культуры

Михалков Н.С. — кинорежиссер, член правления СФК

Мясников Г.В. — первый заместитель председателя правления СФК, член правления СФК

Нерознак В.П. — заместитель академика-секретаря отделения литературы и языка АН СССР, член правления СФК

Плотников С.Н. — профессор, председатель совета программы «Молодежь и культура», член правления СФК

Расторгуев В.Н. — председатель правления Тверского фонда культуры

Сергеев М.Д. — председатель правления Иркутского фонда культуры

Тенишев Э.Р. — заведующий лабораторией тюркологии и монголистики Института языкознания АН СССР, член правления СФК

Шишов К.А. — председатель правления Челябинского фонда культуры

Шмидт С.О. — председатель Археографической комиссии АН СССР, член правления СФК

Ямщиков С.В. — председатель Ассоциации реставраторов СССР, член правления СФК[1].

Проект постановления совместного заседания координационного совета, президиума правления, инициативной группы СФК по реорганизации Советского фонда культуры 3 октября 1991 г.

Созданный пять лет назад Советский фонд культуры как неправительственная общественная организация приложил немало усилий для возрождения и развития многонациональной отечественной культуры.

Действующие поначалу как отделения СФК республиканские, краевые и областные фонды культуры, пройдя период становления, быстро обрели самобытность, самостоятельность и в настоящее время вносят значительный вклад в сохранение культурного наследия своих регионов.

Взаимодействие фондов культуры в рамках СФК позволило за эти годы выдвинуть и реализовать различные международные, межнациональные и межрегиональные программы, имеющие устойчивый долгосрочный характер и способствующие взаимообогащению национальных культур — формированию единого культурного пространства на основе приоритетов общечеловеческих ценностей.

Наибольшей общественной поддержкой пользуются такие программные направления, как «Пушкин в серд-

---

[1] Протокол заседания президиума правления Советского фонда культуры 10 октября 1991 г. Архив РФК. Т. 12. Д. № 62.

цах поколений», «Классика», «Краеведение», «Возвращение забытых имен», «Культура малых народов», «Новые имена», «Молодежь и культура», «СФК — Чернобыльской и Челябинской зонам», «Малые исторические города», «Топонимия» и др.

Каждая из этих программ объединила заинтересованных общественников — лучших представителей науки, культуры и искусства страны. СФК помог созданию новых общественных объединений: Всесоюзного Пушкинского общества, Ассоциации реставраторов, Ассоциации культурологов, Фонда Рерихов, ассоциации «Молодежь и культура», Ассоциации колокольного искусства и многих других. Сегодня только при правлении СФК действуют 53 общественных объединения, научно-общественных совета, творческих и национально-культурных центра.

Начало положили учредители СФК, выделив Фонду 13 млн рублей. Благотворительные взносы проведенной лотереи увеличили эту сумму, и сегодня только на счету правления СФК — 52 млн. рублей. За это время Фондом выделено 54 с половиной миллиона на возрождение культуры страны, в том числе 52 с половиной миллиона на восстановление и развитие объектов культуры России.

Реализуя программу «Возвращение», СФК в качестве даров и имеющихся возможностей по приобретению вернул на Родину более 4 тыс. произведений и памятников культуры, в том числе произведения Рокотова, Левицкого, Серебряковой, Бенуа, Добужинского, Репина и многих других.

В Фонде собраны уникальные, часто отсутствующие не только в отечественных библиотеках, но и хранилищах других стран, коллекции материалов о русской эмиграции. Зарубежные друзья Фонда затратили на создание этой коллекции почти 500 тыс. долларов. Собрание открыто для изучения и продолжает пополняться.

В различные музеи России Фонд передал безвозмездно большое количество шедевров русского искусства, возвращенных из-за рубежа. Оказывается практическая помощь республиканским и областным фондам. Штатные работники и общественники выезжали по командировкам СФК свы-

ше 1170 раз в различные районы страны, в том числе Иваново, Житомир, Набережные Челны, Псковский заповедник, Волгоград и др. области. Они проводили семинары, читали лекции, оказывали методическую помощь работникам народных музеев, школам, детским домам, каталогизировали и фиксировали на пленку разрушающиеся архитектурные памятники, храмы, усадьбы, вели переговоры с местными властями о мерах по их консервации и реставрации.

СФК установил прочные и плодотворные связи с крупнейшими благотворительными фондами мира, которые постоянно помогают в реализации программ Советского фонда культуры.

Широкую известность и признание получил журнал «Наше наследие», издаваемый совместно с корпорацией «Максвелл комьюникейшн». Его учредителем является Советский фонд культуры.

Вместе с тем, наряду с положительным опытом, многое в стиле и методах работы правления Фонда противоречит его целям и задачам. В средствах массовой информации появились критические материалы о работе СФК, в том числе и выступление Д.С. Лихачева, в котором он с тревогой говорил об отставании Фонда от демократических процессов, происходящих в стране.

Уже на II Внеочередной конференции Советского фонда культуры (февраль с.г.) была проведена серьезная реорганизация. СФК стал добровольным союзом самостоятельных республиканских и территориальных фондов культуры, строящих отношения с СФК и между собой на основе договоров о сотрудничестве. Принципиальные изменения в государственном устройстве страны ускорили потребность в дальнейшем преобразовании СФК в организацию, устав которой мог бы адекватно отразить ситуацию в стране и обществе.

Поэтому, учитывая, что деятельность СФК сегодня определяется прежде всего законодательством РСФСР, а большинство программ СФК носит российский харак-

тер, — руководство СФК внесло предложение о переходе СФК под юрисдикцию России. При этом предполагалось, что новая организация — Союз или Содружество фондов культуры в полной мере сохранит сложившиеся связи с Фондами культуры — суверенных республик (государств), зарубежными благотворительными организациями и соотечественниками, видными деятелями культуры и творческой молодежью, сформировавшими актив Советского фонда культуры за эти годы.

Казалось целесообразным в процессе реорганизации объединить силы и средства Советского фонда культуры и Всероссийского фонда культуры для улучшения работы в новых условиях. Однако Президиум правления Всероссийского фонда культуры это предложение не поддержал, хотя большинство республиканских, областных и краевых фондов культуры России, а также Московский и Санкт-Петербургский фонды отнеслись к идее с пониманием и одобрением. <...>[1]

Стенограмма рабочего заседания президиума Совета Российского международного фонда культуры 9 апреля 1992 г.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: К заседанию президиума мы сегодня не готовы, поэтому сейчас будет только рабочее заседание, на котором мы обменяемся лишь предварительными сведениями, а на заседание президиума мы должны будем выйти с уже готовыми предложениями. Повестка дня соблюдаться не

[1] По решению конференции в ноябре 1991 г. правопреемником Советского фонда культуры стал Российский международный фонд культуры. Новый устав Фонда был зарегистрирован Министерством юстиции России 21 января 1992 г.

Позже, в связи с решением правительства о порядке использования наименования «Российский», из устава Фонда и его названия было исключено слово «международный» (по новым правилам, организация могла называться либо международной, либо российской), и Фонд был зарегистрирован как Российский фонд культуры. Это название он носит до сих пор.

будет. Мы сделаем так, что оба председателя комиссий — Сергей Николаевич <Плотников>[1], а затем Владимир Петрович <Нерознак>[2] — сделают свои доклады, после них сделают свои сообщения те, кто понадобится по ходу их докладов. Затем обсудим предложения, у меня есть свои предложения...

Должен сказать — у меня есть сведения, что ходят слухи, будто Фонд разваливается, будто Лихачев уходит. У меня есть нравственные обязательства, и пока Фонд не будет поставлен на ноги и не начнет правильно работать, я из него не уйду, и только после этого можно будет посчитаться с моим возрастом и с тем, что я живу в другом городе. Подчеркиваю, что только когда Фонд будет работать нормально, когда у нас будет соответствующее руководство и соответствующая организация, только тогда может стоять вопрос о моем уходе.

Должен сказать, что у нас работают две комиссии по разным вопросам: комиссия Сергея Николаевича должна проанализировать работу сегодняшнюю, комиссия Владимира Петровича должна выработать проект организации на основе доклада Сергея Николаевича. Почему? Потому что страна находится в новых условиях, в стране вводится контрактная система, хотя безоглядно ее вводить нельзя. Нужно будет выяснить, в чем эта система будет заключаться. Может, для части сотрудников мы ее введем, а для другой части — не будем (смешно вводить контрактную систему для охраны, бухгалтерии и т.д.). Может быть выборная система, но это покажет время, и мы не должны с этим спешить, чтобы не наделать на первых порах ошибок.

Должен сказать прежде всего следующее — это главная моя установка — мы не должны быть самообслуживающей организацией, которая заботится только о том, чтобы получать доходы на удовлетворение собственных нужд, мы —

---

[1] Член правления Фонда в 1991—1992 гг.

[2] В то время — заместитель академика-секретаря отделения литературы и языка Академии наук, член президиума Фонда, первый заместитель председателя Фонда в 1992—1993 г.

система фондов, основная цель которой — помочь нашей стране в решении культурных проблем, которых сейчас очень много. Кстати, должен обратить ваше внимание на то, что на VI Съезде народных депутатов пока никто не говорил о культуре (может, еще будет говорить министр культуры). Министерство культуры не разрешает всех культурных проблем, все это налагает на нас особые обязательства.

Но, с другой стороны, у нас очень много культурных программ, которые мы со своими слабыми средствами не сможем обслуживать все. Поэтому культурные программы должны быть сокращены, оставлены лишь самые важные. И вообще, наши расходы должны быть сокращены: и транспортные расходы, и поездки за рубеж (об этом я постоянно говорю). Мы должны работать более экономно и более эффективно.

Раньше Фонду в создании его «лица» очень помогала Раиса Максимовна Горбачева, собственно, наш Фонд считался Фондом Раисы Максимовны, и это нам помогало. Сейчас «лицо» Фонда нужно создавать самим. Как это сделать, я скажу после докладов. Это не так трудно. У меня будут предложения и по структуре Фонда, хотя работа по анализу не закончена, и с моими предложениями я попрошу считаться. Это я говорю в виде предварительных замечаний относительно того, чем мы сегодня должны заниматься и что мы должны сегодня решить, по возможности не затягивая. Затем, я очень прошу, чтобы всё, сказанное здесь, было зафиксировано в стенограмме (I <первый> экземпляр — мне на подпись). Это должен быть в какой-то мере документ нашего обсуждения. Сейчас мы говорим по душам, а на заседании президиума мы должны будем выступать с какими-то точками зрения, более определенными. Сейчас идет предварительный разговор, и мы можем менять свое мнение в зависимости от выдвинутой аргументации. На заседании президиума мы будем более ограничены в этом смысле.

Сейчас я предоставляю слово Сергею Николаевичу Плотникову, он расскажет, как работала его комиссия и что ей удалось выяснить.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Я хотел бы дать некоторую информацию о ходе работы аналитической комиссии, как ее назвал Дмитрий Сергеевич... 25 апреля она должна завершить работу, т.е. время у нас еще есть. И сейчас я хочу представить некоторый промежуточный отчет, и то только по одному вопросу <*следует доклад о финансовом положении Фонда*>... Вот тот финансовый аспект, который я хотел осветить. Все другие аспекты, которые я назвал, касающиеся программ, организационных и юридических проблем, будут представлены в письменном виде и обсуждены на заседании президиума.

Спасибо за внимание!

ВОПРОСЫ

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Главное, о чем я Вас просил, — выяснить наши отношения с журналом «Наше наследие» (о котором я ничего не знаю уже полгода, не имею о нем никаких сообщений, со мной не совещаются) и с <пропуск в тексте> отделом <издательским центром>[1].

Что это такое? <...>

Мне нужна структура современного Фонда в самых основных чертах. А финансовые дела, даже в современном аспекте, — это второстепенное дело.

Почему издательский отдел работает без согласования с нами, хотя это — лицо Фонда? Правда или нет, что в той предварительной записке, которая мне была подана, предполагается издание «Анжелики» и других подобных вещей, которые могут нас только позорить? Мне нужна эта информация. Что такое Фонд? Что в него входит? И самое главное, что я просил Вас выяснить, — какое количество организаций к нам приписаны, на каких основаниях и т.д.

Вот это я от Вас ждал.

---

[1] Здесь и далее Д.С. Лихачев называет «издательским отделом» созданный при Фонде Информационно-издательский центр (далее — ИИЦ) «Наше наследие» (директор — В.Т. Козлов). ИИЦ носил имя журнала Фонда «Наше наследие», но в действительности работал независимо от редакции журнала. Взаимоотношения Фонда с журналом «Наше наследие» (главный редактор — В.П. Енишерлов) также обсуждались на этом заседании.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Все эти пункты, о которых Вы говорите, стали предметом нашего анализа, и по этим вопросам будут представлены соответствующие предложения.

По поводу журнала «Наше наследие» – поскольку мыслился содоклад В.П. Нерознака, я посчитал возможным проанализировать только лишь состояние финансов Фонда. Это чистые цифры, которые дают представление о том, что наш Фонд, по оценкам журнала, не несет никаких убытков по изданию. Что же касается судьбы самого журнала, то это должен изложить Владимир Петрович <Нерознак>, т.к. он постоянно ведет переговоры относительно судьбы журнала, и причем переговоры и с иностранными нашими коллегами, и должен иметь представление о том, насколько журнал выживет в сегодняшних условиях.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Но на юридическом основании – журнал наш или не наш? Мы имеем право получать доходы за журнал?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Конечно, журнал – наш, и мы получаем доходы, журнал отчисляет нам средства.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Согласуется ли с Фондом культуры план, что это за план издательского отдела?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Теперь вот по издательскому отделу – вернее, информационно-издательскому Центру. Центр издал 3 книги – Толстого, о Достоевском и З. Гиппиус, затем они продолжают по плану. Как утверждает директор этого издательства – Козлов – этот план был сверстан и утвержден Фондом культуры, и он его реализовывал. Надо пригласить Козлова, который объяснил бы, как это делается. Они обособились, даже журнал «Наше наследие», который дал имя этому издательскому Центру, сегодня уже отмежевывается от Центра и считает, что Центр нарушил тип нравственных отношений с журналом «Наше наследие».

Д.С. ЛИХАЧЕВ: А что с теми 2,5 млн. рублей, которые мы им дали?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Из 2,5 млн. рублей они вернули нам какую-то часть, очень незначительную, больше того, туда же была передана и бумага, причем значительная часть бумаги, полученной нашим Фондом. Я пытался найти эти

расчеты (Александр Васильевич обещал мне дать их) — сколько кому мы передали бумаги, но пока этих расчетов мы не получили.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вот это основание, вот что надо было обязательно сделать!

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Я надеюсь, что мы это получим. Я просил дать мне расчеты — сколько бумаги было получено Фондом, сколько бумаги было передано издательскому Центру. Но скажу, что, по предварительным оценкам, то, что Центр издал, не могло поглотить того количества бумаги, которая была ему передана.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вы не спрашивали, почему эти издания и издательский листок, на котором были перечислены эти вещи, не согласовывались со мной?

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Я имел противоположную информацию.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Мне был дан только лишь листок, но я издательский работник уже более полувека, я знаю, как это делается: нужно назвать не только то, что издается, но по какой рукописи, какому изданию, кто будет писать введение, кто будет писать вступительную статью или делать комментарий — вот что такое издательский <план>, а не листок, на котором на одной страничке перечислены сумбурно издаваемые вещи, т.к. у всякого издательского плана должна быть идея плана, как бывает идея парада и т.д. Этого ничего мне представлено не было.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Дмитрий Сергеевич, я ведь не случайно обозначил, что издательская деятельность Фонда в целом — это существенная проблема, это узел, который надо распутать.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: В том-то и дело — это я Вам говорил, на этом строились и наши экономические соображения.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Но у нас, кроме этого, есть еще газета и т.д. И вообще, издательская деятельность Фонда ограничивается не только журналом «Наше наследие» и Центром, есть еще какие-то параллели. В результате нашей работы выявился целый ряд узлов, которые надо распутать. Это прежде всего:

1. Издательская деятельность.

2. Музейно-выставочный вопрос, так как там есть несколько организаций, которые конкурируют между собой даже внутри Фонда.

3. Этот аспект связан с работой наших организаций — производственных, которых у нас 43, создаем еще и новые — вот на последнем президиуме создана одна организация.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я не знаю, как это могут создаваться новые организации.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Вот здесь присутствует директор этой новой организации.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Дело не в директоре, а в нас самих. У нас рабочее заседание, поэтому я просто спрашиваю. Дело в том (для сведения всех), что я — издательский работник, я работаю более 50 лет, более 30 лет возглавляю «Литературные памятники» и другие издания, был членом РИСО — Редакционно-издательского совета, работал и в типографии, я знаю, как это все делается. В данном случае со мной ничего не согласовывалось, и реального плана, лица, идеи издания нет. Мне ничего не предоставлялось, кроме списка на одном листе, — «джентльменский набор» — Ходасевич, Шаламов.

С.Н. ПЛОТНИКОВ: Ну, это — вопросы нравственные.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Кстати, нравственные вопросы для нас очень велики, и я пользуюсь Вашим присутствием, чтобы обратить внимание на то, что в наш Фонд люди жертвуют и деньги, и произведения, и свое имущество, и мы не можем произвольно изменять наш характер, произвольно распоряжаться этими дарениями, например, что-то пускать на коммерческую деятельность, поскольку у нас есть обязательства перед этими дарителями. Когда мы организовывались, у нас не было этих обязательств, сейчас мы уже связаны обязательствами перед дарителями. Поэтому нравственный вопрос должен стоять в первую очередь.

В.П. НЕРОЗНАК: Извините за опоздание — сломалась машина. Дело в том, что издательство <ИИЦ> сейчас находится в состоянии «несостоятельности», сейчас от Козлова уходят сотрудники, в т.ч. и бухгалтеры, т.е. они раз-

валиваются на глазах, и он занят перепродажей бумаги, которая была выделена из лимитов отдела «Литература и язык», обращая их в наличность. Поэтому думаю, что нам необходимо принять самые жесткие меры, расторгнуть с ним договор и потребовать возврата тех 2,5 млн. рублей, которые были выделены на это издательство, иначе в ближайшее время, даже месяц, дело может обернуться грандиозным скандалом...

Здесь возникали идеи превратить Фонд просто в Московский фонд культуры... считаю, что это не состоятельная идея, так как при обсуждении проблемы превращения Советского фонда культуры в Российский международный фонд культуры этот вопрос обсуждался на самом высоком уровне (Дмитрий Сергеевич обсуждал это с президентом страны)...

Есть еще одна идея — идея уничтожения, что всё в Фонде плохо, всё разваливается, никто с Фондом не хочет иметь дела, — я решительно не согласен с этим. Когда вместе с Иветтой Николаевной Вороновой мы были в Вашингтоне, у нас состоялись встречи с В. Аксеновым, Т. Толстой, на открытии памятника К.И. Чуковскому — с В. Войновичем. И все они выразили желание сотрудничать с Фондом, т.е., в сущности, если мы сохраним ключевые идеи, которые были заложены при создании Фонда, — это сохранять, приумножать и осваивать культурное наследие, — то у нас всем хватит работы. И Российский международный фонд культуры, пока им руководит Дмитрий Сергеевич Лихачев, жизнеспособен и будет поддерживать это единое неделимое культурное пространство.

С.О. ШМИДТ: Пока Вы, Дмитрий Сергеевич, представляли Фонд за рубежом, у нас состоялось важное для нашей истории событие — фактически, может, не юридически, — презентация дома Марины Цветаевой[1].

Причем это было международной акцией (присутствовали прибалты, представители нашей интеллигенции очень высокого класса), был концерт, состоялось много бесед, в которых выявилось, что:

---

[1] Дом-музей Марины Цветаевой в Москве был восстановлен Российским фондом культуры, а в дальнейшем передан правительству Москвы.

Первое. Потраченные <Фондом> деньги, их реализация говорят о создании культурного Центра, в нижних этажах которого можно будет проводить соответствующие заседания.

Во-вторых, четко определились три возможные перспективы этого Центра: и по изучению культуры Серебряного века России, и по изучению культуры русского зарубежья, там будут фондироваться те многочисленные дары, которые мы сейчас получаем, а Фонд имеет едва ли не лучшее в стране собрание зарубежных изданий, которые нам подарены нашими зарубежными соотечественниками... Это является одним из последних наших дел (это происходило 25 дней тому назад).

В.П. НЕРОЗНАК: Дмитрий Сергеевич, я забыл сказать, что сейчас ведется большая работа по выставке «Дягилев и русский символизм», которую будет проводить <итальянский> фонд Чини и РМФК. Выставка будет иметь общеевропейское значение...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Почему Вы сказали «Дягилев и русский символизм»? Ведь Дягилев больше связан с «Миром искусства».

В.А. ДУДАКОВ[1]: Дмитрий Сергеевич, название совершенно точное.

Называя выставку «Сергей Дягилев и русский символизм», мы посчитали правомочным объединить художников многих направлений, связанных с Дягилевым и его деятельностью, под общим, хотя и недостаточно устоявшимся в изобразительном искусстве термином «символизм». В контексте выставки он обозначает определенный хронологический период конца XIX — начала XX в...

П.В. ФЛОРЕНСКИЙ[2]: Я представляю комитет «Возвращение забытых имен» и Сергиевский комитет[3]...

---

[1] Искусствовед, коллекционер, в то время руководил выставочным отделом Фонда, занимался организацией художественных выставок русского искусства за рубежом.

[2] Внук религиозного философа и ученого о. Павла Флоренского, один из руководителей программы Фонда «Возвращение забытых имен».

[3] Юбилейный Сергиевский комитет под председательством Д.С. Лихачева был создан Фондом в связи с 600-летием преставления прп. Сергия Радонежского.

Наш комитет и Фонд начали дело по возвращению имен городам, и нашими усилиями (по крайней мере, мы «шишки собирали») бывшему Загорску было возвращено его честное имя <Сергиев Посад>. Но нас в последнее время забеспокоила ситуация, когда нам раздали анкеты по поводу программ <Фонда>. Понимаете, я — эксперт Верховного Совета по Чернобылю. Как составляется экспертиза, я знаю. И вот когда стояли те вопросы — «когда Программа закончится?». Наша Программа не закончится никогда. «Какие доходы?» — Мы не будем давать доходы на Преподобном Сергии.

Нас забеспокоила эта ситуация... такой подход, который был сейчас декларирован научно — очень характерно, кстати, было подчеркнуто — *научно* обсчитать, сделать — это не научный подход. Мы сюда приходим не за этим, у нас есть места, где мы можем считать, мы работаем и считаем... Посмотрите, говорилось об издательстве Фонда культуры. Издательские доходы. По-видимому, это была какая-то операция — я так и не понял — что. По крайней мере, я вел верстку книги в этом издательстве, она должна была выйти в декабре — январе... Я звоню по всем телефонам, никого уже нет. Всё.

Второе. Меня перепугали разговоры о том, чтобы взять здание на баланс, а потом его сдавать в аренду. Это — известный способ существования бюрократических структур...

Мы — не коммерческая организация в принципе...

Почему мы ставим во главу угла эффективность? Это полезно, конечно, деньги нужны, но не это главное. Фонд культуры — единственный Фонд, по сути дела, просуществовавший не перепачканным денежными операциями. С нас хватит скандала с Детским фондом им. В.И. Ленина. За нами этого не числится, и давайте держаться в этом плане.

Более того, сделано громадное дело — приостановлены эти спекулянтские законы с нашей культурой. Так давайте в эту пробитую брешь бюрократии всем Фондом проходить и бороться за нашу культуру. Вот где мы можем и должны проявить себя!

И последнее, чтобы не кончать на минорной ноте. Вы знаете, когда я вошел и стал слушать доклад — что мне это

напомнило? Помните, в к/ф «Гараж» идут титры, и герой В. Гафта читает отчет об этом гаражном кооперативе?

Спасибо за внимание.

<...>

В.Я. ЛАЗАРЕВ[1]: ...В Ясной Поляне (мемориальной зоне) идет вырубка леса — не прочистка, а вырубка. Даже в революцию в 17-м году этого не было. Ведь это чудовищный признак того, что сейчас происходит.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Под Петербургом тоже все вырубается — и Павловский и Гатчинские парки, на этих местах сажаются огороды, устраиваются дачные участки. <...>

Фонд культуры в последние месяцы сократил сферу своей деятельности, меня не информируют о работе Фонда, ходят разговоры о развале Фонда. Я хочу высказать свои мысли о предполагаемой новой структуре Фонда и начну с «верхнего» этажа. Кроме Владимира Петровича <Нерознака>, который работает на полставки и, как научный работник, не может здесь проводить все время, должен быть человек — вот как Георг Васильевич[2], который приходит к началу работы и до конца здесь находится, оперативно решая все вопросы. Я думаю, что приглашать со стороны человека, который не знает Фонда, каким бы он ни был хорошим, нам не следует. Я бы предложил О.И. Карпухина сделать таким <заместителем председателя>, только предупредив о том, что он должен быть более самостоятельным, более решительным человеком в своих требованиях, так как по натуре своей он, видимо, человек мягкий и, как мне кажется, недостаточно решительно проводит некоторые вещи. Простите, я сразу говорю о том, как Вам следует измениться. Теперь остальные отделы, без которых Фонд не может существовать.

Это — отдел канцелярии при директорате, там достаточно двух человек — Людмила Петровна[3] и Светлана —

---

[1] Обозреватель журнала «Наше наследие», в Фонде руководил библиотечным советом.

[2] Г.В. Мясников покинул пост первого заместителя председателя Фонда 14 февраля 1992 г.

[3] Л.П. Суворова — референт первого заместителя председателя Фонда.

этого вполне достаточно. Затем то, на что я хочу обратить внимание, чтобы Фонд приобрел лицо культуры, не просто дворцовое помещение, чтобы люди, входящие сюда, чувствовали, что они попадают в культурную обстановку. Поэтому, помимо тех заседаний, которые мы могли бы бесплатно предоставлять интеллигенции (не писателям и художникам, которые перессорились между собой), именно интеллигенции, тем, кто хочет поговорить, побеседовать, поделиться мнениями о последних философских разработках Запада, на что у нас сейчас очень большая потребность, так как мы знаем философию эмигрантскую (она уже старая), а последние новинки нам неизвестны. Это помогло бы нам в издательской деятельности и т.д.

Так вот, здесь еще должен разместиться музей, огромные роскошные дворцовые помещения — это неприлично для Фонда благотворительности в обстановке голода и крайней нужды нашего населения. Все <представительские> расходы, обеды после представлений — этого не должно быть. Я очень ценю деятельность «Новых имен», но ускромнить эту деятельность именно в этом плане в нынешней обстановке, которая будет все более напрягаться, необходимо, особенно если показывать по телевизору что-то из еды. Это просто невыносимо для голодных зрителей. Это вызывает ненависть.

Значит, здесь должен размещаться музей. Я говорил с В.А. Пушкаревым[1], он сказал, что залов здесь вполне достаточно для размещения большого числа экспозиций. После этого мы будем просить еще большего помещения. Это выгодно. Почему? Это будет выгодно потому, что это будет музей, к нам будут приходить и нам будут дарить. Пока у нас существуют только запасники, серьезные художники нам свои вещи дарить не будут. Но когда художник будет видеть, что его вещи повешены, одну-две вещи он нам подарит обязательно. Кроме этого, мы сможем с большей уверенностью требовать из музейных фондов различные вещи для экспонирования. А что касается того, что на этих ду-

[1] Бывший директор Русского музея, в Фонде занимался проектом создания Музея современного искусства. См. об этом подробнее ниже.

бовых стенах развешивать полотна нельзя, то Василий Алексеевич <Пушкарев> сказал, что можно пригласить дизайнера, который установит стенды, и на этих стендах будет помещено большое количество полотен. Это будет большим событием. Мы нуждаемся в больших событиях в нашем Фонде, чтобы, скажем, в июне месяце было открытие Музея современного искусства. Это очень важно. Потом будем добиваться большего помещения, так как все приходящее к нам городское начальство будет видеть, что мы живем в тесноте и что часть вещей, а их, действительно, уже очень много собрано, не размещаются на стендах. Здесь, помимо хранилища, которое я сейчас посмотрел с П.П. Введенским, нужно будет еще помещение для хранилища, отдел директора, музей необходим во главе с В.А. Пушкаревым.

Затем — библиотека, архив необходим — здесь В.В. Леонидов[1], по-моему, блестяще справляется с этим (но читальный зал на одного человека — это не читальный зал). У него в очень хорошем состоянии каталоги, все фиксировано, все в сохранности и т.д.

Нужно только добиться, чтобы те дарения, которые мы получаем, те покупки, которые мы совершаем (скажем, от А.В. Савина[2] из Парижа), чтобы они сразу заносились в каталоги, а если они нужны для работы журнала <«Наше наследие»>, то мы можем их выдавать, но выдавать уже <за>-фиксированными в нашей библиотеке. Такого положения, чтобы дарения и покупки от А.В. Савина и от других лиц просто проходили в журнал и не фиксировались, — этого не должно быть. Итак, необходимы библиотека и архив, тем более что посол Чехословакии обещал нам содействие в получении материалов из пражских архивов, где очень много материалов о русской замечательной эмиграции, о русских ученых.

Затем нам нужна бухгалтерия.

Нужен международный отдел, во главе которого должен стоять А.Е. Гладков, очень хорошо себя показавший и

---

[1] Заведующий архивом-библиотекой Фонда.

[2] Владелец фирмы «Русский библиофил» в Париже, содействовал Фонду в приобретении архива Марка Алданова и других коллекций русского зарубежья.

действительно хорошо работающий. Нужен комендантский отдел (это я говорю пока о внешней стороне): охрана и уборщицы. Охрана должна быть хорошо поставлена, так как здесь будет музей. Во главе этого отдела — А.В. Краснощеков.

Далее — отдел дарений, хранений и выставочный зал, который неизвестно по какой причине был сдан в аренду. Мы нуждаемся в этом выставочном зале, особенно в связи с организацией музея. Выставочный зал кому-то передан, и мы теперь этому «кому-то» должны платить деньги, если у нас есть выставки. А выставки у нас постоянно, так что выставочный зал должен быть нашим и никаким сдачам в аренду он не подлежит.

Затем должен быть директор-координатор. Я думаю — это Владимир Александрович Быков. Дело в том, что мы все-таки остаемся Российским фондом культуры — это наш долг перед дарителями. Директор нужен, чтобы выяснять, координировать и т.д.

Программа «Малые города» нам не нужна, она неэффективна. По отдельным городам, как, скажем, Мышкин — мы можем обойтись без специального отдела. Там <в Мышкине> хорошие люди, хорошо организуют, ремонтируют Успенский собор.

Кстати сказать, помимо программ, которые я сейчас перечислил, у нас могут быть отдельные объекты, о которых мы печемся — это дом Цветаевой, это Шахматово[1] — мы должны взять его под свое покровительство, помимо государственного покровительства Министерства. Это обязательно нужно, т.к. это позорное дело для нашей страны, что там происходит, если мы не можем снять заведомого пьяницу, который там уже устраивал пожары. Могут быть еще несколько объектов, которым мы должны помогать.

Мы очень успешно помогаем Валааму[2].

---

[1] Музей-заповедник А.А. Блока в Подмосковье.

[2] По просьбе Святейшего Патриарха Алексия II в сентябре 1990 г. президиум Фонда при поддержке Д.С. Лихачева выделил значительную сумму (в то время равную 4 млн. долларов) на реставрацию Валаамского монастыря, переданного Русской Православной Церкви. См. публикацию об этом в сборнике «Памяти Д.С. Лихачева» (журнал «Русское возрождение». 2000. № 77/78. С. 322–329).

По всем суммам, которые мы давали Валааму, мы получаем отчеты с расписками, не общие отчеты, которые делает большинство. И дело идет там очень хорошо — я могу это подтвердить, и В.Г. Терентьев[1] великолепно справляется с этой работой.

Мы можем поддерживать восстановление отдельных церквей, можем вмешиваться, как организация, в вопросы передачи отдельной церкви священных предметов, но при этом мы должны консультироваться со специалистами. Конечно, у нас отношение к иконам несколько иное, чем в Католической Церкви, поэтому мы не можем выставлять мощи святых в открытом виде в музее, как это сделали, скажем, в Мюнхене — там есть такой реликварий, где выставлены кости и черепа, и они показываются. Это против традиций Русской Православной Церкви. Противоречит этим традициям и то, что почитаемые иконы просто висят как предметы искусства. Научный совет, который должен быть у нас, сможет решать, как организовать Храм на музейном режиме, потому что Храм — это показывает передача знаменитой иконы Богоматери в Софийский собор в Новгороде, где икона уже портится, — в Храме режим неподходящий, там все время меняется температура — на иконе Богоматери уже появились новые трещины. Поэтому найти форму, при которой икона будет и предметом почитания, и предметом музейного сохранения, музейного режима, — это необходимо, т.к. в провинции все меньше остается икон.

В Испании, где я недавно был, мне говорили, что международный рынок снова завален иконами, произведениями искусства из наших запасников, потому что тайно из запасников продаются и предметы искусства, и иконы, и редчайшие книжные издания, которые списываются под видом пожаров, то ли считаются дуплетами. Но книжные дуплеты в условиях XVIII в., когда книга правилась на печатном станке, — это очень важная вещь. И, кроме того, эти книжные дуплеты должны быть введены в ка-

[1] Помощник наместника Валаамского монастыря.

талоги, и по ним затребованы вещи нашего государства, а потом уже идти на продажу, хотя все-таки эта продажа невозможна.

Позавчера Б.Н. Ельцин зачитал текст, который я его просил прочесть, — о неотчуждаемости предметов культуры, в том числе — библиотечных, архивных и музейных — без специального решения научной комиссии, так как если мы будем это делать на паритетных основаниях, прежде всего пострадают республики, так как главным источником пополнения музеев в Белоруссии и на Украине, например, были русские запасники. А что такое запасники — я опубликовал статью полтора года тому назад.

Теперь программы Фонда. Что нам нужно оставить? Это прежде всего — Пушкинская программа.

Ко мне вчера в Литературном институте обратились с вопросом: готовы ли мы к юбилею Пушкина?

— Не готовы, — ответил я.

Это должна быть совместная работа Пушкинской комиссии Академии наук, которую я, к несчастью, возглавляю, и Фонда культуры. Мы даже не проектируем однотомника Пушкина, т.к. Пушкина нет в программе <изданий>.

Пушкинская программа хорошо осуществляется И.Ю. Юрьевой[1].

— Краеведческая — это очень важная программа. Кстати, она может быть доходной, потому что издательства по краеведению — настоящие издательства — не Козловское — они приносят доход. И я скажу, что в Ярославле библиографические издания местных краеведов продаются в газетных киосках как «Анжелика»: не порнография, не политические выступления, которые уже надоели, а настоящие краеведческие книги, которые интересуют не только местную интеллигенцию, но и рабочих. Эта программа может быть нескольких уровней. Хорошую помощь Сигурду Оттовичу <Шмидту> оказывает В.Е. Туманов[2].

---

[1] Старший эксперт отдела программ Фонда, ответственный секретарь ассамблеи Пушкинского общества.

[2] Первый заместитель председателя Союза краеведов России.

Программы «Новые имена» и «Возвращение забытых имен» — очень важные и перспективные программы.

«Малые народы»[1] — это очень важная программа, особенно в нынешней обстановке нарастающего национализма, т.к. приходится защищать малые народы от малых же народов, потому что, когда малые народы получают власть, они начинают империалистически уничтожать все другие малые народы на своей территории, т.е. то, чего не было в Российской империи, она сохранила 300 народностей, сейчас этих народностей около 200.

«Усадьбы и особняки»; «Классика»; «Топонимика»; программа «Родной язык». Идет обеднение языка, причем такое обеднение, при котором уничтожается ответственность за эти мысли. Это экспансия предлога «о». Не идея исполнения чего-то или восстановления чего-то, а идея об использовании, это факт мышления, человек боится назвать свою идею, свое намерение, он высказывает намерение «о» и т.д. Я специально записываю эти выражения. Идет обеднение языка и снижение чувства ответственности за сказанное, благодаря, с одной стороны, иностранным словам с неправильным ударением, т.е. с неправильным пониманием, например, абсолютно неправильное понимание слова «эпицентр», «эпицентр землетрясения» — это правильно, а у нас слово «эпицентр» используется в абсолютно ненормальных условиях. Так что здесь должна быть и служба языка. Мы должны организовать службу языка просто по телефону (не все умеют правильно говорить); чтобы подготовиться к выступлению, человек должен справиться, как правильно поставить ударение или как правильно склонять числительные. Это нужно.

Итак, «Родной язык» — А.И. Ведерникова[2], «Топонимика» — А.И. Ведерникова, «Усадьбы и особняки» — все это очень важно.

---

[1] Экспертом Фонда по этой программе был В.И.Тютюнник, руководил Научно-общественным советом Э.Р. Тенишев.

[2] Главный эксперт отдела программ Фонда. Также занималась упомянутой выше программой «Возвращение забытых имен» и юбилейным Сергиевским комитетом.

По каждой из этих программ нам нужно будет поговорить и выделить самое главное.

Вот приблизительно те программы, которые необходимо сохранить, я считаю. Может быть, вы меня поправите.

«Шелковый путь» нужен, поскольку он не приносит нам никаких особых расходов. С этим я согласен. Это международная программа, объединяющая нас <Российский фонд культуры и фонды культуры новых независимых государств Средней Азии>.

И в заключение я должен сказать следующее: мы сохранимся как страна, как страна культурная, а не будем нависать над Европой, как Африка, если мы сохраним нашу культуру, если мы сохраним единство нашей культуры и, в первую очередь, если сохранится русская культура. Я говорю это не из представления о том, что русская культура выше остальных культур, но факт тот, что учебники высшей школы, сложные темы в книгах и т.д. — все они имеют русскую терминологию, все они написаны по-русски. Все жители нашей бывшей территории, если они не будут владеть русским языком, если они будут воевать с русским преподаванием (на русском языке), они потеряют очень много. Это забота и о всех республиках, которые от нас отошли. Иначе они будут полупровинциальными культурами. Я приведу только один пример, который я позавчера приводил на общем заседании отделения <литературы и языка Академии наук>.

Что получается? Если мы будем разделять (правда, сейчас Б.Н. Ельцин исправил это положение и прочел целый абзац, посвященный исправлениям положения, которое им было подписано — этого невероятного соглашения о разделении имущества по государственному происхождению, по государствам, которые 70 лет жили вместе), то неизвестно, что получится. Итак, я приведу только один пример. Я не буду говорить о том, что Белоруссия лишится всех своих культурных богатств, потому что мы их затребуем — они из наших фондов. Лишится своих богатств Украина, так как мы затребуем Музей русского искусства, поскольку там он со-

здан на основе фондов Третьяковской галереи, Русского музея и других музеев и фондов Министерства культуры (и там есть первоклассные вещи), и они не будут знать русского искусства. Мы затребуем Музей западного искусства из Армении, так как он создан Орбели из фондов Эрмитажа. Сами мы лишимся Эрмитажа как культурного явления, не отдельных произведений – Эрмитаж перестанет быть тем, чем он является сейчас. Произойдет мешанина, перемещение произведений искусства, которое приведет к тому, что пропадут вещи, пропадут и буквально, потому что кражи совершаются тогда, когда перемещаются музейные собрания, а также потому, что мы не будем знать, где какая вещь находится. Следовательно, изучение и старые исследования по вопросам искусства пропадут, поэтому все эти перемещения должны быть запрещены. И Борис Николаевич прочел этот абзац о том, что только с его утверждения, на основании выводов специалистов могут быть переданы те или иные вещи к нам или от нас.

Но пример, который я хотел привести, заключается в том, что несколько лет назад я хотел организовать Музей Т.Г. Шевченко в Петербурге, тогда – в Ленинграде, поскольку большую часть своей жизни он провел в Петербурге. И оказалось, что все произведения Шевченко, написанные им в Петербурге, переданы уже давно Украине, не осталось ни одной вещи, в том числе скульптурных изображений Шевченко, которые были созданы современными скульпторами, – и они переданы. Ни одной вещи для музея, для комнаты его в ателье в Академии художеств не может быть собрано. И Шевченко таким образом превращается из поэта мирового масштаба в поэта провинциального, поскольку все будет сосредоточено только на Украине. Ну и что же? Можем поздравить украинцев с тем, что они потеряют Шевченко как мирового поэта, хотя приобретут все его вещи. Это позиция некультурных людей. Точно так же и мы не должны, я это неоднократно показывал и доказывал, требовать возвращения всех <произведений> русских художников в Россию. Надо заботиться только о том, чтобы за рубежом были созданы отделы русского искусства. И, кстати сказать, я очень хочу возбудить вопрос

о том, чтобы Национальная галерея в Вашингтоне, где указывается происхождение той или иной картины «Из собрания Меллона»[1], допустим, подписали «Эрмитаж», поскольку в собрании Меллона этого не было, не было выставки, не было музея, это не повлияло на американское искусство, а в русском искусстве эти вещи отразились во многих произведениях наших художников, на них учились. Эрмитаж был школой русских художников так, как малые голландцы — для передвижников, а «Портрет папы Иннокентия» — для Репина, Репин на нем учился и сам в этом признавался (на незавершенном портрете Иннокентия). Это приблизительно то, что я хотел сказать.

Теперь — что касается источников средств существования. Прежде всего, я должен сказать, что мы — Фонд культуры и не должны прибегать к заработкам на произведениях культуры, которые нас позорят (или безвкусных, или порнографических, или детективных и т.д.). Наша издательская программа, которую я мыслил как коммерческую (а это возможно), должна строиться на определенном плане, не плане перечисления такого «джентльменского» набора, которым пользуются все издательства, а на том, что мы хотим сделать в нашем плане главным. Что? Краеведение, например. Это очень важный вопрос, и это может быть доходным делом, или еще какое-то направление в культуре, которое может нам давать доход. Сейчас уже люди устали от той литературы, которая издается и продается на каждом углу и в метро. Устали от этого. Им этого не нужно, они не покупают этого, это всё момент. Значит, нам нужно привлечь к издательскому делу людей, которые знают спрос, знают книгу по-настоящему, знают неизданные рукописи. Нам надо восстанавливать нашу культуру из наших архивов и даже из архивов КГБ, где хранятся многие изъятые рукописи наших замечательных людей, которые подверглись аресту.

---

[1] Эндрю Меллон — посол США в СССР, в 1930—1931 гг. скупил за бесценок шедевры живописи Эрмитажа, пущенные в продажу советским правительством (в настоящее время в составе его коллекции — в Национальной галерее в Вашингтоне).

Там при обысках были отобраны рукописи. В частности, я нашел свою студенческую работу 1927 г.[1] недавно в архиве КГБ, делал доклад по ней в Институте русской литературы, который собрал очень много людей, т.к. хотели увидеть меня не только 86-летним, но и в 20-летнем возрасте, в котором я писал эту работу.

Так вот, нам нужно к нашей коммерческой деятельности привлечь выдающихся наших промышленников, и если не всех, кого я перечислил, то, может быть, часть из них согласится принять в нас участие. Ведь мы — не специалисты в коммерческой деятельности, вы извините меня, но это так. Нам нужны сейчас работающие коммерсанты, которые могли бы нам помочь, посоветовать. Но почему нам не привлечь сейчас Святослава Федорова с Владиславлевым, почему нам не привлечь в состав нашего Фонда Руцкого — нашего вице-президента?

РЕПЛИКА ИЗ ЗАЛА: Он очень занят, у него свой фонд.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Тем более он сможет помочь. Мы не будем <его> заставлять сидеть в Фонде, мы предложим ему помочь нам. Далее — Марка Захарова, который охотно идет на такие дела. Наконец, необходимо установить контакт с С.Б. Станкевичем. Ведь он курирует культуру Москвы. Тем более что он сможет нам не только посоветовать, но и помочь во многих вопросах. И наше взаимоотношение с Министерством культуры не должно быть отношением подчинения или совместных программ и т.д. Мы должны размежеваться: что мы берем на себя и что оставляем Министерству культуры. Также мы должны разграничить свои функции с Обществом охраны памятников. Я думаю, что Станкевича нужно ввести в президиум, хоть он и курирует уже культуру Москвы.

---

[1] Д.С. Лихачев в 1992 г. был официально реабилитирован и признан жертвой незаконных политических репрессий. По существующим правилам при этом он был ознакомлен с материалами своего дела 1920-х гг. в архиве КГБ. Оттуда он получил копию своего доклада о старой орфографии, изъятого при аресте в 1928 г. Полную публикацию текста доклада см. в сборнике «Памяти Д.С. Лихачева» (журнал «Русское возрождение». 2000. № 77/78. С. 26—38).

Кроме Никиты Михалкова, нам нужно привлечь Элема Климова. У нас в Фонде должны быть имена.

В Оксфорде устраиваются выставки 1000-летия России, и мы могли бы устраивать очень много интересных выставок, когда будем обладать достаточным авторитетом, которым когда-то обладали.

Затем совершенно ясно, что нам нужно заново организовывать издательскую деятельность, а затраченные нами средства на Козлова и его предприятие затребовать через юриста — и это нужно делать немедленно, и через юриста установить разграничение с «Нашим наследием». Журнал «Наше наследие» не обращался ко мне ни одним телефонным звонком в течение полугода. Уже это показывает, что журнал считает себя отдельным, и я не могу его считать нашим журналом. Поэтому я установил контакт с очень важным журналом, русским журналом по российской тематике. Это — журнал «Русская литература», который будет печатать все наши официальные материалы — списки дарителей и т.д., т.е. то, что печатал журнал «Наше наследие».

Журнал «Наше наследие» забыл, сколько труда я потратил на его создание, на то, чтобы вырвать Енишерлова из «Огонька» (полгода), а теперь он меня не признает, и я считаю это актом величайшей неблагодарности. Простите, я давно это хотел сказать, но не решался, теперь я об этом сообщаю. То, что я не могу сказать это Енишерлову в глаза, — это его вина. Во всяком случае, у меня есть номер телефона в гостинице, он мог меня предупредить <что не будет на этом заседании>. Это систематическое отсутствие Енишерлова, систематическое отсутствие информации о журнале, о его проектах, которые все-таки должны согласовываться со мной, говорит о том, что этот журнал не наш. И мы должны потребовать, чтобы наша марка на этом журнале не стояла. Но не только это. Мы не должны ни в коем случае оплачивать расходы Енишерлова, которые он должен возмещать себе сам. Если он желает быть отдельно, пусть он отдельно и существует.

Журнал «Русская литература» — не единственный журнал, который будет у нас издаваться, параллельно будет субсидироваться журнал «Русская речь», это очень важный журнал

при нынешних обстоятельствах. Вот два этих российских журнала. Вот приблизительно то, что я за эти дни наметил, хотя имел другие заботы по сохранению нашей культуры. Вот моя программа, предлагаю ею уже руководствоваться, пользоваться.

Теперь я хочу поблагодарить председателей наших комиссий за проделанную работу, т.к. нам нужно уже спокойно начинать работать по этой программе, не особенно разрушающей существующую структуру, а констатирующей некоторые вещи.

Спасибо!

В.С. ЧЕРБИЧЕНКО[1]: Дмитрий Сергеевич, ничего не прозвучало о музейном отделе и отделе выставок. Нас работает всего три человека уже 4,5 года, мы организовали более 100 выставок за рубежом и здесь, мы работаем с коллекционерами. А Вы ничего не сказали, где мы будем, как мы будем работать?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Говоря о выставочном зале, я, очевидно, пропустил о выставочном отделе, который, конечно, обязательно должен быть, я передам это Владимиру Петровичу <Нерознаку>.

В.В. ЛЕПЕШИНСКИЙ[2]: Дмитрий Сергеевич, при перечислении основных программ в Вашем выступлении ничего не прозвучало об уникальных исторических территориях.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вопрос об уникальных исторических территориях — очень важный вопрос, но он должен решаться Обществом охраны памятников архитектуры в целом. Мы можем этому помогать. Мы должны выходить за пределы программ в помощи восстановлению отдельных церквей, например, но брать на себя такую важную и очень расходную статью, как уникальные территории, мы не можем. Но в наших изданиях, на нашем научном Совете эти вопросы должны подниматься.

В.В. ЛЕПЕШИНСКИЙ: Т.е. Вы рекомендуете изъять эту тему?

---

[1] Сотрудница-эксперт выставочного отдела Фонда.

[2] Заведующий отделом программ Фонда.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, я не предлагаю ее изъять, в организационном плане изъять, т.к. в организационном плане мы за это отвечаем. Если есть какая-то организация, занимающаяся каким-то вопросом, то нам будут «отфутболивать» все вопросы по этой теме, а их очень много, и нам это не по средствам. Мы должны волноваться по этому поводу, проявлять инициативу, но не должны брать на себя этот груз ответственности. Мы — маленькая пока организация.

В.В. ЛЕПЕШИНСКИЙ: Дмитрий Сергеевич, а как Чернобыльская программа, как «Декабристы»?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Чернобыльская программа, я с самого начала об этом говорил, — это программа чрезвычайно важная, это программа наших центральных областей и зараженного Севера и т.д. «Декабристы» будут входить в наши программы.

В.Я. ЛАЗАРЕВ: А вот Совет содействия библиотечному делу? Музейный совет?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Должен быть, простите, я это пропустил. Музейный совет, кстати, не очень активно проявил себя в этих возмутительных актах (последнем и предпоследнем) о разделе музейных ценностей и о возможности передачи нерентабельных музеев на распродажу и приватизацию через аукционы.

Т.И. АНДРОНОВА[1]: Дмитрий Сергеевич, я же Вам лично звонила, я же Вам сказала об этом акте, о законе. Вы мне продиктовали Ваше мнение, я его оформила в телеграмму, участвовала в заседании в Третьяковской галерее, прочитала Вашу телеграмму, ее напечатали газеты. И это сыграло большую роль. Так я не поняла — остаемся мы или нет — Музейный совет?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Прошу у Вас прощения, Вы остаетесь, Тамара Ивановна.

В.Я. ЛАЗАРЕВ: Дмитрий Сергеевич, у меня два слова. Редакторат <журнала «Наше наследие»> и Енишерлов просили передать, что у нас у всех ощущение, что мы журнал Фонда культуры. Просто сейчас идет период поиска.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Но у меня нет этого ощущения, т.к. поиски должны вестись вместе со мной. Передайте это Енишерлову.

---

[1] Ответственный секретарь Музейного совета Фонда.

Ю.С. КИРЬЯКОВ[1]: Дмитрий Сергеевич, все-таки непонятна роль членов президиума. Надо понимать, что президиум все-таки состоялся?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, не состоялся. Это — рабочее заседание, обмен мнениями.

Ю.С. КИРЬЯКОВ: Я присутствую, наверно, уже на четвертом президиуме, либо несостоявшемся, либо неподготовленном, после конференции.

Идя на эту конференцию в ноябре месяце, мы сделали очень большую работу. Я думаю, и аппарат Фонда, и те, кто вошел в состав нового Совета президиума, сейчас не понимаем своей роли. Три неподготовленных заседания президиума были посвящены принятию структур, сегодня мы, не обсуждая, завершаем работу двух комиссий и принимаем Вашу программную декларацию, опять же не обсуждая и не обмениваясь мнениями как члены президиума. Дмитрий Сергеевич, при всем искреннем уважении к Вам, в Вашей декларации есть вопросы, которые требуют обсуждения. Даже маленький вопрос — отдать то, что принадлежит по заслугам Фонду, т.е. его журнал, — просто так, я считаю, решить невозможно.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, невозможно. Поэтому я и сказал, что нужно обратиться к юристу, надо выяснить, чья это собственность. Вы считаете, что это — собственность Фонда, другие так не считают, и надо поэтому разобраться с юристом.

Ю.С. КИРЬЯКОВ: Это — частный вопрос. Я хочу использовать эту редкую возможность встречи с Вами для того, чтобы обменяться мнениями с членами президиума по важнейшим вопросам, они сегодня декларированы, в том числе и кадровые вопросы, — и завтра они должны быть выполнены.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, это только для размышлений.

В.П. НЕРОЗНАК: Здесь ситуация очень ясная. В обстановке высшей открытости и гласности мы провели не только узкое, закрытое заседание президиума, мы привлекли всех, кто в этом заинтересован, это — наши активные интеллек-

[1] Член президиума Фонда в 1991—1993 гг., председатель Екатеринбургского областного фонда культуры.

туальные силы, члены Совета, руководители разных направлений, поэтому я хочу сказать, что мы использовали присутствие Дмитрия Сергеевича, чтобы обсудить нашу генеральную линию...[1]

Стенограмма заседания президиума Совета РМФК 10 июня 1992 г.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, прежде всего я хотел бы начать с вопроса приятного – Д.В. Сарабьянов, которого вчера выбрали в Академию наук единогласно (он уже академик), и Б.В. Раушенбах предложили нам проявить инициативу в таком вопросе: как вы знаете, сейчас премии Ленинские и прочие отменены, то они предлагают, чтобы эти премии были возобновлены на общественной основе, т.е. чтобы Фонд наш и некоторые другие фонды стали учредителями таких общественных международных крупных премий. Они берутся добыть деньги. От нас эти деньги не требуются; будет создана организация, ими возглавляемая – Раушенбахом и др. Это люди серьезные. От нас требуется только согласие, что мы войдем в комиссию по определению премий, которые (они надеются) будут приравнены к Нобелевским премиям. Может быть, они <и> не будут равными впоследствии Нобелевским премиям, но, во всяком случае, наличие в России таких премий (международных), которые будут даваться не только гражданам Российского государства, мне кажется очень важным и очень престижным для нас. Нам нужно сейчас позаботиться о престиже нашего Фонда, и это – один из способов поднять падающий его престиж.

Ну как? Вы согласны с этим или нет? Я только вчера получил это предложение, поэтому я ни с кем не делился этим – и Владимир Петрович <Нерознак> не знает об этом, и никто из присутствующих. Кто хотел бы по этому поводу высказаться?

---

[1] Архив РФК. Т. 12. Д. № 72.

С.О. ШМИДТ: Конечно, с этим нужно согласиться и порадоваться этому. Но хотелось бы, чтобы там ясно было всем, что именно наш Фонд является одним из инициаторов и учредителей и чтобы вместе с именами Раушенбаха и Сарабьянова было бы Ваше имя. Оно олицетворяется не только с культурой, но и с руководством нашего Фонда.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, там не будет имен, там будут учреждения, фонды. Сейчас я вам скажу, какие фонды он предполагает: наш Фонд, затем — Российская академия художеств, Международная конфедерация творческих союзов стран СНГ, а также индивидуально выдающиеся мастера искусства, которые наряду с представителями творческих организаций вошли бы в состав правления Фонда международных художественных премий. Одним словом, это предложение, хотя оно и большое, оно еще не доработано. В принципе, я думаю, нам нужно согласиться. А там и Устав нужно составлять и искать денежные средства — они обещают. Так что, я думаю, нам нужно согласиться, это будет очень для нас престижно.

Теперь у нас 1-й вопрос — об Информационно-издательском центре «Наше наследие» <...>

Е.В. ЗАГРЕБНЕВ[1]: ...Президиум вправе изменять Устав <Центра>, принимать новый Устав, в т.ч. ликвидировать, реорганизовывать данное предприятие, не сообразуясь с противозаконными требованиями <его> Устава, а руководствуясь исключительно действующим законодательством и Уставом Фонда.

ВОПРОС: А кто визировал этот документ < Устав Центра>?

Е.В. ЗАГРЕБНЕВ: Здесь визы нет.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Визировал это постановление президиума я.

В.П. НЕРОЗНАК: Нет, Дмитрий Сергеевич, Вы не визировали, Вы констатировали решение президиума, а, я думаю, речь идет о том, кто юридически готовил документ <о создании Центра>. Вот это важно. Именно этот вопрос

---

[1] Юрист, член ревизионной комиссии.

важен, так как президиуму дали несовершенный и ущербный Устав.

<...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: И, кроме того, так как изменились Устав нашего Фонда и название Фонда, все это должно быть перерегистрировано. Надо сказать, что протокольный отдел нашего президиума работал чрезвычайно плохо, я об этом несколько раз говорил. Даже не было пагинации страниц <протокола>, после заседания президиума вставлялись новые решения, без <ведома> председателя; одна только подпись была в конце протокола и т.д. Все это давало возможность изменять решения президиума на каком угодно этапе. Брали в бухгалтерии изменения и вставляли без моей визы. Значит, Вы предлагаете?..

Е.В. ЗАГРЕБНЕВ: Либо внести изменения и дополнения в данный Устав, либо утвердить Устав <Центра> в новой редакции и перерегистрировать его... в соответствии с действующим законодательством и Уставом Фонда. ...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Тогда мы поступили таким образом: новый Устав был роздан всем членам президиума. Таким же образом мы можем утвердить новый Устав. Утверждаем поднятием рук?

Е.В. ЗАГРЕБНЕВ: Если разрешите, я хотел бы сказать несколько слов об этом Уставе... учитывая, что благодаря пока существующему, пока действующему пункту о предпринимательской деятельности действующего законодательства и Устава Центра были созданы условия для разного рода злоупотреблений, мы специально в новом Уставе сделали всевозможные поправки... право назначать руководителя предприятия относится к компетенции президиума...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я предлагаю тогда сделать новым председателем ИИЦ опытного человека, человека с огромным издательским опытом — директора издательства «Книга», с которым я пытался завязать отношения (и еще с этим издательством «Книга») в самом начале, когда только создавался Фонд культуры, когда он находился еще в Собиновском переулке, — Виктора Николаевича Адамова. Ведь

Виктор Николаевич здесь? Пожалуйста, Виктор Николаевич, Вы согласны? Вы согласны помочь нашей работе?

В.Н. АДАМОВ: Время сейчас, конечно, не самое лучшее и здесь, и вообще, но поскольку мы давно сотрудничаем с Дмитрием Сергеевичем, и в общем-то наше направление книгоиздательской политики совпадает с интересами Фонда, я готов приложить все силы, чтобы исправить ситуацию — и чтобы в совместной деятельности нашей издательской группы и Фонда культуры достичь приемлемых и культурных, и экономических результатов.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Спасибо. Я хочу сказать несколько слов об издательской деятельности Фонда. С самого начала я предполагал, что этим будут заниматься профессионалы, профессиональные коллективы, и с самого начала мы вели переговоры с издательством «Книга» о том, чтобы нам была передана часть редакций (2 или 3) издательства «Книга», в которых имеются профессиональные экономисты, профессиональные технические редакторы, редакторы, корректоры — профессиональная группа. Издание книги — это гораздо более сложная и ответственная вещь, чем издание даже журнала. Поэтому профессионализм здесь непременно должен быть. И так как у нас находится в бедственном положении целый ряд профессиональных отличных издательств с хорошей мировой славой, то зачем нам создавать новое издательство из непрофессиональных работников? С профессиональными издательствами, такими как лучшие из издательств «Книга», «Искусство», я предполагаю начать новые отношения, не создавать нового издательского центра с собственным аппаратом, который будет «съедать» очень большое количество средств и который должен будет вновь начинать работать друг с другом, притереться друг к другу. А начать работу на следующих основаниях: мы заключаем договор на ту или иную книгу в издательстве «Искусство» или в издательстве «Книга». По этому договору мы оплачиваем, допустим, бумагу, т.е. даем деньги на совершенно конкретную вещь, по которой получаем расписку. Здесь злоупотребления уже невозможны. Это не общая сумма с общими расхо-

дами, это деньги, допустим, на бумагу. И затем выручку от этой книги даем на следующие книги. Таким образом нет смысла издательству вносить в расходы по книге какие-то дополнительные расходы по другим книгам, по охране помещения, допустим, по невыполненному заказу и т.д. Потому что выгоду от издания книги оно получает на издание следующей книги.

Вчера вечером я поехал в издательство «Искусство», мы там были и рассматривали те книги, которые уже подготовлены и могли бы выйти и с нашим грифом, т.е. гриф издательства сохраняется и гриф Фонда культуры — не какого-то Центра «Наше наследие», которому нужно догадываться, кто помогает. Это — лицо нашего Фонда культуры, и поэтому очень важно, чтобы прямо было написано не «Наше наследие», не какое-то там новое придуманное издательство, а Фонд культуры, Российский международный фонд культуры.

Так вот из всех книг мы выбрали две. Это готовая уже к изданию, но не имеющая бумаги — это самое полное издание Малевича со статьей Д.В. Сарабьянова. Лучшего специалиста мы придумать не можем. Это человек, пользующийся мировым авторитетом. Это — одно из наиболее полных изданий всех произведений Малевича, в том числе и его раннего периода, когда он еще был импрессионистом и постимпрессионистом и т.д. Это издание может выйти уже к сентябрю месяцу. Ну, допустим, оно выйдет в сентябре, потому что оно ждет только бумаги — всё остальное там есть. Мы должны дать деньги на бумагу, мы рассчитали, что мы от него получим и международный доход — в валюте, и в своей стране. Стоимость этой книги, в общем условная, дешевая стоимость... Бумага будет стоить 3 млн., тут предусматривается картон, ткань и т.д. Полная стоимость издания — 6 млн. 185 тыс. 900 рублей, тираж — 25 000. Мы думали — 50 или 25 тыс., но решили остановиться на 25 тысячах пока. Если мы успеем, скажем, к Дягилевской выставке, куда в Венецию приедут богатые люди, то это было бы совсем хорошо, но этого мы не можем гарантировать — издательство не может гарантировать выпуска.

Доход, который мы рассчитываем получить, мы истратим тогда на книгу В.А. Вагнера о духовности в русской живописи[1]. Это, главным образом, Александр Иванов, Нестеров, Васнецов и т.д. -- XIX век. Книга сейчас очень важная, и на нее мы тоже поставим два грифа: издательства «Искусство» и наш — Фонд культуры. Так же точно мы условимся на некоторые <другие> книги, актуальные, важные для подъема нашей культуры.

В издательстве «Книга» на каждое издание мы будем заключать договор, отдельный договор, причем деньги будем давать не вообще на поддержание книги, а на конкретные покупки — бумаги, техники и т.д., и в доходе нашем будет заинтересовано само издательство, потому что доход от нашей книги будет идти не нам, а на издание следующей книги.

Таким образом мы создадим большое издательское дело Фонда культуры на строго профессиональной, проверенной многолетним опытом наших лучших издательств, основе. На проверенной основе, а не на основе привлечения мало кому известных людей и мало опытных издательских работников вновь создаваемых издательств. Когда гибнут хорошие издательства, мы таким образом поддержим и издательство, и поддержим наш Фонд, создадим «лицо» Фонда, потому что «лицо» Фонда создается главным образом издательской деятельностью.

В связи с этим у меня есть еще одно предложение — тот Издательский центр, который существует непосредственно при Фонде, может издавать только буклеты, приглашения, и не больше. Совершенно случайно в Ленинграде, в метро, я купил «Калиостро»[2], и на нем стоит гриф Пушкинского общества, причем так написано: «Издание осуществлено в интересах Пушкинского общества». Я чрезвычайно расстроился, потому что издавать «Калиостро» ради Пушкина, когда Пушкина самого не имеем возможности изда-

---

[1] Вагнер Г.К. В поисках истины. М.: Искусство: Российский фонд культуры, 1993.

[2] Имеется в виду книга известного писателя русского зарубежья Ивана Лукаша «Граф Калиостро».

вать, – это... Ну, я не буду употреблять сильных выражений, эти сильные выражения у меня сразу навертывались на язык, когда я увидел это издание. Причем это издание сделано без моего согласия, без сообщения мне.

Я должен сказать, что у меня есть издательский опыт с отроческих лет, потому что я вырос при типографии, я возглавлял ряд издательств <изданий> как «Литературные памятники», где больше 600 наименований вышло, я возглавляю ежегодник «Памятники культуры – новые открытия», я возглавлял гуманитарную серию, научно-популярную серию Академии наук, издательства Академии наук. В издательстве Академии наук я работаю непрерывно, постоянно и как редактор, и начинал как корректор и т.д. Поэтому я это дело знаю, и я буду куратором издательского дела, я на себя беру кураторско-издательское дело, и никакие издания, минуя меня, не смогут выходить в нашем Фонде. Вот такое мое решение.

Причем из двух книг вы можете выбрать. Может быть, согласитесь со мной, что выгоднее издать книгу Вагнера – она меньше по объему, но думаю, что больший успех будет все-таки у Малевича, потому что впервые это будет полная книга о Малевиче. О Малевиче вышло несколько книг – эта книга будет лучшей, с лучшим известным мировому сообществу специалистом – академиком Сарабьяновым. Вот такие мои предложения.

<...>

М.Д. СЕРГЕЕВ[1]: Я еще хотел бы добавить. В новом варианте Устава <издательского центра> нет того пункта, о который мы споткнулись в предыдущем Уставе, – о связи с отделениями Фонда на местах. А ведь определять тиражи можно и с нашей помощью. Если в Уставе Центра будет записано, что он информирует Фонд культуры и все его отделения о планах своих изданий, то ведь будет обратная связь, а это очень важно.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Это тоже разумно. Марк Давидович, мне кажется, что это мы можем предусматривать в до-

[1] Председатель Иркутского фонда культуры, член президиума РМФК.

говоре на каждую отдельную книгу, т.е. на каждую книгу мы заключаем договор. Дело в том,что мы не только возлагаем ответственность за распространение книги, мы по мере сил должны помогать распространению книги, т.е., я думаю, Владимир Петрович <Енишерлов> не откажется печатать в своем журнале объявления о выходе этой книги.

Теперь относительно Малевича и предпочтительности его. Я говорил с Мариной Бенцони, которая в курсе этих дел, о колоссальном интересе к Малевичу именно сейчас, и надо сказать, что на мировом рынке сейчас, как мне говорили, идет большое падение интереса и цен на русский авангард, но не на Малевича. Это единственный автор, который выдерживает конкуренцию сейчас. Но в чем соль этой книги? Там будут печататься произведения Малевича, которые не печатались, а Владимир Петрович знает, что, когда первый раз были на аукционе Сотби или Кристи (я сейчас не помню) отдельные брошюры Малевича, изданные в Витебске, которые имели какой-то тираж (300—400 экз.), <они> продавались по 100 тыс. долларов, т.е. 70 тыс. фунтов. Это тиражированные...

В.П. ЕНИШЕРЛОВ: Эта монография на каком языке будет издана?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: На русском и будет на английском. Первое издание будет на русском. Гарантируется хорошее воспроизведение <иллюстраций>. Сейчас повысился интерес к русской реалистической живописи и русской религиозной живописи, и этот интерес стал актуальным и в нашей стране, но я думаю, что всё-таки книга Вагнера не будет такой импозантной (вы смотрели макеты этих книг), чтобы она сразу смогла завоевать мировой рынок. Малевич, мне кажется, сразу завоюет рынок. Но мы должны списаться с представителями <за рубежом> — с А.В. Савиным[1] и др.

В.П. НЕРОЗНАК: Речь, вероятно, идет о проведении маркетинга. Если провести маркетинг, конечно, можно начинать такое большое дело.

---

[1] А.В. Савин — владелец фирмы «Русский библиофил» в Париже.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, нужно все-таки начинать с импозантного дела, а не с третьесортного, чтобы сразу же поставить наше издание на определенный уровень. Это так же точно, когда художник выставляет в первый раз свои картины, он назначает очень высокую цену, потому что от этой высокой цены идет дальше цена на его картины. Он рискует, конечно, но в дальнейшем его картины идут уже исходя из той цены, которая была первоначально им установлена. Мы можем выпускать дополнительные тиражи книги и т.д. <...>

И таким образом, мы будем организовывать издательскую деятельность из расчета: первые 10 книг — это будут наши пожертвования — мы жертвуем на многие издания, на многие предприятия, на восстановление и построение церквей и т.д. Но это не дает нам нашего лица. Наше лицо должно быть восстановлено хорошими научными, с научным аппаратом, хорошими изданиями. Это даст лицо Фонду, поэтому хотя бы и мало, но лучше сделать хорошо и дорого.

В.Н. АДАМОВ: Я подготовлю такую программу, и заодно мы отработаем типовой договор взаимоотношений Фонда с издательством.

<...>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Значит, мы решили. Теперь у нас к Владимиру Петровичу Енишерлову <вопрос> по «Нашему наследию». Так как это уже лицо нашего Фонда. Если издательская деятельность нам лица Фонда не дала никакого и даже с убытком для нашего Фонда это произошло, то журнал пользуется очень большой популярностью, это можно слышать по тем вопросам, которые мне задают, когда меня узнают на улицах: когда же будет, наконец, журнал?[1] И в Петербурге, и в Москве, и т.д. Поэтому мы очень заинтересованы в этом журнале. Это — лицо нашего Фонда.

<...>

---

[1] После гибели Роберта Максвелла на время приостановилось издание журнала «Наше наследие», печатавшегося на базе и за счет корпорации Максвелла. В 1992 г. вышел только один номер журнала.

Я хочу напомнить, что когда мы затевали издание журнала «Наше наследие» в Англии, то ведь в конце концов мы хотели его перевести к нам и сделать издание не убыточным для Фонда, т.е. не компенсируемое Максвеллом, Фондом или другими.

В.П. ЕНИШЕРЛОВ: Дмитрий Сергеевич, издание, к сожалению, будет убыточным для кого бы то ни было обязательно, потому что такой тип журнала очень дорог... Такие издания дотируются спонсорами, общественными организациями, государством. Вот поэтому мы и задержалась — мы хотели найти спонсора и, слава богу, кажется, нашли.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, прекрасно. Если спонсор будет и если журнал будет печататься у нас в России, то это будет совсем хорошо, потому что помните, сколько было неприятностей с доставкой журнала? <...>

В.П. НЕРОЗНАК: Владимир Петрович, я знаю, что у Вас возникла идея, чтобы редколлегией стал коллектив.

В.П. ЕНИШЕРЛОВ: Нет, не редколлегией, мы должны создать редакционный совет...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Который бы собирался, а не был бы чисто формальным.

В.П. ЕНИШЕРЛОВ: У нас всегда собирается рабочая редколлегия, а уже Редсовет из сотрудников, который ведет непосредственно номер, он будет каждую среду функционировать. На следующем президиуме мы должны будем составить такой Редсовет во главе с Вами и утвердить. Там как раз и Сарабьянов, и Иванов, и Васильчиков[1]...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Лаврова не забудьте, Лавров — замечательный специалист, очень скромный, Вацуро[2]. Они — знатоки архивов, они могут дать из архивов чрезвычайно интересный материал.

В.П. ЕНИШЕРЛОВ: Я знаю.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Какие будут вопросы? Нет вопросов?

В.П. ЕНИШЕРЛОВ: Дай Бог, чтобы всё получилось.

<...>

---

[1] Князь Г.И. Васильчиков, советник Фонда Оппенгеймеров.

[2] А.В. Лавров, В.Э. Вацуро — научные сотрудники ИРЛИ РАН.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: В связи с юбилеем А.С. Пушкина нам придется считаться с правительственной программой празднования этих юбилеев, с Комиссией, которая создана, которая создается. И в связи с этим у меня просьба ко всем присутствующим: так как я не могу быть одновременно и председателем Общества Пушкинского, и председателем Пушкинской комиссии Академии наук, и председателем предполагаемой комиссии по празднованию юбилея, дать мне возможность иметь по Обществу моего научного заместителя — Наталью Ивановну Михайлову. Наталью Ивановну представлять нечего — она автор более 100 научных работ по Пушкину, и мне с ней будет очень удобно работать, потому что она связана с Пушкинской комиссией, а эта связь с Пушкинской комиссией, Пушкинским обществом очень важна. Я очень об этом прошу. <...>

<Проблемы народных промыслов>

А.Ф. ШКЛЯРУК[1]: ...Очень сложная экономическая ситуация сейчас в народных промыслах. В прошлом году была создана Ассоциация народных промыслов, куда вошла значительная часть предприятий бывшего Министерства местной промышленности (собственно, основные традиционные промыслы туда входили)... Министерство культуры и туризма РФ приняло решение о создании отдела, который будет курировать народные художественные промыслы (он каким-то образом сохраняет контроль над этими вопросами), но мне кажется (это точка зрения и Владимира Андреевича <Гуляева>[2]), что создание при РМФК вот такого рода Совета <по народным промыслам>, куда могли бы войти крупнейшие наши ведущие специалисты-ученые и те, кто непосредственно связан с народными художественными промыслами, — ведущие художники, представители общественности, сейчас чрезвычайно важно...

К сожалению, НИИ художественной местной промышленности практически сейчас находится в очень сложном

[1] Искусствовед, специалист по народному искусству.

[2] Директор Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, в Фонде возглавлял ревизионную комиссию.

финансовом положении и потерял значительную часть своих ведущих специалистов, сохранил только самую основу. И здесь мы надеемся, что такой Совет при РМФК позволит объединить усилия ведущих наших исследователей, позволит постоянно поддерживать связь с реальной практикой в художественной жизни... и, кроме того, закрепить те акции, которые уже проводились ФК, в частности, поддержка народных мастеров, поддержка молодых художников, создание каких-то стипендий, проведение конкурсов, т.е. всё то, что и входит в одну из задач РМФК. Я думаю, что этот Совет будет работать в рамках Устава, в рамках задач РМФК, и надеюсь, что он сможет (его состав будет достаточно высок) придать своеобразный имидж РМФК.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Меня больше всего волнует, что народные промыслы ставятся на поток. Народное творчество становится не народным производством и большей частью является фальшивым. Это тот вопрос, который ставили Некрасова, Богуславская и другие специалисты. Вы их привлекаете?

А.Ф. ШКЛЯРУК: Да, конечно... Дело в том, что сейчас потребность внешнего рынка в сувенирах велика, именно в недорогой продукции, что эти потоки действительно захлестнули всё, и 90–80% (такая статистика ведь отсутствует в Российской Федерации, хотя я думаю, что таможня имеет такую статистику) продукции, которая попадает на Запад, – это массовая продукция, которая имеет весьма отдаленное отношение к тем самым традиционным центрам, которые существуют... Я входил в состав группы, которая разрабатывала проект закона о народных художественных промыслах и ремеслах для Совета министров, для утверждения на Верховном Совете РФ... Проект закона – в нем поставлен вопрос о защите авторских прав промыслов, географических названий мест, товарных знаков и т.д., но эта работа очень большая и очень дорогая. Сейчас стоит вопрос о сертификации, о получении международных сертификатов, чтобы защитить права наших народных художественных промыслов за рубежом. Сейчас это чрезвычайно важно, потому что рынок наполнен подделками.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Есть еще один вопрос — за народное творчество выдаются матрёшки. Матрёшки появились в 1903 году. Это японское изобретение, не имеющее никакого отношения к русскому народному искусству, противоречащее духу русского искусства, потому что прятать одного человечка в другого человечка — это бесчеловечное дело. Мне кажется, что эти матрёшки по духу своему отвратительны, даже в хорошем исполнении. Сейчас мировой рынок наполнен ими, их продают и в Вашингтоне, и в Нью-Йорке, и в Праге — всюду продают эти матрёшки, и это выдается за русское народное искусство. Это — японская вещь, только немного русифицированная. Как-нибудь с этими матрёшками нужно бороться, но как — я не знаю.

А.Ф. ШКЛЯРУК: Я думаю, что бороться достаточно сложно, потому что опять же сформировался определенный рынок... В этом случае я привожу пример со знаменитыми пасхальными яйцами, которые в конце прошлого столетия экспортировались на Пасху во все страны мира в десятках тысяч экземпляров. В данном случае матрёшка играет роль этого пасхального яйца.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, пасхальное яйцо — все-таки русское по происхождению, а матрёшка — не русская по своему характеру, по духу вещь.

А.Ф. ШКЛЯРУК: К сожалению, это имеет сейчас и политический определенный спрос, это знаменитая конъюнктура с государственными деятелями, помещенными один в другого.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, что-то с этим делать надо, ведь это — кич, даже хуже, чем кич.

А.Ф. ШКЛЯРУК: ... Здесь нужно прежде всего определиться, на какие приоритеты будет ориентироваться Фонд культуры — на приоритеты массовой суверенной продукции, что чрезвычайно важно, кстати, и для формирования внутреннего рынка, потому что без этой продукции внутренний рынок будет оторван от внешнего, или на авторскую, уникальную продукцию, на поддержку редких мастеров, творчества, что тоже чрезвычайно важно, но которая будет иметь, конечно, ограниченный рынок и у нас в стране...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Продукция может быть и дешевой, и народной. В Каргополе есть одна старушка, которая плетет из тряпок половички. Она великолепно это делает, у нее есть станок. Если она умрет (а у нее никого нет, учеников у нее нет), то будет забыта эта продукция, которая могла бы не только в дачных, но и в квартирных городских условиях быть очень выгодной. Но она буквально умирает с голоду, у нее нет заказчиков, никто не знает ее. К ней надо было бы поехать, дать ей учениц из местных жителей, показать, что это интересно, купить хотя бы немножко этих вещей и посмотреть, как пойдет торговля, потому что половички деревенские — это же замечательная вещь для чистоты, для красоты, в соответствующих, конечно, интерьерах.

Так что, может быть, найдутся и другие изделия — из бересты, которые не только в качестве сувенира могли бы получить реализацию, но и в качестве бытовых предметов, которые нам нужны: скажем, кольца для салфеток — они не были сувенирами, они были художественными народными произведениями. Может быть, организация, которая ведает народными ремеслами, немного бы расширила свое внимание к этому производству, не ограничивалась только лаковыми шкатулками, только матрёшками и еще чем-то. Нужно расширять продукцию.

<...>

Помимо русских промыслов есть и другие замечательные художественные промыслы — татарские, казанские — татарский сафьян, сафьяновые подушки, с которыми дворянство всегда путешествовало, туфельки, сапожки. Я думаю, что эти вещи тоже не должны быть без внимания, чтобы это не ограничилось только русскими предметами, потому что татарские вещи тоже были в большом ходу в русском быту, они поставлялись на всю Россию и даже на Европу, особенно сафьян. <...>

<Краеведческая программа Фонда>

С.О. ШМИДТ: Поскольку всем членам президиума розданы материалы, связанные с программой краеведения, я их не буду повторять. Это одна из главных программ Фонда,

и мы сейчас (В.Е. Туманов, С.Н. Гаранин, я и активисты этой программы) разработали помимо главной программы, несомненно соприкасающейся с основными программами Фонда — «Классикой» и другими программами, мы разработали систему подпрограмм, и на каждую эту систему подпрограмм сделана соответствующая методическая разработка нашими специалистами... Поэтому мы и запросили сейчас, учитывая, что у нас несколько особое положение, потому что краеведение — это именно история краев, и, для того чтобы вести нашу работу, нам нужно периодически встречаться друг с другом. Поэтому нам нужно ездить в командировки, нам нужно организовывать конференции, которые, конечно, интереснее организовывать на месте, нежели здесь. Елецкая, Самарская конференции в течение мая при нашем участии показали, какие большие там перспективы. Мы знаем, как много делается в Твери, на Урале и т.д. ...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я бы все-таки сократил все командировочные расходы сейчас. Я думаю, что расширенное заседание президиума Союза краеведов России нужно было бы сейчас отложить. Сейчас это очень дорого стоит. Давайте больше переписываться, больше говорить по телефону, если не увеличат цену на телефон. Заседания, конечно, объединяют и объединили нас, но проводить сейчас их очень регулярно не стоит. Я бы выделил сейчас издание «Вестника Союза краеведов России», так как это — то, что остается и сохранило бы просимую Вами сумму в 50 тыс. рублей. Проведение мероприятий по реализации программы «Краеведение» — это формирование банка данных, школьное краеведение, общественные музеи — вот суммы на это я бы сохранил. А от командировок членов президиума <Союза краеведов> давайте в этом году воздержимся, потому что, я бы сказал, положение с деньгами у нас критическое.

С.О. ШМИДТ: Дмитрий Сергеевич, я все это понимаю, но думаю, что в пределах той суммы, которую нам выделит президиум, для командировок нам нужно оставить резерв. По телефону не все обговоришь, мы обо всем договорились письменно — это экономия. Но иногда, когда нам нужно видеть кого-то или нам нужно кому-то из руководства Союза

краеведов поехать на место, объяснить, встретиться с местным активом, — мы должны эту возможность иметь... (я отнюдь не преувеличиваю), потому что иначе у нас может кое-что приостановиться. ...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Тогда условимся таким образом: конкретные суммы Вы будете оговаривать с В.П. Нерознаком. <...>

Меня не удовлетворяет часть, касающаяся школьников. Чем должны заниматься школьники по линии краеведения? Сбором сведений, уходом за могилами, выявлением имен погибших участников Великой Отечественной войны — у школьников очень много задач, воспитывающих их в патриотическом духе. А она (программа) написана очень сухо и недостаточно развернуто, хотя в целом та записка, которая здесь представлена, она большая, по школьникам нужно было бы разъяснить более развернуто.

С.О. ШМИДТ: То, что Вы говорите, — банк данных — это входит туда. Может быть, нам нужно подумать о создании специальной подпрограммы «Краеведческая библиография»... и если бы Вы согласились быть одним из кураторов...

Что касается школьного раздела, то Дмитрий Сергеевич абсолютно прав. Мы подразумеваем, что школьное краеведение — это все формы краеведения: безусловно, «Некрополь», безусловно, «Земляки». Здесь акцент сделан на то, что у нас существует система школьных музеев, за которой практически никто не следит... школьные музеи — это не только форма деятельности школьников и учителей, это ценности, не всегда учтенные государственными музеями. Мы должны обращаться к государственным музеям, что «вот извольте инвентаризировать, а кое-что и отнять».

Д.С. ЛИХАЧЕВ: А там, где нет школьных музеев, там есть школьные библиотеки, которые очень важны.

С.О. ШМИДТ: Очень важны. Вот поэтому мы, вероятно, это еще больше расширим, и вообще мы предполагали, что это тот первичный вариант, чтобы выслушать все замечания перед тем, как рассылать на места. Мы всё это будем обрабатывать с учетом еще полученных писем и замечаний наших провинциальных членов.

Л.С. ЛИХАЧЕВ: Больше нет вопросов?..

С.О. ШМИДТ: Я хочу поблагодарить и очень рад, что с таким вниманием <все> от председателя до присутствующих относятся к нашей Программе. Мы очень надеемся на содействие всех.

В.П. НЕРОЗНАК: Я хотел бы всех членов президиума предупредить, что мы как бы приняли Программу и будем ее рассматривать как ведущую, приоритетную программу Фонда.

<О программе «Классика»>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ирина Юрьевна, совсем кратко, потому что будет заседание комитета, образованного Комитетом государственным по празднованию юбилея А.С. Пушкина, в Вашу программу могут быть внесены изменения, дополнения и т.д.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Нет, я не о Пушкине в данном случае, а о «Классике», я хочу сказать, что это не первый разговор на президиуме об этой программе, и очередное обращение к президиуму связано, конечно, не с желанием поделиться своими достижениями, успехами или трудностями, а с необходимостью финансировать эту программу. Дело в том, что почти все наши дела идут на общественных началах: методический семинар, который мы проводили для школ и лицеев, был организован так, что мы договорились со школами, что они сами дадут командировки, т.е. наш Фонд не затратил ничего, кроме умственной энергии наших замечательных научных консультантов и членов Научно-общественного совета, которые тоже на общественных началах вели эти занятия с учителями.

Я хочу сказать и по другому поводу: тоже без затрат средств Фонда была проведена уже по другой программе международная конференция «Пушкинисты Европы». О ней, может быть, Владимир Петрович скажет несколько слов — просто в благодарность нашим тверским коллегам. Все средства были взяты со счета Пушкинского общества, и набраны они Олегом Ивановичем <Карпухиным> от спонсоров, т.е. это не деньги Фонда.

Однако сейчас выросло несколько проектов, которые уже требуют финансирования. Это — институт «Классика», он должен быть организован в Петербурге, и мы просим учредительский взнос...

Во-вторых, у нас действует в Москве Ассоциация «Классическое наследие»... Концерты у них прекрасные, прекрасные вечера, т.е. у них есть всё — и содержание, и форма, всё, что нужно для такой работы. Опора у них на молодежь — на студентов и школьников. Они тоже просят помочь им...

И еще я хочу вам представить замечательного человека — Михаила Алексеевича Мягкова, который связан с Ассоциацией «Классическое наследие». Это замечательный художник... Он рисует старинные города Каргополь и Вологду, и все монастыри, включая Соловки, и пушкинские места, причем Михаил Алексеевич сделал свои акварели, когда еще эти памятники были не в том состоянии, в каком они находятся сейчас. Это своего рода документы, не только произведения искусства, но и документы, и Михаил Алексеевич любезно согласился приехать к нам с некоторыми акварелями, он согласен подарить их (как он мне сказал предварительно) нашему Фонду. Его акварели выставлялись у нас на Дне классики...

(М.А. Мягков показывает свои акварели.)

А.И. ПОПОВ: Я хочу вам сообщить очень печальную весть. У нас в Москве есть великолепный Зачатьевский монастырь, очень красивый. Каждый год кто-то нанимает ребят, и они разбирают стены XVII в. Там имеется Шаляпинский сквер перед Шаляпинским домом, где шаляпинцы решили поставить памятник Ф.И. Шаляпину в Москве, т.к. именно Москва является началом его оперной деятельности. Сейчас этот сквер продается, будет застраиваться высокими домами, и Зачатьевский монастырь, чудом сохранившийся, будет застроен. Таким образом, он не будет просматриваться с Остоженки. Надо остановить это страшное дело, иначе мы потеряем прекрасный сквер, где есть дуб, по преданию, посаженный Шаляпиным... Прошу помочь в отношении Шаляпинского центра и трех домов, которые мы уже ждем пятый год. Моссоветом

подписано решение о передаче домов нам 14 июня 1988 г. До сих пор передан один дом Шаляпина...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Аналогичное положение и в Петербурге, мы не раз обращались к Собчаку и получили положительный ответ, так что добились. Там разрушаются и набоковские места, поэтому здесь нужно говорить даже не о Шаляпинском центре, а о Зачатьевском монастыре. И я думаю, что мы такое письмо напишем, поедем туда с этим письмом, это будет наше официальное представление, требование, соберем подписи. Владимир Петрович (к Нерознаку), это обязательно нужно сделать.

Что касается выставки акварелей (это очень хорошая вещь, тем более что она охватывает очень много памятников, монастырей, городов и церквей в разных районах нашей страны), то мне кажется, что нужно сделать это как передвижную выставку с дешевеньким каталогом, с указанием адресов, куда и как можно поехать. И эта выставка должна быть передвижной, в разных местах для того, чтобы люди если даже и не поедут по этим местам, то они хотя бы будут представлять, в какой ценной обстановке у себя-то они живут, они у себя найдут такие же постройки, поэтому нужно составить программу путешествия этой выставки, и эту программу выполнить. Если не будет официальных выставочных залов, за которые сейчас требуют колоссальные деньги, то можно пустить эту выставку по школам, начиная с сентября месяца.

С.О. ШМИДТ: В этом же контексте я хочу напомнить, что в августе 1992 г. исполняется 100 лет со дня смерти Сергея Михайловича Третьякова, того самого, который построил этот дом, он был первым до Щукина и Морозова человеком, который начал коллекционировать импрессионистов... вероятно, нам нужно было бы об этом написать, может быть, и наш этот дом обрел бы некоторое историческое звание, что было бы и материально выгодно, если мы попадем в памятники архитектуры, потому что здесь была и коллекция Третьякова... Может, нам кому-нибудь (кто в этом понимает) дать задание, чтобы юбилей нашего дома и основателя нашего дома прошел на более высоком художественном уровне.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Это вторая тема, по первой теме (выставка акварелей) мы принимаем положительное решение? (Все единодушно соглашаются.) Автор этих чудесных акварелей был бы согласен?

М.А. МЯГКОВ: Безусловно, согласен. И если нужно, я бы мог привлечь на общественных началах еще людей, которые вам могли бы помочь в этом плане.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: И еще небольшой каталог.

В.П. НЕРОЗНАК: Каталог можно сделать в рамках программы «Классика». А в целом программу мы принимаем.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Программу <«Классика»> мы принимаем и юбилей нашего дома — тоже.

<...>

<Финансирование областных фондов>

В.П. НЕРОЗНАК: Нужно принять такое решение <о финансировании фондов, которые не имеют своих источников дохода и работают как отделения РМФК>: чтобы резко не прерывать жизнедеятельность фондов, в частности, Магаданского фонда культуры, который не имеет даже своего пристанища (в области не дают), в то же время эти фонды являются хранителями уникальных культурных ценностей, которые могут тут же разграбить, как только человек уйдет от своих обязанностей.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вспомните, какие предложения вносились в правительство: те музеи, которые не могут себя содержать, из этих музеев распродавать предметы, так и здесь может получиться. Давайте не будем очень категоричны: неудачных директоров снимать, заменять другими, стараться выбирать лучших и т.д. Ведь подчас есть и объективные причины — в Магадане крайне важна культурная работа, вы вспомните происхождение этого города и происхождение людей, которые его населяют. Если мы там закроем отделение Фонда, город опустеет совершенно культурными людьми.

В.Н. РАСТОРГУЕВ[1]: Уважаемые коллеги, я хочу добавить только одно слово... последний акцент, который нуж-

---

[1] Председатель Тверского фонда культуры, член президиума РМФК.

но сделать, — это качество работы центрального Фонда. Дело в том, ну что если мы сейчас закроем эти фонды — это значит, мы лишимся целой сети. Этого нельзя делать, это — наше богатство... Т.е. деньги сейчас надо вкладывать, может быть, в первую очередь в укрепление этой сети, а не в ее разрушение, а мы все делаем для разрушения.

В.П. НЕРОЗНАК: Валерий Николаевич, я думаю, что мы более серьезно вернемся к этому вопросу на Совете, который соберется осенью, а сейчас я прошу поддержать финансирование областных фондов до конца года, до конференции.

Теперь я упустил один момент — поблагодарить нашего гостя — художника Михаила Алексеевича за замечательную выставку.

Я хотел бы сказать еще по поводу «круглого стола» пушкинистов Европы, который прошел в Твери... прошел замечательный Пушкинский «круглый стол», в котором активное участие приняли руководители Пушкинского общества — О.И. Карпухин, Л.М. Аринштейн, И.Ю.Юрьева, С.А.Фомичев и Катя Маковейчук, которая тоже самоотверженно работала. Более того, в труднейшее время на этот «круглый стол» приехали выдающиеся люди — <зарубежные> пушкинисты — проф. Кайль, проф. Буш из Германии, проф. Бриггс <из Великобритании>, полномочный министр посольства ФРГ в нашей стране — господин Штюдеманн. Этот международный Пушкинский «круглый стол» имел очень хороший резонанс: несколько дней тому назад по Российской программе шел фильм «Ключ», который произвел очень благоприятное впечатление. И я думаю, что Тверской фонд здесь сделал очень много, и мы ему чрезвычайно благодарны.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я думаю, что это надо отметить как-то печатно — в газете «Культура»...

В.П. НЕРОЗНАК: Это надо поручить нашему пресс-атташе — П.А. Пристенскому, а мы, может быть, объявим благодарность председателю Тверского отделения В.Н. Расторгуеву и <заместителю председателя> Т.К. Пушай, а также нашим сотрудникам — И.Ю. Юрьевой и другим — за эту замечательную акцию.

Если вы не возражаете, то мы перейдем к следующим текущим вопросам.

<Рассмотрение просьб о финансировании>

1. Ивановский фонд культуры ходатайствует о присуждении специальной стипендии РМФК Галине Константиновне Кочетковой, многолетней хранительнице Дома Цветаевых в селе Новая Талица. Эту просьбу поддерживает Дмитрий Сергеевич. Сумма небольшая, всего 350 руб.

Единогласно поддерживают.

<...>

3. Просьба редакции журнала «Известия Академии наук» <«Известия РАН»>, серия «Литература и язык» — оплатить 1000 руб. за публикацию объявления об учреждении премии им. Карамзина. Это наше большое дело, наша конференция, которую проводили Дмитрий Сергеевич и Сигурд Оттович <Шмидт>. Мы в свое время дали на это согласие. Они уже напечатали. Поэтому, если вы не возражаете, — оплатим.

Единогласно.

4. Далее — к Дмитрию Сергеевичу обратился Международный Союз немецкой культуры (здесь присутствует Генрих Генрихович — председатель этого Союза) с просьбой о приеме в члены РМФК. С письмом к Дмитрию Сергеевичу обратился также Б.В. Раушенбах, это для нас очень важные события — к нам идут другие фонды. — Просьбу поддержали единогласно.

<...>

9. Просьба настоятеля Собора Михаила Архангела из г. Бронницы Московской обл. о финансовой и организационной помощи в восстановлении сооружений собора — 2,3 млн. руб. Конечно, в таком огромном размере мы не сможем оказывать помощь. Недавно мы выделили Валааму несколько миллионов, поэтому мы можем рекомендовать Московскому и областному фондам оказывать организационную помощь.

10. Гончаровский Комитет по проведению 180-летнего юбилея писателя просит 470 тыс. руб. — обратился Владимир Николаевич Крупин. Но ввиду стесненности средств та-

кой помощи мы оказать не можем, к тому же и юбилей не круглый.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Этим должен заняться Союз писателей.

В.П. НЕРОЗНАК: С целым пакетом просьб обратился Ульяновский фонд культуры — на создание дома-музея Языкова. Общая сумма — 5—6 млн. руб., сумма фантастическая...

Ульяновский фонд культуры просит профинансировать мероприятия по реализации Карамзинской программы — 150 тыс. руб. Вынуждены, к сожалению, отказать...

<...>

Т.И. АНДРОНОВА: Я хочу напомнить членам президиума, что решение о реставрации дома Чуковского <в Переделкине> было принято еще в марте 1989 г., в прошлом году она была начата, но поскольку произошла такая инфляция, сейчас нужно покрыть эту инфляцию. Это музей — наш, единственный, работы в нем уже начаты, музей раскрыт, никто им не занимается. Если мы сейчас его бросим — это будет преступлением. Вы, Дмитрий Сергеевич, были первым, кто поддержал этот музей, когда его травили, а литфонд пытался его уничтожить.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нужно добиться того, чтобы музей давал собственные средства.

Т.И. АНДРОНОВА: Но сейчас он этого не может, надо его сначала восстановить, вот поэтому я очень прошу!

<*Конец стенограммы.*>[1]

Из протокола заседания президиума РМФК 22 октября 1992 г. (Работа по созданию Музея современного искусства)

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Теперь мы обращаемся к вопросу о Музее современного искусства. Это еще одна важная болевая точка. Василий Алексеевич, так как предложения у меня есть, положение известно, Вы изложите суть дела.

[1] Архив РФК. Т. 12. Д. № 73.

В.А. ПУШКАРЕВ: Как все-таки звучит вопрос?

В.П. НЕРОЗНАК: О работе по созданию Музея современного искусства.

В.А. ПУШКАРЕВ: Я даже и не знаю, с чего начать, потому что работа сейчас в застое. Совет, вернее, президиум трижды свои решения подтверждал, что для Музея современного искусства Фонд культуры выделил 30 млн. рублей на приобретение экспонатов. Трижды! Сейчас ситуация сложилась таким образом, что мы — должники, мы должны! Что сделано с марта 1991 г. по март 1992 г.? Было 6 заседаний Научно-экспертного совета, и приобретено более 500 экспонатов на сумму 1 569 300 руб. по пяти протоколам и на 350 тыс. руб. — по шестому протоколу. С марта 1992 г. закупка вещей приостановлена и, по просьбе В.П. Нерознака, не будет производиться по крайней мере до конца нынешнего года. Всем известно, что художественная жизнь остановиться не может, художники работают, вещи уходят за рубеж и в коммерческие структуры, торговля произведениями идет полным ходом (есть сведения, что из Оренбурга Франция комионами — фургонами вывозит картины и там продает). Совет наш был той единственной отдушиной в наше время, когда художникам нигде не пробиться: сделать выставку — стоит бешеных денег, приобретают картины только те, кто их перепродает. Художники в буквальном смысле слова бедствуют. Телефон у меня дома «раскален» — мне звонят домой: что, когда? Ведь мы с декабря прошлого года должны художникам около 1 млн. рублей. Мы покупали произведения еще тогда, и стоимость их была одна, а сейчас художники получат за них буквально гроши, поэтому очень остро стоит вопрос о том, чтобы произвести индексацию, мы ведь себе зарплату индексировали, гоняясь за бешеной инфляцией, а художникам выплачиваем гроши.

Причем создалось какое-то странное положение: по всем постановлениям президиума, которые мы приняли, Научно-экспертный совет имеет право приобретать, а Владимир Петрович мне заявил, он не имеет указаний оплачивать. В условиях инфляции, мне кажется, оплачивать надо стремительно: не на второй день, а в тот же день,

когда получим от художника согласие на продажу его картины. Мне все время говорят, что нет денег. А ведь когда выделили эти 30 млн. рублей, я сразу просил Мясникова, чтобы это был либо отдельный счет, либо отдельная строка, чтобы эти деньги были неприкосновенными. Сейчас, оказывается, на проценты от этих денег живет весь наш Фонд культуры. Это так и есть. А оплату художникам Вы ведь, Владимир Петрович, поставили в зависимость от того, издавать книжку Сарабьянова или нет. Если будем издавать (а там что-то не то 6, не то 8 млн.), то оплачивать работы художников нечем. Мне кажется, что путать эти источники финансирования (и Музея, и издательской деятельности), видимо, нельзя. Раз уж решили, значит, решили!

Теперь еще один вопрос — по поводу выставки. Надо ведь все-таки сделать выставку приобретенных вещей. Все говорят, что надо.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Надо открыть Музей, хотя у него нет помещения. Открыть Музей нормально НЕОБХОДИМО!

В.А. ПУШКАРЕВ: Штат Музея — один я, больше никого нет, было 2 сотрудника, которых финансировало Министерство культуры СССР, но оно «приказало долго жить», и в комбинате им. Вучетича, где у нас было хранилище, всё опечатано. Для того чтобы сделать эту выставку, надо вещи перевезти сюда, на Гоголевский, но я боюсь в комбинате появляться, потому что за аренду помещения нужно платить, а у нас и на это нет денег, и аренда не оплачивается с марта месяца. А цены там тоже бешеные — я докладывал об этом Владимиру Петровичу. Значит, для того чтобы сделать выставку, нужен еще научный сотрудник, нужен хранитель — материально-ответственное лицо, и необходимо хранилище. Хранилище отводит библиотека <Фонда> (бывшая), но там стеллажи, а их девать некуда. В общем, вроде бы помещение есть, но его надо переоборудовать под хранилище. И не менее важное — нужен искусствовед, который сделает каталог или буклет прежде, чем сделать саму выставку. Обо всех этих наших нуждах я неоднократно докладывал на директорате Фонда, так что руководство знает

об этом (и Владимир Петрович знает обо всех этих нуждах), но вот пока все это у нас застопорилось.

Что же мне хотелось в решении сегодняшнем?

произвести оплату закупок по шести протоколам Художественно-экспертного совета до 1 января 1993 г.;

выделить для научной и выставочной работы 2 ставки ведущих экспертов в штатном расписании;

открыть субсчет Музея по валютным средствам;

выделить 50% валютных поступлений от выставочной деятельности (у нас ведь этот отдел называется «Музей и выставки»);

рассмотреть вопрос о выделении части валютных отчислений (я думаю, что это тоже процентов 50), предназначавшихся Фондом Оппенгеймеров для выставочной деятельности и организации закупочной деятельности Музея.

Контроль за этим делом можно возложить на меня или на кого-либо другого. Я передаю Вам свое письмо, где все это изложено более подробно, чтобы не занимать время президиума.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Я думаю, что сделать нужно следующее: деньги на оплату наших долгов (а долги художникам равняются долгам карточным, т.е. это — дело чести нашего Фонда оплатить художникам, потому что художники живут только на продажу своих картин, они не получают зарплаты) выделить НЕОБХОДИМО. МЫ ОПЛАЧИВАЕМ ЭТО! Как оплачиваем? Мы просим Фонд Оппенгеймера выделить деньги на оплату, и тогда это получится очень дешево (мы получим долларами, валютой, и эту валюту будем переводить на рубли), я подсчитывал — в одном случае это 2 тыс. долларов, в другом случае — 5 тыс. долларов у нас с Вами, Василий Алексеевич, получалось.

Итак, надо обратиться в обычном порядке к Оппенгеймерам с просьбой выделить валюту. Аргументация такая: получается странная ситуация — мы закупаем за границей за счет Оппенгеймера произведения для возвращения на Родину, а те картины, которые мы сейчас можем приобрести здесь, у себя, через 10 лет мы будем закупать их где-то на аукционах в США, Англии, Париже. Это же нелепо!

Давайте же покупать их здесь, чтобы они не уходили за границу! И поэтому часть денег Оппенгеймера (сравнительно небольшая часть в пересчете на валюту) должна идти на покупку картин здесь.

Значит, мы просим единовременную сумму (Василий Алексеевич нам подскажет — какую), чтобы оплатить наши долги (долги стыдные, стыдно не платить художникам, особенно в условиях инфляции), произвести индексацию с некоторой надбавкой, с небольшой, но все-таки с надбавкой, поскольку мы долго не платили.

И другое, что касается того, что у Вас, Василий Алексеевич, нет сотрудников, — это, действительно, положение очень тяжелое — и по возрасту, и, вообще, одному человеку справиться с картинами невозможно. У нас есть родственные отделы, каждый из которых должен помогать другому отделу. И я очень прошу отдел Малининой выделить сотрудника Василию Алексеевичу (пока одного, потом мы посмотрим). Пусть он остается в Вашем отделе, пусть это будет человек, кому это интересно и с кем согласится работать Василий Алексеевич. Необходимо помочь, потому что храниться произведения ведь будут все равно у нас, это же ведь отдел хранений, между отделом хранений и отделом музейным должно быть полное понимание и единство в работе.

Василий Алексеевич, я Вас прошу договориться, кто Вас больше устраивает и кто в Вашем отделе (к Малининой)[1] будет заинтересован в этой работе. Работа ведь очень интересная по покупке, тем более что у Василия Алексеевича можно очень многому поучиться в плане искусствоведческом, в определении картин, в современном искусстве и т.д.

Василий Алексеевич, такое решение Вас устраивает?

В.А. ПУШКАРЕВ: Сроки, Дмитрий Сергеевич! С Оппенгеймером я не знаю, какие сроки, а платить надо СЕЙЧАС!

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Это Владимир Петрович с нашим бухгалтером решит, как оплатить в течение недели.

В.П. НЕРОЗНАК: Я хотел бы обратить внимание членов президиума на то, что изменилась парадигма нашего

---

[1] Л.И. Малинина — заведующая отделом даров Фонда.

общества, и мне хотелось сообщить Василию Алексеевичу о том, что то решение, которое было принято раньше о выделении 30 млн. рублей, практически уже невозможно реализовать сейчас; ушла та страна, в которой мы жили, это было решение Советского фонда культуры. Фонд сейчас живет под проценты, у нас сейчас всего 30 млн. рублей, которые благодаря энергичной деятельности Владимира Александровича Быкова — его многие обвиняют в разных грехах, но я еще раз хочу подчеркнуть, что только благодаря его деятельности (Георг Васильевич упорно держал деньги и не давал их под проценты) — мы положили деньги под 50—70%. И это мы должны знать все, что, как только мы эти 30 млн. исчерпаем, Фонд закроется, в т.ч. и Музей современного искусства. Поэтому, конечно, ни о каком серьезном субсидировании Музея сейчас речи быть не может, если мы, конечно, не найдем фирм или структур, которые смогут нам помочь с помещением и с содержанием картин.

Я хочу вам сказать, что впереди у нас еще одна очень серьезная проблема, потребующая миллионных затрат, — это музей Марины Цветаевой. Мы «на блюдечке» предложили этот музей Москве. Сейчас у нас лежит письмо с просьбой содержать 16 сотрудников Музея, а с учетом технических художников — это 32 человека, значит, это примерно 8 млн. рублей — содержание музея М. Цветаевой в год. Я сообщил вам это, чтобы не было никаких иллюзий.

Далее — мы живем сейчас почти «ноль в ноль». При еще одном, даже незначительном витке инфляции и наши поступления с процентов начнут таять. Поэтому, когда мы планируем крупные вклады Фонда (в том числе на закупку картин или на издание книг и т.д.), необходимо оглядываться на «уровень воды в кипящем котле» — как только вода выкипит, котел взорвется. Поэтому мне кажется (я не аппаратчик, я — ученый, но жизнь заставляет быть реалистом), что мы должны, конечно, выплатить эти 1,5 млн. рублей. Еще раз хочу вам сказать, что я наделен правом подписывать бумаги только на 50 тыс. рублей, остальное решаете вы, президиум и Дмитрий Сергеевич. Поэтому я думаю, что нужно согласиться с оплатой (это, действительно,

долг чести Фонда), но одновременно, учитывая наши средства (а нам надо начать жить по средствам), нам нужно решить, сможем ли мы дальше закупать картины. Если опираться на фонды, в т.ч. на Фонд Оппенгеймера, тогда — да, если нет, то уверенности в том, что мы сможем продолжить закупку картин, у меня нет.

Дмитрий Сергеевич, я прошу прощения, это такая проза жизни, но она нам дает реальную картину (есть такое понятие «картина мира» в языке) жизни. Вот такова сейчас картина нашей жизни.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Хорошо. Принимая во внимание все вышесказанное, я должен сказать еще свое мнение.

Мы, несмотря ни на что, платим сейчас деньги художникам — НЕМЕДЛЕННО, В ТЕЧЕНИЕ НЕДЕЛИ, затем компенсируем это поступлением из Фонда Оппенгеймера, и у Оппенгеймера получаем еще деньги на закупки, потому что прекращать закупку произведений НЕЛЬЗЯ! Мы можем ужесточить требования к тем картинам, которые мы приобретаем, т.е. докупать, действительно, только то, что может уйти за границу, а это может нанести большой ущерб русской культуре. Такие произведения мы все-таки должны покупать, поэтому, запрашивая Оппенгеймера, мы должны учитывать еще какие-то суммы (меньшие, чем раньше) на покупку картин. Это — мое решение, и я требую — ПРЕКРАЩАТЬ ЗАКУПКУ КАРТИН НЕЛЬЗЯ!!!

И еще один момент — выставку картин Музея нужно сделать! Нужно официально открыть Музей. Ведь дело в том, что многие музеи открывались без помещения. Ну, скажем, так: сам Пушкинский Дом был открыт без помещения, он размещался под лестницей Академии наук (главного здания) первоначально. А это были Музей, библиотека, все вещи, связанные с Пушкиным (рукописи и т.д.) — все это размещалось в главном здании, под лестницей. Так что такие случаи бывают, когда музей открывается, а помещение ему подыскивается. Тем более что будет легче подыскивать помещение под уже открытый музей. И этот музей должен быть оформлен юридически, как существующий, для этого выставка тоже очень нужна, чтобы мы показали, чем

мы уже владеем, что есть Музей современного искусства, об этом должны знать, об этом должны быть сведения в печати. Должно быть проведено официальное открытие Музея с приглашением телевидения, прессы, с соответствующими статьями и т.д.

Это открытие Музея непременно должно быть! Тогда нам будет легче жить, тогда мы сможем сказать, что в плюсах нашей работы есть и такой важный плюс, как открытие Музея современного искусства, потому что попытки создать музеи современного искусства очень плохие, очень плохие! Под современным искусством иногда понимаются только крайне авангардные течения, не имеющие особой цены. Во всяком случае в Петербурге такие выставки были — это выставки не искусства. Я, вообще, сторонник и левого искусства, и авангарда, и всего прочего, но есть какие-то пределы. Я хочу сказать, что современное искусство очень трудно оценивать, а Василий Алексеевич в этом отношении пользовался в Петербурге репутацией человека с абсолютным вкусом, ну, как бывают люди с абсолютным слухом в музыке. У Василия Алексеевича был абсолютный вкус при приобретении картин, и за длительный период, когда Василий Алексеевич был директором Русского музея и председателем закупочной комиссии, ни одной дурной вещи не было приобретено случайно, приобретались только первостепенные вещи. Так что мы должны этим пользоваться, и прекращать деятельность Василия Алексеевича ни в коем случае НЕЛЬЗЯ! Мы счастливы, что Василия Алексеевича «изгнали» из Петербурга, перевели в Москву, и сейчас мы можем пользоваться его авторитетом и возродить его замечательную закупочную деятельность у нас. Но помочь ему нужно, физически ему нужно помочь, ему нужны хорошие работники, и это должен дать Фонд. Я думаю, что выход мы найдем. Хорошего работника должен дать отдел хранения.

Возражений со стороны отдела хранения нет?

Л.И. МАЛИНИНА: Возражений нет. Безусловно, в отделе найдется сотрудник, который будет с удовольствием работать над созданием выставки из фондов, собранных Василием Алексеевичем Пушкаревым. При этом к выставке необходимо сделать каталог, это не очень большая проблема,

хотя в финансовом отношении это дорогое удовольствие, но без каталога выставка просто не имеет смысла, это не выставка. Значит, надо сделать каталог, надо сделать презентацию, хорошую презентацию, показать эту коллекцию, как положено. Но вот с Музеем современного искусства здесь возникнут некоторые сложности. Я хочу, чтобы Вы это знали, Дмитрий Сергеевич.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА: А в Царицыне тоже называется Музей современного искусства?

Л.И. МАЛИНИНА: Я не знаю насчет Царицына, но знаю, что галерея «Марс» такое объявление делала.

В.А. ДУДАКОВ: Дмитрий Сергеевич, видимо, после Василия Алексеевича я наиболее владею этим материалом, поскольку являюсь членом экспертного Совета Музея и занимаюсь проблемами, связанными с современным искусством.

Что касается комментария, который дала Лариса Ивановна, к сожалению, пока это в области слухов и домыслов. Никакого Музея современного искусства, кроме существующего у нас, нет, нет такого названия. Всё остальное находится на уровне галерей, центров и т.д. Официальное название «Музей современного искусства» ни за кем пока не закреплено.

Второй вопрос — то, что вы сейчас принимаете решение (или хотите принять решение) относительно того, чтобы в отделе дарений находилось содержимое Музея современного искусства, на мой взгляд, абсолютно неправильно. Подумайте, первая функция отдела дарений заключается в том, чтобы накапливать дары разного сорта и содержания. Не всегда эти дары одинакового художественного содержания. Функция Музея современного искусства совершенно другая. Василий Алексеевич мне откровенно говорил (а сейчас вам почему-то не сказал) о человеке, который будет работать на Музей, будет работать не просто как хранитель, а будет работать как искусствовед, специалист в этой области, это будет человек, который профессионально занимается современным искусством. Для этого не подходит ни один сотрудник из отдела дарений. Там нет ни одного профессионала, знающего современное искусство. Я считаю, что нужно принять решение по Музею современ-

ного искусства такое, какое Вы предложили, с одной только коррективой, которая заключается в том, что Музей тесно связан с нашей группой <отделом выставок Фонда> ... Василий Алексеевич всегда обращается ко мне, я всегда помогаю ему с бумагами, со всякого рода решениями, постановлениями и прочим, пользуясь своим старым бюрократическим опытом. Тем не менее я считаю, что для того, чтобы работал наш отдел, который сейчас фактически состоит из двух человек, нам тоже нужен человек. Вот если бы этот человек работал, к примеру, и на Музей, и на нашу выставочную группу, вот тогда бы мы получили профессионала, который знает современное искусство, хранит это искусство и отвечает за его хранение. Не может быть хранение двойное: дарение или Музей. Это — мое глубокое убеждение.

В.П. НЕРОЗНАК: Абсолютно верно, но тогда нужно принимать решение о введении вакансии.

В.А. ПУШКАРЕВ: Во-первых, Владимир Петрович, нужно отменить решение предыдущее. Я возвращаюсь к тем злосчастным 30 миллионам, чтобы было ясно (ведь везде в газетах и по радио, и по телевидению фигурирует эта цифра, и в журнале «Наше наследие» — и там она есть). Во-вторых, как бы ни менялись, сколько бы начальников ни менялось, хоть ежедневно, учреждение есть учреждение и преемственность должна быть.

И последнее: Министерства СССР у нас нет, я пошел в Министерство РФ к заместителю первому и самому министру. Словесное признание и поддержка получены, проект соглашения тройственного (наш Фонд, Министерство России и Союз художников России) дан, подписан Дмитрием Сергеевичем. В июле месяце получили ответ.

Ответ гласит: «Музей не имеет самостоятельности, не имеет лицевого счета, не имеет юридического адреса, у него нет финансов, нет помещения...» Мы можем некоторые вещи передать (так мне сказали), но мы не знаем, кому, куда.

И еще одно: пока мы несамостоятельны, т.е. не имеем юридического лица, к спонсорам-то нельзя обращаться и некуда: «Кто такой, откуда пришел?» Ничего не зарегистрировано в рабочем порядке. Год мы просуществовали, что-

то приобретали. Ведь есть перспектива, есть деньги, приобрели <бы> не 500 вещей, а 1000, 1500... Покажем и скажем: некуда больше, давайте помещение. Но, оказывается, жизнь меняется, всё меняется...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Как бы нам ни было тяжело, а открывать отдельный счет и новую вакансию нам придется. Я прошу это утвердить: и отдельный счет, и создание юридического лица Музея современного искусства. Расплата — путем субсидирования со стороны фирмы Оппенгеймера. Будем просить... Но до того, как мы получим от Оппенгеймера эти деньги, нужно будет из тех, оставшихся у нас, сумм временно взять эти деньги, потому что иначе мы будем платить еще больше. Согласны с таким решением?

В.П. НЕРОЗНАК: Дмитрий Сергеевич, только я все-таки хотел сказать Василию Алексеевичу (у нас тут нет сходства позиций), что надо забыть о тех 30 миллионах, которые когда-то хотели выделить. Пока их у Фонда нет...

В.А. ПУШКАРЕВ: Отмените тогда решение.

С.О. ШМИДТ: Не говоря уже о том, что 30 млн. стали 3 млн.

В.А. ПУШКАРЕВ: Я ведь не говорю: дайте мне 30 млн. Отмените решение!

В.П. НЕРОЗНАК: (зачитывает цитату из письма В.А. Пушкарева в президиум): «Министерство культуры и туризма РФ отказалось стать правопреемником обязательств союзного Министерства культуры — нести его часть расходов по созданию Музея современного искусства». Значит, Министерство отказалось. Почему? Отказ мотивирован тем, что Музей не прошел регистрацию в установленном порядке, не определен его статус, он не имеет банковского финансового счета, отсутствуют помещения для его работы, нет его юридического адреса.

Кроме помещения, всё остальное мы можем сделать.

А помещение временное мы должны получить здесь, нужно очистить от остатков технического оборудования библиотеку. Вам тогда хватит этого помещения?

В.А. ПУШКАРЕВ: Пока что, конечно, хватит — для хранения.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: К отделу хранения просьба помочь в этом деле, потому что если не по специальности, то хотя бы по

долгу своему ваш отдел должен помочь Василию Алексеевичу. И открываем новую ставку, как бы тяжело нам ни было, — ставку специалиста.

С.В. ЯМЩИКОВ: У меня есть одно предложение, которое поможет сделать несуществующий музей какой-то реалией. Дело в том, что в запасниках бывшего Министерства культуры Союза и России, в дирекции есть масса невостребованных работ современных художников, и не только плохих, потому что покупали у всех художников. И насколько я знаю, эти вещи сейчас некуда девать, потому что музеи и наши, и областные не в состоянии их принять, т.к. у них нет запасников. Может быть, посмотреть то закупленное и поговорить с тем, кто эти закупки продолжает? Вот сейчас была история, которая вышла на страницы газет (в частности, на страницы газеты «Московский художник»), была организована новая закупочная комиссия нового Министерства культуры России под руководством нового завотделом изобразительного искусства — Л. Бажанова. И очень большой возник скандал: на этой закупочной комиссии не купили ни одной работы у мастеров, начиная от Аникушина и кончая <другими> признанными. Тогда всё: это искусство тогда вообще не представляет никакого интереса. Это я вас просто информирую. И теперь эти художники спрашивают: «А куда нам теперь свои работы девать? Мы готовы их отдать в музеи, в галереи...» Я просто информирую, что довольно-таки тяжелая сейчас ситуация. Вот Дмитрий Сергеевич правильно сказал, что сейчас масса галерей, которые всё выдают за искусство, а ведь не все художники в годы застоя были мерзавцами и делали только то, что им заказывала номенклатура.

А у художников сейчас очень тяжелое положение, у классических художников! Ведь сейчас масса вещей в запасниках, что с ними делать?! Сжигать, что ли?! Списывать?!

И последнее: когда 2,5 или 3 года назад решался вопрос и мы ходили к Губенко — Вы, Дмитрий Сергеевич, Василий Алексеевич, Сарабьянов и я, — там встал вопрос о том, а что же считать современным искусством, потому что (это тоже очень важно) вот некоторые говорят: это долж-

но быть целиком и полностью в Музее авангарда, а другие говорят: а почему бы не в современном искусстве?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, все школы должны быть представлены.

С.В. ЯМЩИКОВ: Но все-таки главным я считаю, конечно, что после вчерашнего выступления, после вчерашнего Верховного Совета, трудно о чем-нибудь говорить, где мы окажемся, но я понимаю Владимира Петровича, у которого действительно нет денег. Вот я вчера получил доклад Сидорова, который сегодня отчитывается на правительстве, большой доклад о положении дел в Министерстве культуры — о выделении средств. Масса сложных моментов. Если это всё пройдет, я считаю, что вопрос мы должны решать положительно — Музей такой должен быть. Но все-таки первое, что мы должны, — поставить вопрос перед Министерством (иначе всегда так будет; и Василия Алексеевича мне более жалко, чем кому бы то ни было, все-таки 25 лет мы с ним проработали бок о бок в Петербурге, и памятника своего он заслужил). Вот ведь они месяц тому назад во всех газетах написали, что получили замечательное помещение в 3,5 тыс. кв. м в Черниговском переулке, там, где в эпоху застоя решением одного Кочемасова создавался Музей художника Пластова и который полностью отреставрирован за счет государства и энтузиазма Общества охраны памятников (там работала в течение нескольких лет молодежь). В газетах (в «Известиях») было три сообщения подряд, что Российское министерство получило это здание под Музей и Центр современного искусства. Я поинтересовался, будет ли там Музей современного искусства. Оказывается, это был как бы насильственный захват этого помещения (я согласен, что у Пластова музеев слишком много — и в Ульяновске, в Прислонихе). И теперь неделю тому назад Ельцин подписал Указ о передаче этого помещения в Черниговском переулке Международному славянскому фонду. Этот Указ я видел, сейчас он оформляется.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: А что Славянский фонд с этим будет делать? Это не имеет отношения к искусству?

С.В. ЯМЩИКОВ: Нет, у них все обосновано, это будет Международный славянский фонд, создаются они после Конгресса, который был проведен в Москве. Такие фонды с такими помещениями есть в Белграде, в Софии, и здесь Международный славянский фонд будет заниматься всеми проблемами, которые поставлены в процессе этого Международного славянского конгресса, но они уже это получили, Дмитрий Сергеевич. Я к чему это говорю? Вот мы бы могли, если бы у нас с Министерством была согласованность, мы могли бы об этом помещении в Черниговском переулке тоже поставить вопрос. У нас ведь готовый музей, с которым мы могли бы внедриться в это помещение.

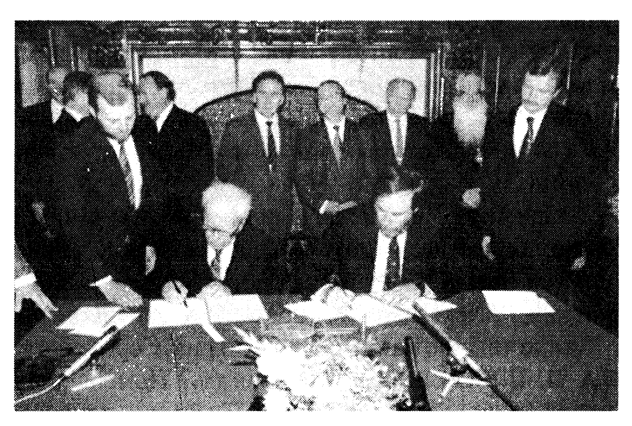
А Владимира Петровича я понимаю. Мы с ним сегодня говорили: вот надо ехать к Серебряковым, а денег нет. Ну, нет так нет. «На нет и суда нет». Мне все-таки жалко, что Василий Алексеевич все время будет в таком положении. Жалко так же, как и Вам, Дмитрий Сергеевич.

В.А. ПУШКАРЕВ: Можно добавить? Помещение, которое отреставрировали для Музея Пластова, я слезно просил. Но Бажанов прибрал его себе. У него свой Центр. До того как он появился в Министерстве, он создал Центр искусств на Дмитровке. Я просил его, но его мне не дали, т.к. его захватил сам Бажанов. Власть есть власть. Теперешние власти, как вам известно, не зевают.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Хорошо. Остановимся на следующем: Василий Алексеевич и все присутствующие согласились с тем, что здесь говорилось. Друг другу никто не противоречил. Положение ясное. Мы просим Владимира Петровича это учесть и добиться того, чтобы деньги на оплату были выданы как можно скорее и чтобы покупка новых произведений не прекращалась. Что касается помещения, выставки, оформления и даже названия, то это нужно решить в рабочем порядке. Если действительно Музея современного искусства нет, то давайте срочно легализовать то, что есть, и открыть музей как юридическое лицо.

В.П. НЕРОЗНАК: Мы предлагали в Выставочном зале открыть выставку.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: В Выставочном зале можно поместить на стендах часть лучших произведений, не прикрепляя к черному дубу, и пригласить телевидение, прессу и считать наш Музей уже открытым. Юридически его оформить и дать Василию Алексеевичу пока одну ставку. Когда Музей будет открыт, у него будет счет, тогда он пригласит и охрану, и других сотрудников[1].

Д.С. Лихачев подписывает соглашение с благотворительным Фондом Оппенгеймеров. В заднем ряду справа налево: митрополит Питирим, В.А. Пушкарев, В.П. Нерознак, О.И. Карпухин. 1992 г.

Из писем Д.С. Лихачева 1993 г.

Белгородская обл. Красная Яруга
Шпанову Виктору Александровичу

Уважаемый Виктор Александрович!

Благодарю Вас за письмо, за заботу о нашем культурном наследии.

Вполне разделяю Ваше желание создать музей А.А. Фета в его доме в деревне Воробьевка Курской области.

Буду с Вами откровенен — в наше суровое время это нереально. У государства едва хватает средств для поддер-

[1] Архив РФК. Т. 12. Д. № 71.

жания уже существующих музеев. Фонд культуры не располагает большими средствами. Ведь, как Вы сообщаете, надо построить новое здание, чтобы переселить школу.

Остается надеяться на будущее, когда экономическое положение нашей страны улучшится.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
15.02.93

Члену-корреспонденту Российской академии
архитектуры и строительных наук
Сдобнову Юрию Афанасьевичу

Уважаемый Юрий Афанасьевич!

Согласен с Вами, что проблема малых городов заслуживает самого пристального внимания. Уже принята государственная программа помощи малым городам, и это хорошее начинание должны взять под свой контроль общественные организации, в том числе и Фонд культуры. Иначе, как часто бывает в нашей стране, государственные субсидии на эту программу бесследно исчезнут в бюрократическом омуте.

Я за то, чтобы Фонд культуры имел такую программу. В марте будет обсуждаться дальнейшая деятельность Фонда и предстоящая его реорганизация. Надеюсь, что Совет Фонда и его президиум программу «Малые города» поддержат.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
10.03.93

Председателю государственного комитета
по ликвидации последствий аварии
на Чернобыльской АЭС
Возняку Василию Яковлевичу

Уважаемый Василий Яковлевич!

В 1987 г. в президиум правления Фонда культуры поступило письмо из литературно-мемориального музея А.К. Толстого в с. Красный Рог Почепского района Брянской области. Директор музея М.Д. Трушкин просил Фонд культуры помочь в возрождении старинной усадьбы, связанной с именами замечательных русских поэтов — А.К. Толстого, А.А. Фета,

Я.П. Полонского, братьев Жемчужниковых, поэта и философа Вл.С. Соловьева. Фонд культуры выделил 100 тысяч рублей на восстановление красногорской усадьбы.

Нам приятно отметить, что деньги Фонда пошли на пользу, и сегодня главная усадебная постройка восстановлена.

Немалая заслуга в этом по праву принадлежит директору музея М.Д. Трушкину, выпускнику Ленинградского университета (1965 г.), много лет проработавшему в музеях Ленинграда, а в 1980 г. переехавшему на постоянное жительство в Красный Рог, чтобы возродить усадьбу А.К. Толстого.

М.Д. Трушкин, отдавший много лет жизни служению русской культуре, в настоящее время находится, как и большая часть русской интеллигенции, в очень сложной материальной и бытовой ситуации. Его семья из пяти человек (из них трое детей) имеет 26 кв. метров жилой площади в совхозном доме. У М.Д. Трушкина нет нормальных условий для творческой деятельности.

Уважаемый Василий Яковлевич! Я обращаюсь к Вам с просьбой помочь семье М.Д. Трушкина улучшить жилищные условия, выделив его семье из фонда строящегося жилья для переселенцев, пострадавших от аварии на ЧАЭС, сельский домик-коттедж в с. Красный Рог Брянской области.

Буду признателен, если сообщите мне о принятом решении.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
30.03.93

Председателю Санкт-Петербургского
городского совета А.Н. Беляеву
Председателю Комитета по экономическому
развитию Д.М. Сергееву

Прошу оказать содействие в реализации программы «Православный Путь», изложенной в письме председателя приходского совета о. Питирима Скорбеж.

Я разделяю мнение авторов программы, что создание духовного центра в Купчино (квартал 20) позволит решить несколько важных задач. Проектируемый собор Св. Георгия Победоносца станет первым монументальным памятником жертвам тоталитарного режима. Вокруг храма объе-

динятся люди, которые будут способствовать духовному и культурному возрождению народа.

Наконец, архитектурный ансамбль, выполненный талантливыми зодчими и строителями, украсит и облагородит район Купчино, застроенный унылыми и однообразными зданиями.

С уважением,
Д.С. Лихачев
31.03.93

Директору Северного Торгового банка
г. Юневу А.А.

Глубокоуважаемый Андрей Анатольевич!

В 1989 г. в окрестностях г. Славянска на Кубани был найден уникальный по составу и размерам клад византийских золотых монет VIII в. В Краснодарский краевой музей поступили в 1989 г. 205 солидов Льва III Исавра (737—741), Константина V Копронима (741—775), Льва IV Хазара (775—780) и два арабских динара 121 г.

В марте 1993 г. археологу Эрмитажа А.И. Семенову удалось выяснить, что несколько десятков золотых монет из этого клада до сих пор находятся у жителей Славянска и других мест Краснодарского края. К сожалению, учреждения культуры не имеют средств для того, чтобы выкупить у населения все принадлежащие этому уникальному кладу монеты.

Не могли бы Вы на средства Вашего банка произвести покупку у населения еще доступной части клада?

Возможно, такое использование средств окажется престижным и целесообразным для банка и в то же время спасет часть находки, недоступную для научного изучения уже четыре года.

С уважением,
Д.С. Лихачев
05.04.93

Петербург
г. Федорову Н.

Уважаемый Николай Федоров!

Разделяю Ваше мнение, что совершать церковную службу в помещении, где расположена музейная экспозиция, неудобно. Разумеется, надо искать для музейной экспозиции «Чесменская битва» другое помещение.

Однако Ваше предложение о переводе экспозиции в Чесменский дворец, который сейчас занимает Институт авиаприборостроения, в настоящее время не представляется реальным. Едва ли петербургская администрация пойдет сейчас на этот шаг. Даже из Александро-Невской лавры не могут вывести учреждения, так как строительство для них новых зданий остановлено из-за недостатка средств.

Мне кажется, что церковной общине прежде всего надо обратиться к директору Центрального военно-морского музея (в чьем подчинении находится экспозиция «Чесменская битва») с просьбой найти с помощью мэрии другое помещение для экспозиции.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
13.04.93

Президенту России
Ельцину Борису Николаевичу

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Я поддерживаю ходатайство Академии русского балета имени А.Я. Вагановой об установлении дополнительного пожизненного материального обеспечения профессору Академии народной артистке России Наталии Михайловне Дудинской.

Наталия Михайловна Дудинская более шестидесяти лет жизни отдала служению русскому балету сначала как замечательная танцовщица, затем как педагог.

Нет необходимости подробно писать о сделанном Н.М. Дудинской: ее имя есть в крупнейших энциклопедиях и книгах о балете.

И по сей день Н.М. Дудинская продолжает работать, воспитывая артистов балета.

С уважением,
Д.С. Лихачев
19.04.93

Председателю Совета национальностей
Верховного Совета Российской Федерации
Р.Г. Абдулатипову

Уважаемый Рамазан Гаджимурадович!

Разделяю Вашу обеспокоенность бедственным положе-

нием Дагестанского исторического музея (Махачкала). В таком же положении находятся многие музеи России, в их числе и Музей Пушкинского Дома, который закрыт уже несколько лет.

Я не знаю, как им помочь сейчас, когда страна переживает экономический кризис. Государство выделяет очень мало средств, да и те обесцениваются быстрее, чем музей может их освоить.

Фонд культуры, к сожалению, не может помочь, так как не имеет необходимых средств. Источники дохода почти отсутствуют: издательская деятельность почти прекратилась, поступления от выставок и других мероприятий очень скудны.

В настоящее время каждый музей ищет самостоятельно необходимые средства. Может быть, организовать выставку богатейших коллекций Дагестанского музея за рубежом? Так сейчас зарабатывают средства крупнейшие наши музеи.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
28.04.93

г. Тольятти
Бусову А.Л.

Уважаемый Александр Леонидович!

С Вашим письмом я познакомился после зарубежной командировки, когда референдум по вопросу возвращения городу Тольятти его прежнего названия Ставрополь-на-Волге уже состоялся.

Я всегда выступал за возвращение исторических названий и городов и улиц. Однако в этом деле не нужна поспешность и с экономической точки зрения, и с социальной: городской бюджет сейчас очень небогат, а жителям трудно сразу привыкнуть к множеству новых для них названий.

И все же я не сомневаюсь, что со временем наиболее ценные исторические названия вновь появятся на карте и на улицах городов.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
05.05.93

Музей «Александровская слобода»
Директору музея А.С. Петрухно

Уважаемый господин директор!

Я считаю, что между задачами Церкви и более частными задачами музея нет и не может быть противоречий. Церковь и музей в церкви служат духовности. Противоречия создаются искусственно людьми, служащими злу. Повсюду в мире музеи сохраняют церковные ценности и дух Церкви.

Мне понятны трудности взаимоотношений музея и церковных иерархов. И все же надо находить компромисс, другого пути нет.

Просить для Александровской слободы статус национального музея-заповедника можно лишь от имени и с согласия двух сторон — светской и церковной. Думаю, что преимущества такого статуса очевидны для тех и других.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
05.05.93

Президенту Российской Федерации
Б.Н. Ельцину
Председателю Совета министров правительства
Российской Федерации
В.С. Черномырдину

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!
Глубокоуважаемый Виктор Степанович!

Российский государственный исторический архив (РГИА) является объектом культуры мирового значения. В архиве хранятся важнейшие документы по истории России XVIII — начала XX в., по истории стран ближнего и дальнего зарубежья, уникальные собрания авторской архитектурной графики знаменитых зодчих, единственное в мире собрание российской геральдики, тысячи документов из личных фондов государственных деятелей России, ученых, литераторов, музыкантов, художников. В фондах РГИА сосредоточена до сих пор не востребованная информация, важная для решения современных проблем (опыт государственного хозяйствования и управления, социальной по-

литики, развития сельского хозяйства, землеустройства, борьбы с преступностью, налогообложения и т.д.).

Движение нашей страны по пути становления правового государства немыслимо без изучения опыта прошлых поколений, без исторического и документального обоснования юридических норм и, следовательно, без использования архивных материалов.

Фонды Российского государственного исторического архива — историческая память России.

В настоящее время имеется реальная угроза серьезного повреждения или даже полного уничтожения документов РГИА. Здания, где расположен архив, нуждаются в срочном ремонте, отсутствуют современные средства пожаротушения, архив не имеет современной копировальной и компьютерной техники. Не выполняется Указ Президента Российской Федерации № 1352 от 12 ноября 1992 г. «О закреплении имущества за организациями и учреждениями архивной службы России». Если не будут приняты экстраординарные меры, возможна катастрофа национального масштаба.

Необходимо срочно выделить средства для неотложных работ по обеспечению пожарной безопасности, передать на баланс РГИА комплекс зданий Синод-Сенат-Лаваль, приступить к реконструкции РГИА.

С уважением,
академик Д.С. Лихачев
15.06.93

Председателю Российской государственной
телерадиокомпании «Останкино»
Брагину В.И.

Уважаемый Вячеслав Иванович!

Примите самую глубокую благодарность за участие в «Днях классики»[1].

---

[1] Д.С. Лихачев предлагал учредить в России «День классики» для приобщения школьников и молодежи к классической культуре. По предложению Д.С. Лихачева в день Св. Кирилла и Мефодия 24 мая некоторые музеи работали бесплатно для школьников и студентов, а телевидение и радио готовили специальные программы классической музыки и т.п.

Программа телерадиокомпании «Останкино» 24 мая была составлена так тщательно и продуманно, что, несомненно, каждый зритель смог найти для себя очень близкое и дорогое.

Надеюсь, что такие программы станут хорошей традицией.

С уважением,
Д.С. Лихачев
15.06.93

Посольство Российской Федерации в Болгарии
Послу Российской Федерации в Болгарии
А.А. Авдееву

Глубокоуважаемый господин Посол!

Прошу извинить меня за промедление с ответом, которое вызвано серьезными причинами.

В Российском фонде культуры произошла смена руководства. Председателем Фонда избран Никита Сергеевич Михалков, я стал почетным председателем Фонда.

В связи с этим будут разработаны новые концепции деятельности и новый Устав. Поэтому присылать сейчас устаревший Устав и программу деятельности на 1993 г. нецелесообразно, так как они будут корректироваться.

Хочу Вас заверить, господин Посол, что сотрудничество Фонда с творческими организациями и деятелями культуры зарубежных стран, несомненно, будет расширяться. В том числе и с Болгарией, с которой Россию традиционно связывали самые тесные и дружеские отношения.

В настоящее время все конкретные предложения о сотрудничестве можно направлять по адресу: 121019, Москва, Гоголевский бульвар, 6. Правление Российского Фонда культуры.

С уважением,
Д.С. Лихачев
15.06.93[1]

[1] Архив РФК. Т. 26. Л. № 1–3, 7–10, 12–15, 18, 25.

Часть 3

ВЫСТУПЛЕНИЯ, БЕСЕДЫ, ИНТЕРВЬЮ Д.С. ЛИХАЧЕВА 1986—1991 гг.

От составителя

Этот раздел включает несколько выступлений Д.С. Лихачева вне Фонда культуры и записи его частных бесед. Большинство материалов сохранилось в личном архиве составителя этой книги. Здесь необходимы некоторые пояснения.

С Дмитрием Сергеевичем я познакомилась 19-летней студенткой благодаря его другу М.М. Баринову, руководителю молодежного клуба при Центральном доме работников искусств в Москве. Было это в 1982 г. Осенью 1984 г., уже работая в пушкинском музее, директором которого стал М.М. Баринов, по его просьбе я нередко навещала Дмитрия Сергеевича в московской академической больнице.

Так началось наше десятилетнее тесное общение. Мне довелось наблюдать Д.С. Лихачева в разных ситуациях: и на публичных встречах и выступлениях в Москве, и особенно часто — в домашней обстановке в московском санатории «Узкое», в ленинградской квартире и на даче в Комарове. Затем к этому добавилось общение по делам Фонда культуры — в 1988 г. по рекомендации Дмитрия Сергеевича я перешла на работу в Фонд экспертом отдела программ... В последующие пять лет мне пришлось часто ездить к нему в Петербург и даже ездить вместе с ним в Бонн, куда он отправился с Зинаидой Александровной в ноябре 1991 г., чтобы избежать торжественного празднования своего 85-летия в Петербурге и Москве.

В начале 1990-х гг. я помогала Д.С. Лихачеву готовить многотомное собрание его сочинений (которое так и не было издано, хотя были сданы пять томов и собраны материалы к остальным томам).

С 1980-х гг. у меня остались записи разговоров с Д.С. Лихачевым: на магнитофонной пленке (ее расшифровка открывает этот раздел) и в тетрадях. Некоторые из них публикуются ниже. Интервью с Дмитрием Сергеевичем 1987 г. и записи его высказываний того же периода объединены темой подмосковных мест детства Пушкина. С помощью Д.С. Лихачева в усадьбах Захарово и Вяземы был создан Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, успешно работающий уже 15 лет. Это — прекрасный пример того, к каким реальным результатам приводила борьба Д.С. Лихачева в защиту памятных мест.

В этом же разделе публикуется рукопись речи Д.С. Лихачева в Праге на церемонии присуждения ему степени почетного доктора Карлова университета 18 декабря 1991 г. Копию автографа Д.С. Лихачева для публикации предоставила вице-президент Российского фонда культуры Л.В. Назарова.

Беседа Д.С. Лихачева 26 января 1988 г. (*текст аудиозаписи*)

<Дуэль Пушкина[1]>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Я говорил, сколько пошлости вылито на последнюю трагедию Пушкина, и до сих пор эти оскорбительные «дипломы рогоносцев» Пушкину даются и даются, даются без конца, и что нужно восстановить честь Пушкина. А восстановление чести Пушкина — это восстановление в какой-то мере чести Натальи Николаевны. Но не так грубо, как это сделано двумя авторами — Дементьевым и Ободовской — с таки-

[1] Из неопубликованных воспоминаний Д.С. Лихачева о совместной работе над пушкинской темой с М.М. Бариновым. Марк Михайлович Баринов — друг Д.С. Лихачева, подготовил несколько интервью с ним, в последний год жизни — директор Государственного музея А.С. Пушкина в Москве.

ми преувеличениями. Это не нужно: Наталья Николаевна была обыкновенная женщина, но все возможные предположения и так далее — это оскорбляет Пушкина. Пушкин должен был драться на дуэли, потому что иначе была бы зачеркнута его поэзия. Он бы остался рогоносцем на всю жизнь. Понимаете, зачеркнута была бы его поэзия — поэтому он должен был это сделать <вызвать на дуэль Дантеса>, хотя бы для того, чтобы сохранить свою поэзию как поэзию незапятнанного человека. Дело в том, что поэт и его поэзия — они неразрывны. Вот мы на эту тему говорили <с М.М. Бариновым>... Что когда современные поэты ведут себя безобразно, добиваются каких-то почестей, наград, орденов и т.д., понимаете, они роняют свою поэзию...

Н.В. ДМИТРИЕВА: Часто там ронять нечего.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, часто и ронять нечего *(смеется)*. Но такие случаи мне известны.

Во всяком случае, у Пушкина не было другого выхода. У Натальи Николаевны был другой выход: ей нужно было, когда она все это почувствовала, увезти его в Михайловское... Мы об этом говорили. Но Наталья Николаевна была ведь женщина обычная, и у ней не только пустая суетность была, остаться в Петербурге и блистать при Дворе. У ней была обязанность: выдать замуж своих сестер. А сестер замуж выдать нельзя было в Михайловском. Поэтому там дело не так просто — ее нельзя обвинять в этом. Она не думала, что кончится такой трагедией страшной. Но у ней была своя забота и свой долг.

<Музей-квартира Пушкина в Москве на Арбате>

Относительно Арбата я должен сказать, что тут я немножко виноват перед Марком Михайловичем, то есть я обрушил на него гнев Крейна[1].

---

[1] А.З. Крейн — предшественник М.М. Баринова на посту директора Государственного музея А.С. Пушкина в Москве. Идея А.З. Крейна заключалась в том, чтобы создать «оправу» для дома Пушкина на Арбате и превратить внутренний дворик усадьбы в концертный зал, перекрыв его стеклянной крышей. В 1999 г. эта идея воплощена в здании Литературного музея А.С. Пушкина на Пречистенке.

Марк Михайлович советовался со мной о том, возможен или невозможен проект Крейна: восстановить дом на Арбате и окружить его роскошной постройкой, полукругом таким, как бы кольцом, в котором собрать вещи, даже не имеющие отношения к Пушкину, — подарки музею. Я сказал, что эта идея совершенно ложная, что это нельзя делать. Потому что это исказит облик того места... и облик дома даже искажается от его окружения, а если современное здание такого выставочного типа... построить вокруг дома на Арбате, то Арбат <пушкинский мемориальный музей> погибнет, потому что, ну, будут ходить смотреть вещи, не имеющие отношения к Пушкину, а пушкинский дом запустеет. И тогда Марк Михайлович предложил, что этот дом должен быть домом встречи — опять <же> он думал всегда о молодежи... Зал, где всем встречаться для чтения стихов, для научных докладов... Какие-то занятия по пушкинской поэзии вести и так далее... Потом мы с ним советовались о том, что же выставлять в этом доме на Арбате, если даже неизвестно, где была, допустим, гостиная, спальня и так далее. Всё ведь это очень проблематично. И мы решили тогда — это было предложение Марка Михайловича — сделать этот дом выставкой акварелей, гравюр и масляной живописи — <видов> пушкинской Москвы.

Такая идея у меня и сейчас есть относительно Конюшенной церкви <в Петербурге>, где отпевали Пушкина — там сделать выставку пушкинского Петербурга[1].

Но когда я с этим обращался к М.Н. Петай — бывшему директору Пушкинской квартиры[2], она говорила: «У меня, у нас не хватит сил, у нас нет для этого возможностей». Ну,

[1] В советское время почти единственным способом сохранения бывших храмов было превращение их в музеи. В новых условиях в 1990 г. Д.С. Лихачев поддержал возвращение верующим церкви Спаса Нерукотворного на Конюшенной площади. Вместе со своей дочерью Людмилой Дмитриевной и автором этих строк Д.С. Лихачев присутствовал на одном из первых богослужений в этом храме.

[2] М.Н. Петай была директором Всесоюзного музея А.С. Пушкина (ныне Всероссийский музей А.С. Пушкина); в состав музея входит и мемориальная квартира Пушкина на Мойке, 12.

что ж делать, действительно, возможностей нет ... Я не мог на этом настаивать. Но там... очень жалко, что Брюлловские росписи погибли[1], и стоит это такое святое для каждого русского человека место, где стоял гроб Пушкина, в таком запустении ужасном.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Многие даже не знают, что это церковь[2].

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, да, здание вполне светское...

— Ни мемориальной доски нет...

Д.С.: Ничего нет, ничего нет. Это ужасно.

<Архитектура Петербурга>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: У нас вообще в Ленинграде считается так, что это вообще какая-то обуза — вот эти <мемориальные> доски на домах, потому что они не позволяют потом этот дом реконструировать.

Архитекторам и начальству очень хочется как можно больше снести, поставить современных зданий, *превратить старый город в новый, социалистический.* Это лозунг, который висел всюду в Новгороде в свое время: «Превратим древний Новгород в Новгород социалистический!» Так вот. Скрытно этот лозунг висит над Ленинградом: «Превратим старый Петербург в новый социалистический Ленинград».

...Москвичи не знают, сколько здесь разрушено старых домов и как уже испорчен Ленинград и его центр. У меня в «Декоративном искусстве» есть статья о старом Петербурге, но я там не написал о том, сколько зданий в Ленинграде старых снесено и как испорчена рядовая застройка. Скажем, Вознесенский проспект — он весь определялся церковью Вознесения... А сейчас это скучная улица... Сразу она стала однообразной, такой скучной, какой-то нищей улицей...

---

[1] В настоящее время в действующем храме частично восстановлены росписи Александра Брюллова.

[2] В здании бывшей церкви Конюшенного ведомства в советское время был НИИ (по рассказам очевидцев, в алтаре висел портрет Ленина).

<Портик Руска на Невском проспекте>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Когда его стали разрушать, я написал в «Литературную газету» статью о том, что нельзя разрушать портик Руска, что он определенную имеет градостроительную задачу: маленький портик противостоит большому портику Русского музея, но Русский музей очень в глубине, а этот почти на Невском проспекте... И тогда <главный архитектор Ленинграда> Каменский пригласил меня к себе — это было главное управление, ГлавАПУ ленинградское — и сказал, что «мы портик Руска не собираемся разрушать». И сказал об этом «Литературной газете», что разрушения не произойдет. И моя статья в «Литературную газету» была...

Н.В. ДМИТРИЕВА: Разобрана?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Разобрана <не вышла в свет>... И потом вдруг через неделю, через две портик Руска был разрушен. Когда я обратился в представительство ленинградское «Литературной газеты» и сказал: ну, как же, ведь вам же говорили, говорил Каменский, что не разрушен будет <портик>? Мы пошли к Каменскому, и Каменский сказал: «А мы его не разрушили. Мы его разобрали, он будет восстановлен». Понимаете, какое лицемерие?!

И восстановили, конечно, не так. Потому что колонны — они сейчас мертвые... Они были... у них такая немножечко пузатость была, свойственная колоннам, а сейчас это по линейке... Это не тот портик Руска, который был. Но все-таки хорошо, что хоть какую-то память оставили, потому что этот провалище туда... <видеть> было невыносимо совершенно. Но он уже не противопоставлен портику Русского музея там вдали[1].

Реконструкция 1987 г. Музея-квартиры Пушкина на набережной Мойки, 12

Д.С. ЛИХАЧЕВ: <Автор архитектурного проекта> — он даже такие кощунственные вещи сделал, как, например, под кабинетом Пушкина, где он умер, он расположил уборную!..

[1] Другой вариант этого рассказа см. в интервью Д.С. Лихачева «Тревоги совести» («Литературная газета» от 1 января 1987 г.).

Н.В. ДМИТРИЕВА: Стеллажи ужасные...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, стеллажи неудачные... А первую квартиру Пушкина <музей там> делал Б.В. Шапошников, который понимал...

Но дело заключалось в том, что, когда открывалась квартира Пушкина <после ремонта>, разразился скандал, то мне в общем пришлось защищать эту квартиру, вот в этом виде. Но я там, правда, предложил некоторые изменения. Скажем, жилет Пушкина вынести из комнаты, где были выставлены эти дипломы рогоносцев, <анонимные> письма и так далее, вот из комнат сестер <Натальи Николаевны>, где вся грязь, лившаяся на Пушкина, была выставлена, и там жилет Пушкина был, — я предложил его перенести в переднюю, туда, где посмертная маска Пушкина... Они это сделали. Потом я все-таки добился, чтобы в проекте уборная была <в другом месте. — Здесь обрыв записи. *Сост.*>.

И.Ю. ЮРЬЕВА: В музейной экспозиции, мне кажется, должна быть какая-то преемственность, чтобы то, что вошло в культуру, сохранялось...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да. Ведь дело в том, что последнюю квартиру Пушкина посещало колоссальное количество людей, колоссальное количество <приходило> и по лестнице, в подворотне[1]... Приходил Блок, тогда начинался Пушкинский Дом, тогда приходила масса людей, поэтов и так далее. С этим же тоже надо считаться: квартира Пушкина уже как-то отразилась в сознании... Ну, глупости нужно убирать, конечно...

Вот глупости... Я не могу совершенно видеть, чтобы в Тригорском, нет, в Михайловском, была дворцовая обстановка — дворцовая мебель, вывезенная из Пушкинского Дома[2]. Это же не усадебная мебель! Усадебная мебель делалась крепостными столярами, а не из Парижа вывозилась! Дом-то Пушкина был бедный. Это во-пер-

---

[1] Д.С. Лихачев говорит о лестнице в квартиру Пушкина, которая идет из-под арки, закрытой для посетителей при реконструкции 1987 г.

[2] После утрат в результате фашистской оккупации музей Михайловского пополнялся за счет мебели красного дерева из петербургских дворцов, хранившейся в литературном музее Пушкинского Дома Академии наук (в его ведении находился Пушкинский заповедник).

вых. А во-вторых, нельзя пускать эту плющевую зелень, которую стали пускать только после войны <1941—1945 гг.>. До войны на это же не было моды — по стенам чтобы, знаете, такие вьющиеся растения... Взяли и там <в Михайловском> это для красоты устроили!

Ну, когда ставят яблоки, когда ставят цветы — это во всех музеях ставят — это хорошо. Только надо уметь делать букеты, конечно. Даже полевых цветов.

И.Ю. ЮРЬЕВА: А теперь можно сделать квартиру Пушкина такой, к какой все привыкли?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, там уже нельзя сделать, там же прибавлены комнаты сестер, там уничтожена эта лестница. И там экспозиция — она сделана правильно. То есть так как нельзя восстановить ни детскую, ни комнаты сестер, то там сделали комнаты с документами, ну, главным образом, касавшимися гибели Пушкина. Это правильно. Там <в комнатах сестер Натальи Николаевны> и не должно быть пушкинского духа...

Но вот я говорил <...> с Поповой[1] — мы говорили с ней относительно того, что отдельные вещи в пушкинской квартире носят уж очень дворцовый характер: люстры, печи... Потом очень уж какая-то безвкусная роспись стен... Но она <Н.И.Попова> говорила так, что квартиру Пушкин снимал с вещами уже — с некоторыми <предметами обстановки>. И так как квартира принадлежала вот этой княгине Волконской, то дворцовые такие вещи могли быть.

(И.Ю. Юрьева — о впечатлениях современных поэтов от музея-квартиры на Мойке: видя нераспроданные тома на стеллажах в коридоре возле детской, они думают, что как сегодня не покупают их произведения, так и Пушкина тоже не покупали.)

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Ну, во-первых, там не пушкинские стихи в этих пакетах — там «Современник» и «История Пугачева». Это вполне естественно, что это рассчитано было не на моментальную продажу.

---

[1] Н.И.Попова — в то время заведующая Музеем-квартирой А.С. Пушкина.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Вы думаете, они хранились рядом с детской?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Не знаю... Могло быть... Ведь мы все-таки должны считаться и с тем, что будут рассказывать экскурсоводы. Если мы не знаем ничего об этом месте, то лучше тогда сделать так, чтобы экскурсоводам было удобно рассказать побольше фактического материала. А экскурсовод может сказать, что мы не знаем, где хранились эти тома. Не обманывать.

Блокада Ленинграда
<Город на крови>

...О чем я думал на вышке Пушкинского Дома, когда была блокада и я должен был дежурить на вышке Пушкинского Дома[1].

Немцы бомбили Ленинград. Перед моими глазами горело Мытнинское общежитие [университета]. Оно горело недели две, начало гореть сверху, потом постепенно выгорало. И те ослабевшие от голода люди, которые оттуда не могли выйти, они сгорали вместе с домом. *Это был ужас!* А я в это время думал даже не только о тех людях, которые там горят, которые не имеют сил выйти, оттого что они обессилели от голода [не мог им помочь, так как сам был слаб и еле волочил ноги, ходил как старик, шаркая]. Но еще я думал о том, нужно ли будет восстанавливать эти [сгоревшие] здания или нет. Что, если их восстановить, в них нельзя будет жить — психологически нельзя будет жить. Сейчас об этом никто не помнит, *даже не знают, что эти дома сгорели и что в них сгорели люди,* — не знают, просто не знают! Никто не знает, и этого вопроса нет. Но мне-то казалось, что каждый момент блокады будет известен тысячелетия!.. И я думал, что нужно эти дома уничтожить и на их месте устроить парк. А потом у меня родилась идея *прогулочного* парка [в Ленинграде]...

---

[1] Данный отрывок дополнен самим Д.С. Лихачевым при подготовке им статьи о М.М. Баринове. Эти дополнения сохранены в настоящей публикации (даны в квадратных скобках).

Самое важное в нашей современной урбанистической жизни – это прогулки. Не бег трусцой, потому что во время бега человек не может думать, он смотрит под ноги, чтобы не упасть, а во время прогулки [быстрым шагом] он думает и получает впечатления...

И вот я мечтал о том, как это будет хорошо: от крейсера «Аврора», с той стороны... Александровский парк вокруг Кронверка будет переходить в парк Ватного острова. Все эти заводские строения, которые тут расположены, – они не для центра города, здесь должен быть парк... Затем парк Петровского острова, он соединен с Крестовским островом, соединен с Елагиным островом... И таким образом человек по субботам, по воскресеньям, не затрачивая сил на поездки в автобусе или в поезде, может прямо войти в этот парк в центре города и идти от Финляндского вокзала к морю. В этом парке и дорожки должны быть велосипедные сделаны, и под проездами должны быть какие-то туннели, чтобы не выходить и чтобы не было перекрестка никаких движений. И я думал о том, что должно быть какое-то умственное развлечение, вернее, отвлечение от повседневных забот. Исторические здания, Тучков буян будет таким отвлечением – он может быть и музеем, и так далее... Затем в парке могут быть какие-то маленькие зоологические сады... что-то такое должно быть, чтобы была прогулка не только ногами, но и умом, [думами]... Чтобы можно было ходить семьей, где-то посмотреть какой-то короткий фильм, где-то отдохнуть, посидеть у фонтана. А главное, чтобы была определенная цель, допустим – дойти до моря и посмотреть закат солнца на стрелке Елагина острова.

<Судьба музеев в годы войны>[1]

И.Ю. ЮРЬЕВА: Что было в квартире Пушкина на Мойке, 12 во время войны?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Там ничего не было. Всё вывезли в Пушкинский Дом.

[1] Этот и следующий фрагменты опубликованы в сборнике «Памяти Д.С. Лихачева» (журнал «Русское возрождение») в 2000 г. Здесь тексты заново выверены и дополнены по аудиозаписи.

И.Ю. ЮРЬЕВА: А говорят, во время блокады машин не было...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет, машины ловили — это в самом начале войны было... Там знаете еще... там произошли такие вещи интересные... Когда из Пушкинской квартиры вывозили диван — там по бокам были ящики, скрытые ящики, и в них сложили очень важные вещи: какие-то письменные документы. И потом их не могли найти, считали, что они пропали. И только случайно открыли и увидели. А как их туда складывали, я помнил, но я не догадался об этом сказать, и они искали уже без меня, мне не говоря.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Вы сами вывозили вещи из Пушкинской квартиры?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, да...

Когда немцы начали наступать, то была еще выставка Пушкинская в Екатерининском дворце <Царского Села>. И вот — я же молодой человек был — меня повезли на грузовике в <город> Пушкин, и мы вывозили Пушкинскую выставку из Екатерининского дворца, с первого этажа...

И.Ю. ЮРЬЕВА: Это современный ВМП[1]?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Вот это я не знаю... Я помню, что мы снимали какие-то вещи со стен, какие-то акварели, которые там были, какие-то гравюры... свозили в Пушкинский Дом. А через два дня немцы заняли Пушкин... И мы же не знали этого! Потому что в сводках значилось, что бои идут под Псковом, а на самом деле они шли уже за Лугой. И немцы прошли между Павловском и Пушкином и отрезали Пушкин сразу от Ленинграда. И, скажем, у Анциферова дочь осталась в Пушкине, а сам он оказался в Ленинграде...

Н.В. ДМИТРИЕВА: Значит, заранее ничего не вывозилось?

И.Ю. ЮРЬЕВА: Павловск вывозили...

---

[1] Главная пушкинская музейная коллекция страны: подлинники, собранные из ряда музеев на выставке 1937 г. в Москве и затем перевезенные в Петербург, ныне хранятся во Всероссийском музее А.С. Пушкина (ВМП).

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет. Павловск немножко вывозили, причем частично в квартиры начальников... Это нам наша нянька говорила.

— И это не вернулось в музей?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Не знаю! Вот, в квартиры начальников...

В современном Коттедже < в Петергофе> — там... <для музея после войны> в комиссионном магазине купили сервиз с девизом Коттеджа. Значит, кому-то он достался при вывозке, кто его продал. И там половина этого сервиза сейчас стоит — украшает Коттедж: там накрыт стол в столовой и <сервиз> с этими вензелями, так что это несомненно из Коттеджа...[1] Вообще места музеев нельзя менять. Так же как нельзя менять инвентарные номера. В этот момент происходят кражи и пропажи.

Н.В. ДМИТРИЕВА: Ленинград был в таком жутком положении...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: И одновременно шли кражи...

— И все-таки многое сохранилось...

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Но, видите, немцы — народ экономный. Они бомбили, когда были далеко от Ленинграда. Мы спускались в первый этаж тогда, нам женщина одна уступила комнату, мы там ночевали, в этой комнате, хотя нас там так же могло засыпать, как и на пятом этаже. Но когда немцы подошли совсем <близко> к Ленинграду, им не было смысла бомбить.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Они думали, что возьмут город....

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Нет. Они ждали, что люди все вымрут — так, по-видимому, мне так кажется... Они обстреливали из

---

[1] Герб дворца «Коттеджа» Александры Федоровны (супруги Николая I) придумал В.А. Жуковский. Этот герб изображен на каждом предмете сервиза, специально заказанного для Коттеджа. Кроме комплекса предметов столового сервиза, который после войны продавался в комиссионном магазине и был возвращен в музей путем покупки (о чем говорит Д.С. Лихачев), в ленинградских комиссионных встречались отдельные вещи из Коттеджа. Автору этих строк довелось видеть приобретенные ленинградцами в комиссионных магазинах чашечки с характерным украшением на ручке в виде белой розы и даже большое зеркало из дворца.

мелкой артиллерии, поэтому страшное количество было уничтожено крыш, и, главным образом, надо было восстанавливать крыши... Они стреляли по людям, по остановкам стреляли в часы окончания занятий, работы... <стреляли> с Пулковской горы.

<Об источнике «Блокадной книги» Д. Гранина и А. Адамовича>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: ...Было две редакции воспоминаний <директора архива Академии наук Г.А. Князева>. Одна редакция дневника, который он вел от руки, на квартире, живя на 5-й линии, там, в своем доме. А другая редакция, которую он создал после блокады. После войны он все переписал, и переписал на машинке. Причем вставил туда патриотические фразы, которых в дневнике не могло быть. Он мог быть патриотом каким угодно, но чтобы в дневник свой вносить патриотизм, что «мы победим непременно» — это неестественно, понимаете? И вот этой последней редакцией пользовался Гранин с Адамовичем. А первую редакцию, подлинную, где было гораздо больше ужасов — он <потом> это все вычеркнул — Гранин не знал. Эта редакция в архиве Академии наук, там обе редакции есть, и первая и вторая.

<Правда о блокаде>

Д.С. ЛИХАЧЕВ: По двум причинам нет правды о блокаде. Первая причина — это то, что наши отцы города терпеть не могли рассказов о блокаде, потому что чувствовали свою вину. Понимаете, неправильное распределение... ну <например>, приезжает первый самолет в <блокадный> Ленинград — и из него вываливаются — *вместо хлеба!* — вываливаются ящики с орденами и медалями: награждать героев, а *хлеб* нужен людям! Такие вот вещи... там масса была во время блокады таких ошибок сделана. А потом — число погибших. Число погибших — 600 тысяч якобы — страшно отстаивал заведующий снабжением Ленинграда. Он чувствовал как бы свою вину. На его совести —

сколько погибло. А на самом деле... <Маршал> Жуков в своих воспоминаниях пишет — миллион. Вот тут-то этот заведующий, живя в Москве, поднял страшный скандал, он стал уверять, что 600 тысяч. А 600 тысяч — только на Пискаревском кладбище. Но <еще> 600 тысяч — на Серафимовском кладбище, 600 тысяч — на Богословском кладбище, и на Волковом кладбище еще и так далее. У меня есть запись, сколько погибло по словам Петрова. Петров — это специалист-онколог, профессор, он входил в санитарную комиссию по Ленинграду. И в августе месяце 1942 г. официальное число погибших — то есть задокументированное — было миллион двести тысяч человек. И это сказал Петров Владиславу Михайловичу Глинке[1], который врать не будет. Но это не то число, которое погибло. Потому что в Ленинград сбежалось огромное количество людей из пригородов, из Новгорода, из Пскова, из Гдова, из Луги и так далее. Ведь куда бежали-то — бежали в Ленинград.

З.А. ЛИХАЧЕВА: И умирали в первую очередь.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Они умирали в первую очередь, и у них не было документов, и они были не зарегистрированы. И день и ночь их сжигали — там был кирпичный завод, где находится сейчас парк Победы (на Московском проспекте). Он <завод> сейчас разрушен. И труба этого кирпичного завода дымила день и ночь — это сжигались трупы людей.

И.Ю. ЮРЬЕВА: Есть еще где-нибудь документы подлинные о блокаде? Кто-то, наверное, вел дневники?

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Да, много. Есть документы и в Публичной библиотеке... это надо разыскивать. Они не собраны...

— Вы тоже вели записи?

З.А. ЛИХАЧЕВА: Это уже потом.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: После блокады мы стали записывать вдвоем. Зинаида Александровна записывала цены, за сколько мы продавали наши вещи, и как она <стояла в очередях>...

З.А. ЛИХАЧЕВА: Когда мы отсюда вырвались[2], мы считали, что мы не вернемся. И мы продавали всё, что у нас

[1] Известный искусствовед, музейный работник.

[2] Д.С. Лихачев, его мать, жена и две 4-летние дочери пережили самую страшную первую блокадную зиму 1941—1942 гг. и выехали из Ленинграда в эвакуацию 24 июня 1942 г. Отец Д.С. Лихачева умер 1 марта 1942 г.

было. И когда мы вернулись, у нас не было ни мебели, ничего, мы всё продали.

Д.С. ЛИХАЧЕВ: Сколько дадут — 200 граммов хлеба — пожалуйста, за 200 граммов...

З.А. ЛИХАЧЕВА: Почему мы сохранились — потому, что я всё время стояла в очередях. И все карточки у меня отоварены были, а многие ленинградцы — вот, пишет Гранин в своей книге о блокаде — там этот мальчик Юра. Когда он приходил, уже ничего не было, всё уже разобрали. А я вставала ночью и стояла ночи <в очередях>, чтобы получить продукты. Вот так.

<*Конец аудиозаписи*>[1]

Д.С. Лихачев о пушкинском Захарове

Замечания к научной концепции заповедника (1986)

Первоначальную научную концепцию Подмосковного Пушкинского музея-заповедника составила осенью 1986 г. К.М. Газалова (ГИМ) с участием других музейных специалистов — членов комиссии, созданной Министерством культуры РСФСР после выхода в «Правде» статьи о бедственном положении пушкинских мест.

Перед комиссией была поставлена задача объединить в будущем музее-заповеднике пушкинское Захарово, усадьбу Голицыных Вяземы и усадьбу Покровское-Засекино, связанную с именем Герцена (как и Захарово, эта усадьба не имела тогда никакого статуса и находилась под угрозой разрушения).

Д.С. Лихачев, выслушав концепцию, сказал: «Включение Покровского в заповедник — это правильно» (ср. ниже его высказывания о воспитательном значение Герцена).

Однако уже через месяц Д.С. Лихачев пришел к выводу о нецелесообразности объединения пушкинских мест с какими бы то ни было памятниками. Он считал очень важ-

[1] Запись Н.В. Дмитриевой. Расшифровка и публикация И.Ю. Юрьевой.

ным создание именно Пушкинского музея-заповедника в Подмосковье.

Текст концепции был прочитан Д.С. Лихачеву по телефону 14 декабря 1986 г. Ниже приводятся некоторые устные замечания Д.С. Лихачева, высказанные им в тот день и записанные тогда же (необходимые цитаты из научной концепции даны курсивом).

Составитель

Характеристика состояния памятников

I. В усадьбе Захарово... не сохранилось построек пушкинского времени... Частично сохранился парк с элементами планировки пушкинского времени...

Д.С.: Рельеф местности един. Восстановление усадьбы возможно, как это было сделано в Михайловском[1].

(*О значении для школьников и молодежи памятников, связанных с детскими годами Пушкина*).

Д.С.: И Герцена: воспитательное значение для юношества «Былого и дум» — детство, юность, клятва на Воробьевых горах.

Об этом, о работе с детьми надо писать обязательно. Это главная задача музея-заповедника — детская и юношеская его направленность, и связана она объективно с характером памятников.

<...>

В Покровском тоже имеет значение воспитание юношества. Юность <Герцена> отражена в «Былом и думах», а «Былое и думы» связаны с Покровским.

В Покровском-Засекине... Часть помещений желательно отвести под экспозицию, посвященную жизни и творчеству А.И. Герцена, другую часть — под экспозицию дворянского быта.

---

[1] Д.С. Лихачев имеет в виду восстановление пушкинских мест Псковской области, где в период фашистской оккупации были разрушены все постройки и сильно пострадали парки.

Д.С.: Не дворянский, а усадебный быт (там были и дворовые, и дворяне).

<...>

Д.С.: При восстановлении Захарова можно опираться на Фонд культуры — сбор пожертвований, организация добровольных «отрядов культуры» в помощь реставраторам.

Организовать в Захарове летнюю Пушкинскую школу[1] с двухнедельной путевкой.

Из тетради «Захарово» (1987)

Ниже приводятся записи из тетради 1987 г., касающиеся борьбы Фонда культуры за пушкинское Захарово, в том числе конспекты разговоров с Д.С. Лихачевым в январе 1987 г. Необходимые объяснения и комментарии даются в тексте <в угловых скобках> или после соответствующей записи курсивом.

Составитель

20 января 1987 г., вторник

Звонок Лихачеву в «Узкое».

Обсуждение интервью о Захарове... Ценные замечания:

1) деревья не скроют поселка три четверти года;

Речь идет о строившемся тогда новом блочном поселке в прямой зоне видимости Захарова: поселок разрушал мемориальный пейзаж, воспетый в стихах Пушкина. Местные власти предлагали скрыть этот поселок посадками деревьев.

2) праздники с конкурсами чтецов и детскими постановками Пушкина;

3) «именные» деревья с ярлычками.

По мысли Д.С. Лихачева, их должны были сажать дети, приезжающие в Захарово, но не в самой усадьбе Пушкина, а в специально выделенном для этого месте в окрестностях.

---

[1] По мысли Д.С. Лихачева Пушкинские школы дополнительного образования созданы в Подмосковье и в Тульской области, а летний детский Пушкинский лагерь устраивается ежегодно в Пушкинских Горах Псковской области.

4) «Нельзя соединять мемориальные места Захарово — Вяземы с очень значительными, но не имеющими отношения к Пушкину местами: Покровское, Саввино-Сторожевский монастырь. Эти попытки не то чтобы несостоятельны, но, в общем, Вы подберите какое-нибудь слово».

О Фонде культуры: в планах есть Захарово — Вяземы. В проекте «Пушкин и мы» Фонд культуры предлагает взять эти места под свое шефство.

(Проект утверждается в четверг — Д.С. завтра будет готовиться к выступлению на заседании Фонда.)

Против Звенигорода <Звенигородского музея>: они хотят жить в Вяземах, хотят там хорошо устроиться (личные планы, Пушкин не нужен).

Речь идет о планах московского областного Главка культуры создать в усадьбе Вяземы филиал Звенигородского музея.

Я о Г.В. Мясникове (он говорил, что нужна новая научная концепция заповедника).

Д.С.: Да, да! Без Герцена: Захарово и Вяземы как пушкинские места. <...>

22 января, четверг

Заседание Фонда культуры, приняли программу по Пушкину.

Радио- и телеинтервью Д.С. Лихачева.

TV — Какие первые задачи будет решать Фонд культуры в этом году?

1) Год юбилейный <150 лет со дня смерти Пушкина> — изучение Пушкина, сбор материалов, статьи.

2) Тематика «Пушкин и мы», т.е. Пушкин и современность.

3) Пушкин — это не только поэт, но и символ нашей культуры, а культурное наследие должно принадлежать прежде всего будущим поколениям, отсюда третья часть программы: «Пушкин и молодежь».

...Пушкинский молодежный центр <в Захарове и Вяземах>

(там будет и театр, и центр по изучению Пушкина...).

23 января, пятница

Поездка к Д.С. Лихачеву в «Узкое».

<Д.С.>:

1) «Необходимо стрелять, как фашистов, ГлавАПУ и еще Минводхоз (вредители)».

Минводхоз (Министерство водного хозяйства) отвечало за проект переброски в Волгу северных рек. С этим проектом тогда активно и успешно боролась общественность.

2) Пушкинский парк — по всей Москве <идея М.М. Баринова и Д.С. Лихачева о создании в центре Москвы «зон зелени и тишины» вблизи пушкинских и других литературных мест>.

3) Против Бондарева, Леонова (подстраиваются).

Е.***, Г.*** — воруют из старых домов <антиквариат>[1]

<...>

5) Захарово — родина Пушкина.

«Мы как раз с Ириной Юрьевной пытаемся создать в Захарове и Вяземах заповедную зону и еще — пушкинскую летнюю школу» (отдых по путевкам, по вечерам читают Пушкина, конкурсы чтецов, постановки, уезжают домой с дипломами). Хороший отдых и в то же время — интеллектуальное занятие: изучение Пушкина.

Здесь записаны слова Дмитрия Сергеевича, сказанные им кому-то, кто был у него в Узком в тот день.

<...>

В Фонде есть 120 тысяч на Захарово уже сейчас[2]. Но то, что есть деньги, — это секрет (перечислили другие союзы). <...>

---

[1] Здесь фамилии лиц, названных Д.С. Лихачевым, заменены инициалами.

[2] В 1988 г. Советский фонд культуры перечислил музею-заповеднику в Захарове 60 тыс. рублей на реставрацию фресок собора и разработку генеральной схемы развития заповедника.

Речь идет о взносах в Советский фонд культуры организаций-учредителей из числа творческих союзов.

9—12 февраля. Г.В. Мясников был в Вяземах, ему очень понравился А.И. Виноградов[1] и вообще эти краеведы-энтузиасты... Попросил, чтобы к нему пришел А.М. Рязанов[2]... О Звенигороде — «Скажите им, что вопросы заповедника решаются в Москве!».

Интервью Д.С. Лихачева об усадьбе Захарово (январь 1987)

Д.С. Лихачев писал о необходимости восстановления подмосковных пушкинских мест с 1982 г. Дело сдвинулось с мертвой точки только в 1986 г., благодаря обращению Дмитрия Сергеевича в газету «Правда», тогда центральный печатный орган ЦК КПСС, каждое слово которого было руководством к действию для чиновников. На статью в «Правде» о судьбе пушкинского Подмосковья откликнулся московский обком КПСС — выговором районному начальству и поручением создать в Захарове государственный музей. Но на этом борьба еще не закончилась. Местные власти хотели свести все к организации скромного филиала Звенигородского музея, а попутно застроить пушкинские «цветущие поля Захарьинские» современным поселком... Об этом говорил Д.С. Лихачев в интервью, подготовленном для «Московских новостей» в январе 1987 г. Тогда редакция сочла эту тему неактуальной для своей газеты, интервью не вышло в свет и сегодня публикуется впервые.

Составитель

1987 год связан с памятью замечательного русского поэта Александра Сергеевича Пушкина: открываются посвященные ему выставки, выходят в свет новые книги и статьи. Одна из важнейших проблем юбилейного Пушкинского года — сохранение мемориальных пушкинских мест, среди которых особое значение имеет подмос-

[1] Инициатор создания государственных музеев в Захарове и Вяземах, организатор народного краеведческого музея в Вяземах.

[2] Ныне — директор подмосковного Пушкинского музея-заповедника.

ковная усадьба Захарово и ее окрестности, где прошли детские годы Пушкина. О роли Захарова в нашей культуре, о задачах его музейного использования рассказывает председатель Советского фонда культуры академик Д.С. Лихачев:

— Москве крайне необходимы пушкинские места, восстановление этих мест, тем более что пушкинское Захарово связано с детством поэта и могло бы быть центром изучения Пушкина школьниками.

Пушкин не писал для детей. Не написаны для детей и его сказки. Но тем не менее именно с Пушкина начинается у каждого, говорящего по-русски, знакомство с поэзией и понимание ее. На пушкинском творчестве мы учились в детстве и продолжаем учиться взрослыми любви к слову и любви к жизни. С Пушкиным мы переживаем грусть и веселье, творческие восторги и любовь. Его стихи утешают и радуют нас, а проза делает нас экономнее в слове и тверже в убеждениях. Поэтому так важен и отдых с Пушкиным, рядом с ним, в Михайловском или Гурзуфе. Одно соседство с Пушкиным уже делает более легкой нашу жизнь, вот почему мы должны заботиться о том, чтобы Пушкин как можно раньше вошел в жизнь наших детей.

Захарово под Москвой как бы создано для такого рода воспитания Пушкиным — и тем, что оно связано с детством поэта, и тем, что оно близко от Москвы.

— Не случайно местным школьникам принадлежит инициатива проведения в Захарове Пушкинского праздника поэзии и организации в Захаровской школе первого в этих местах музея Пушкина.

Создание народных музеев в Захарове и соседней усадьбе Большие Вяземы очень важно. Однако не все проблемы может решить общественность: требуют рассмотрения в государственном плане вопросы восстановления усадьбы, предотвращения нового строительства, которое уже начато в Захарове.

— Закон об охране памятников культуры гласит, что каждый выявленный памятник имеет охранные зоны, то есть сохраняется в своей особой ландшафтной среде. Захарово — это не только пушкинский парк и пруд, но

и вся окружающая природа, «мирные картины» которой отражены в стихотворениях Пушкина. Возведение поселка в Захарове недопустимо независимо от того, видны ли его дома из пушкинского парка или скрыты за деревьями: большую часть года, особенно зимой, деревья ничего не скрывают. Проектируется дорога к поселку в том месте, где сегодня открывается вид из усадьбы на окрестные поля и речку, — это нанесет непоправимый вред мемориальному пейзажу. Начавшееся строительство в Захарове было нарушением охранных зон усадьбы, предусмотренных законом, но почему-то не утвержденных до сих пор. Эту ошибку необходимо исправить как можно скорее — остановить строительство и вернуть прежний вид уголку пушкинского детства.

— Некоторые специалисты считают, что в Захарове не сохранилось почти ничего пушкинского и поэтому не нужно предъявлять очень жесткие требования к сохранению и воссозданию усадьбы...

— Рельеф местности — самое важное свидетельство прошлого, и восстановление прежнего облика Захарова вполне возможно. До наших дней, к сожалению, не дошел усадебный дом бабушки Пушкина и другие постройки того времени, но здесь можно обратиться к опыту музея-заповедника А.С. Пушкина в Михайловском. Его сотрудники поднимали пушкинские места из руин, оставленных в 1944 г. фашистскими захватчиками. Ни у кого не вызывает сомнения, что в Захарове сохранилось больше пушкинского, чем в Михайловском и Тригорском после войны. Теперь возрожденные пушкинские места Псковской области стали культурным центром мирового значения. Об этом стоит помнить, решая вопрос о восстановлении Захарова под Москвой.

— Какие еще задачи, помимо воссоздания облика усадьбы, стоят перед нами в Захарове?

— Главная проблема здесь — даже не восстановление, а использование памятника. При планировании в Захарове государственного музея нужно с самого начала учитывать его воспитательное значение, искать новые формы

работы с молодежью, привлекать сюда школьников, как делал это прежде директор московского Музея Пушкина М.М. Баринов. Его опыт по руководству детскими праздниками в пушкинских местах можно продолжить и углубить. Например, не только проводить традиционный ежегодный праздник в день рождения Пушкина, но и организовать при будущем музее в Захарове Пушкинскую летнюю школу — детский лагерь с двухнедельными сменами. Пребывание в этом лагере было бы связано с чтением Пушкина, его изучением, просмотром фильмов о пушкинских местах и о пушкинских рукописях. Каждая смена в Пушкинском лагере заканчивалась бы своим небольшим праздником, конкурсом юных чтецов Пушкина, показом постановок по его произведениям, которые так любят делать дети...

Прекрасные воспитательные результаты дает сочетание отдыха в пушкинских местах с работой на благо этих мест. Говорят, что каждый человек должен в своей жизни посадить хотя бы одно дерево. Поблизости от Захарова можно выделить участки, где школьники будут высаживать деревья, чтобы потом приезжать сюда и заботиться о них. Тот, кто вырастит здесь свое дерево, будет бережно относиться и к другим насаждениям в парках. «Именные» деревья с указанием фамилии школьника и года посадки постепенно образуют «зеленый пояс» в окрестностях захаровской усадьбы.

— В настоящее время рассматривается перспектива музейного использования Захарова. Здесь планируется многопрофильный музей-заповедник имени Пушкина, куда помимо Захарова и соседней усадьбы Вязёмы предполагается включить Покровское-Засекино, связанное с жизнью другого русского писателя, А.И. Герцена.

Каково Ваше мнение о целесообразности объединения этих усадеб в рамках заповедника? Какое участие примет в дальнейшей судьбе Захарова недавно созданный в нашей стране Фонд культуры?

— Пушкинское Захарово составляет неделимое целое с Большими Вяземами — соседним селом, также связанным с детством Пушкина. Здесь бывала княгиня Н.П. Го-

лицына — прототип героини «Пиковой дамы», возле вяземского храма похоронен младший брат Пушкина Николай... Решая вопрос о профиле создаваемого под Москвой музея-заповедника, нужно помнить, что литературных и исторических мест в окрестностях много, а пушкинский комплекс Захарово — Вяземы по-своему уникален. Попытки объединения его с другими значительными, но не имеющими отношения к Пушкину памятниками, такими как усадьба Герцена Покровское или Саввино-Сторожевский монастырь в Звенигороде, кажутся необоснованными.

Широкая общественность высказывается за создание пушкинского музея-заповедника в Захарове и Вяземах. Пушкин — это символ нашей культуры, а культурное наследие очень важно для подрастающего поколения, поэтому трудно переоценить значение музея-заповедника, посвященного детству Пушкина и направленного на воспитание школьников и молодежи. Создание такого культурного центра под Москвой достойно быть одной из первых акций Советского фонда культуры, который в своем проекте «Пушкин и мы» планирует взять подмосковные пушкинские места Захарово и Вяземы под свое шефство.

Академик Д.С. Лихачев
Записала И. Юрьева

Частные беседы о Фонде культуры (1988)

Здесь публикуются фрагменты разговоров с Д.С. Лихачевым, записанных составителем в январе — июле 1988 г., а также записи известных выступлений Д.С. Лихачева того времени (о пожаре библиотеки Академии наук, о Петербурге его детства — выступление на встрече с молодежью в Ленинградском фонде культуры).

Особый интерес представляют высказывания Д.С. Лихачева в откровенных беседах о Советском фонде культуры.

Отдельные пропущенные в записях слова восстановлены <в угловых скобках>. Таким же образом вводятся краткие пояснения. Необходимые комментарии даются курсивом или в виде подстрочных примечаний. Если приводятся нелестные высказывания Д.С. Лихачева о некоторых лицах, их имена в публикации опускаются.

Составитель

26 января 1988 г.

Поездка в Ленинград к Д.С. Лихачеву с корреспондентом радио Надеждой Дмитриевой.

Договариваюсь с Лихачевым на 4 часа дня... Там <в квартире Лихачевых на проспекте Шверника> уже Андрей Чернов, он приехал писать Д.С. от «Огонька» про 1000-летие крещения Руси. Его Д.С. благородно отставил:

— Сначала мы отпустим наших барышень!

Но «барышни» были до седьмого часа и записали две часовые кассеты. Когда Д.С. говорил о войне, по словам Нади, у нее волосы шевелились от ужаса. Он рассказал всё — и о блокаде, и о Калаушине[1], и о М.М. <Баринове>.

Д.С. давно хотел написать и про М.М., и про Калаушина, но у него совсем нет времени.

Про Мойку, 12 <после ремонта> мы тоже записали, правда, пропустили первую фразу <Дмитрия Сергеевича>:

— Я был поставлен в такие условия, что я был вынужден защищать этот музей.

Некоторое, что он писал <на пленку>, он просил не выпускать в свет:

— Это только не для печати!

Наконец, уже без всякого магнитофона, он рассказал о Фонде культуры:

---

[1] М.М. Калаушин, заведующий литературным музеем Пушкинского Дома, инициатор и создатель музея в пушкинском Михайловском в 1930-х гг.

— П*** (запятнанный человек) — глава Российского фонда[1], а ваш Георг <Г.В. Мясников> готовит мне смену в лице Юрия Бондарева. Я бы хотел уйти из Фонда, но я уже не могу. <...>

(*В то время ходили слухи, что вместо Д.С. Лихачева, не раз заявлявшего о своей отставке, на пост председателя Советского фонда культуры прочат писателя Ю.В. Бондарева.*)

25 февраля, четверг

Часовой разговор в Фонде культуры с О.И. Карпухиным[2]... О.И. Карпухин о работе по:

1) созданию Пушкинского общества;

2) организации Пушкинской школы (лицея);

3) чуть ли не написанию Пушкинской энциклопедии...

Вечером того же дня звонила Д.С. Лихачеву в Ленинград...

Д.С.: «Если в Фонде Пушкинской программой будет заниматься О.И. Карпухин, нужно идти работать в Фонд».

— Значит, я даю согласие?

Д.С.: «Да!». В конце разговора очень тепло желает мне «самого наилучшего».

26 марта, в субботу, говорила утром с З.А.[3] <позвонила в «Узкое»>. В пятницу меня нашли из «Работницы», заказали от имени Д.С. статью о пушкинской тропе Москвы и о Захарове, <сказали,> он напишет несколько строк тоже. Я решила позвонить Д.С. за разъяснениями, но утром его не было. З.А. сказала:

— Об этом я ничего не знаю, знаю только, что вас берут в Фонд — сегодня Д.С. говорил о вас с Мясниковым...

Днем говорила с Д.С. Он поздравил меня с напутствием:

---

[1] «Российский фонд» до 1991 г. — это республиканское отделение Советского фонда культуры в РСФСР.

[2] Заместитель председателя правления СФК, отвечал за культурные программы Фонда.

[3] Зинаида Александровна, жена Д.С. Лихачева.

— Насчет Захарова — вам нужно все время следить за ними, что они <*местные власти*> там делают. И еще надо поехать в Ленинград... посоветоваться с ИРЛИ и ИМЛИ, чтобы организовать Всесоюзное Пушкинское общество...

(*Д.С. Лихачев был инициатором возрождения в нашей стране Пушкинского общества. Всесоюзное, позже — Российское Пушкинское общество было учреждено Фондом культуры в феврале 1990 г. Д.С. Лихачев был избран его председателем.*)

29 марта, вторник

...Не успела на правление <заседание президиума> ФК, где был Д.С. и где по поводу одной из программ началась настоящая склока. Программа была не готова, все начали кричать с мест, Д.С. не мог никого унять <*он мне потом все это рассказывал*>. Сам он <по словам очевидцев> говорил тихо, «по-княжески».

31 марта, четверг

...Звонок Лихачеву. Он только-только пришел в себя после правления (два дня не говорил ни о чем <даже> с З.А. — молчал). Он правит текст <о М.М.Баринове>, дополняет свою врезку в «Работницу».

<Предварительно> по телефону мы обсуждали с Д.С. эту статью. Я спросила, какую врезку дать от него.

Д.С.: Что «Пушкин — это наше все» и что важен и отдых с Пушкиным, и прогулки... <*продиктовал несколько фраз*> А еще — я не знаю...

Я — о Суйде и Захарове. Он согласен:

— Да! Да!

(*Всё это я напечатала и передала ему через Л.П. Суворову, он правил и дополнял, а когда все было готово, я поехала в «Узкое» забрать эти материалы.*)

...У входа <в санаторий «Узкое»> вижу машину Фонда культуры, а в пустом коридоре слышу голос Д.С. Он спускается с лестницы и идет мне навстречу — измученный,

слабый – с З.А. и своим помощником из Фонда культуры: его окружили люди Фонда и атакуют даже в «Узком»...

14 апреля, четверг

Показ в Фонде культуры фильма «Дым отечества» о пожаре библиотеки Академии наук.

Фильм снял оператор, который случайно оказался на пожаре, потом ему запретили снимать. Они <авторы фильма> вывезли в целях безопасности пленку из Ленинграда и крутят ее по стране. Ленинградские власти пытались замять все дело, огласил его Д.С. Лихачев и вскрыл истинные размеры бедствия: тысячи книг XVIII, XIX века сгорели, в том числе уникальные, остальные промокли (в основном, заливали водой – много часов лили воду, потому книги подмокли, и Д.С. говорил, что гибель книг продолжается – плесень и грибок).

Фильм ведет Д.С. Лихачев: это – шестой пожар в Ленинграде с 1986 г. (до того горели Институт культуры с библиотекой, Юсуповский дворец, один из факультетов ЛГУ, церковь Св. Екатерины с хранилищем и т.д.). И затем – страшное пророчество Д.С. Лихачева, что в кольце пожаров Пушкинский Дом, и сгорит он не за 19 часов, а за 19 минут.

Д.С. на экране: «14 февраля 1988 г. произошло большое национальное бедствие... Если у нас будут гореть библиотеки, то мы погибнем – погибнет русская нация, русская культура».

Картина конца света: после пожара разрушенные залы библиотеки с хлопьями <пены> от огнетушителя на стенах и с обгоревшими книгами. Их <книги> выносили пожарные, у них плавились каски, 30 человек получили ожоги. Как и в Чернобыле, простые пожарные многое спасли. А начальство БАН пыталось закопать пепел с книгами бульдозером, чтобы скрыть размеры потерь (пепел на виду – его выбрасывали из окон). Люди разгребали его, доставали книги, там была молодежь из «Союза спасения», а фи-

лологи-студенты ЛГУ не пошли на пожар, т.к. у них в тот день была дискотека[1].

28 апреля, четверг

Подходя утром к Фонду, увидела остановившуюся у дверей черную «Волгу». Из нее А.Я. Компаниец[2] выводит Д.С. Лихачева <...>.

Днем намечена встреча Д.С. с завотделами. Вдруг приходит Олег Иванович <Карпухин> и предлагает взять на совещание меня, т.к. главный вопрос, интересующий Д.С., — вопрос о Пушкинской программе. Л.Г. Быстров[3] горячо поддерживает идею моего выступления:

— Дмитрию Сергеевичу будет приятно видеть Ирину Юрьевну в рабочем состоянии!..

Около трех часов он повел меня к Карпухину... Д.С. Лихачев сказал: «Меня не интересуют ваши отчеты, мне нужны ответы по существу нескольких вопросов. И давайте, наверное, начнем с Пушкина»... О.И. Карпухин сказал Д.С. Лихачеву:

— Мы как раз пригласили И.Ю. — она этим занимается...

— И.Ю., каков ваш статус в Фонде? — как бы меня не зная, спросил Д.С. Лихачев.

— Эксперт отдела программ.

И в этом качестве я уверенно произнесла большую речь о Захарове, Суйде и Пушкинском обществе, хваля попутно Фонд и лично В.М. Новикова[4] <за спасение Захарова> и перебивая Д.С. Лихачева, когда он что-то дополнял. В конце, когда я мучительно соображала, что еще забыла сказать, сам Д.С. спросил о ВМП... Д.С. Лихачев назвал эту

---

[1] В этой записи о пожаре БАН отражено не только содержание фильма «Дым отечества», но и переданы устные рассказы Д.С. Лихачева.

[2] Ответственный секретарь президиума СФК.

[3] Заведующий отделом программ Фонда.

[4] Заведующий отделом общественных инициатив Фонда, занимался в Фонде проблемами охраны памятников, в частности, проблемами Захарова.

экспозицию лучшей и главной пушкинской экспозицией страны и сказал о необходимости ее полной фиксации[1].

24—28 мая, Ленинград

25, среда

...<Из города Пушкина> еду в Фонд <Ленинградское отделение СФК на Невском проспекте>, где встреча Д.С. Лихачева с ленинградской молодежью.

Встречу Д.С. в фонде ведет Миша Талалай[2]. Д.С. очень хорошо говорит об образе города, о горизонталях (вода, набережная и sky-line <небесная линия (*англ.*)> — линия крыш) и противопоставленных, подчеркивающих их вертикальных шпилях[3]; о легендах этого города. Очень интересно о старом Петербурге детства Д.С.

Запись выступления Д.С.Лихачева:

Образ города. Главная особенность — горизонтали (единственный город на равнине). <...> sky-line — пунктирная линия крыш домов — ценность рядовой застройки; призрачная линия — размытая, не сплошная.

В образе города сказывается не только архитектура, но и литература — мифы о Петербурге (Гоголь, Достоевский, Блок, Андрей Белый — у каждого свои легенды, у каждого свой Петербург).

---

[1] Речь идет о главной монографической экспозиции Всесоюзного музея А.С. Пушкина (ВМП) «Пушкин: личность, жизнь и творчество». Экспозиция много лет располагалась в церковном флигеле Екатерининского дворца в Царском Селе — напротив Лицея. В апреле 1988 г. она была «выселена» хозяевами помещения — дирекцией Екатерининского дворца-музея (ныне — музей-заповедник «Царское Село»). Несмотря на вмешательство общественности и прессы, дирекция дворца-музея отказалась продлить аренду ВМП, и экспозиция на несколько лет была закрыта. В настоящее время она развернута на набережной Мойки, над музеем-квартирой Пушкина. Против такого решения долго, но безуспешно протестовал Д.С. Лихачев.

[2] В то время сотрудник Ленинградского отделения СФК.

[3] Этот рассказ Д.С. Лихачева лег в основу его статьи «Небесная линия города на Неве» («Наше наследие». 1989. № 1. С. 10–13).

Мифы:

1) Петр заложил город на пустом месте (на самом деле — путь из варяг в греки; позже — шведские поселения etc.). Миф поддержал и развил Пушкин;

2) зыбкость, непрочность города — этот город должен разрушиться, исчезнуть. Останется лишь <«медный всадник»> Петр на своей скале (он скачет к Неве — это одна из трех площадей города, открывающихся на реку; по легенде, здесь Петр перескочил на коне реку).

Об исторических изменениях и реставрации:

1) нельзя реставрировать на такую-то эпоху <восстанавливать памятник в том виде, каким он был в определенное время — например, в период постройки>. Задача реставрации — продлевать жизнь здания, а не разрушать его;

2) подлинного все равно не вернешь — нельзя стремиться к точному восстановлению.

Например, в пушкинское время — кусты, стены кустов в Летнем саду. Их вырубили в 20-е гг., в годы детства Д.С., для безопасности, т.к. было неспокойно (там прятались хулиганы).

Не все изменения плохи: в детстве Д.С. пугался правительственных зданий и Зимнего дворца («дом, где живет Государь»), выкрашенного в кроваво-красный цвет.

Это цвет перчаток графини <?> Лопухиной, с которой танцевал на балу Павел Первый и обещал выкрасить в такой цвет все правительственные здания, что и было исполнено[1]. Лишь Адмиралтейство сохраняло свой подлинный спокойный <бело-желтый> цвет (как и ныне) — «у моряков сохранялись свои традиции».

Потом идет беседа с неформалами, я задаю вопрос о Суйде, Д.С. отвечает мне, называя «Ириной Юрьевной». Все это снимается на камеру (делают большой фильм о Лихачеве). Сижу среди ленинградских неформалов (в своих

[1] Здесь Д.С. Лихачев передает легенду, бытовавшую в Петербурге.

брюках и кроссовках не рискую сесть среди солидных гостей Д.С., к которым меня выдвигал М. Талалай).

В конце <беседы> приходит с Мойки С.М. Некрасов[1] с теми из Ленинградского отделения Фонда, которые выступали сегодня в музее. Дурные новости о ВМП. <Дирекция дворцов и парков города Пушкина не продлевает аренду Церковного флигеля.> С.М. Некрасов – о переезде коллекции на Мойку.

Д.С.: «Если аренду не продлят, коллекция переедет в Москву!»

Замученный киношниками и общественностью, Д.С. не глядя подписывает все письма (в том числе об альбоме ВМП и о Захарове). Это знак доверия:

– Если бы не Вы, я бы не стал этого делать!

(*Целую пачку писем от имени СФК я привезла из Москвы на подпись Д.С. Лихачеву. Только два письма по Пушкинской программе готовила я, остальные касались каких-то других программ Фонда. Д.С. стал подписывать их, не читая и даже не открывая – только приподнимал край верхнего письма и ставил свою подпись на следующем. Я взмолилась: «Дмитрий Сергеевич, прочтите!» На что он ответил: «Я Вам полностью доверяю!» – и произнес приведенную выше фразу, что, если бы не я, он не стал бы этого делать.*

Такое доверие, конечно, очень лестно, но правды ради нужно сказать, что Д.С. не читая подписывал бумаги очень многим. Некоторые пользовались этим и подсовывали ему на подпись сомнительные документы. Отсюда – часто противоположные письменные суждения Д.С. об одном и том же предмете. Будущим издателям полного собрания сочинений Д.С. Лихачева нелегко будет разобраться, что Д.С. писал сам, а что за него писали другие.)

26, четверг

Звоню Л.Г. Быстрову, он настаивает на том, чтобы я встретилась с академиком[2] и поговорила об отделе.

---

[1] Директор Всесоюзного, ныне Всероссийского музея А.С. Пушкина.

[2] Сотрудники Фонда между собой называли Д.С. Лихачева «Академик».

Из Ленинградского фонда, где делаю ксерокс пушкинской программы, звоню Д.С. Лихачеву. Он примет меня сейчас... Д.С. подписывает <перепечатанный начисто текст его воспоминаний> о М.М. <Баринове>, берет программу, говорит о фонде. Интересные сведения:

1) о Г.В. Мясникове, В.Д. Новожилове[1], А.Я. Компанийце, В.П. Енишерлове, который за Мясникова;

2) о поездке в Англию и телефонном звонке «ВВС»:

— Вы верующий?

— Я **не** атеист.

Это подслушал К*** и передал Мясникову, тот с простотой сознался:

— Да, да, я знаю: вы ответили, что вы верующий!

*(Во время поездки Д.С. Лихачева в Лондон с Г.В. Мясниковым и другими сотрудниками Фонда ему в гостиницу позвонили с Би-би-си и взяли интервью по телефону. По словам Д.С., один из сотрудников, К***, находился тогда в соседней комнате. Д.С. Лихачев считал, что К*** «приставлен» к нему от КГБ, и не был сильно удивлен, когда выяснилось, что он подслушивал. Гораздо больше удивил его Г.В. Мясников — узнав от К*** подробности интервью, он в разговоре с Дмитрием Сергеевичем не скрыл своей осведомленности.)*

3) о Форуме за выживание человечества: М.С. Горбачев и А.Д. Сахаров со списком 200 политзаключенных.

(*Помню, Д.С. сказал: «Они очень понравились мне оба» — как держал себя Горбачев при встрече с академиком Сахаровым и как Сахаров, благодаря за свое освобождение, подал ему список политзаключенных, которые еще не освобождены.*)

16 июня, четверг

Закрытый президиум. Утверждение Пушкинской программы.

...Документы закрытого президиума попали к нам в виде стенограммы 24 июня, в пятницу. Это кошмар! Проскурин с Бондаревым против Коротича, за современный журнал

---

[1] Заместитель председателя по производственной деятельности СФК.

«Наше наследие». Против один Д.С. Лихачев («Если Фонд ввяжется в это дело, я уйду из Фонда») ...

4—20 июля, Питер

Калейдоскоп событий... поездка с Гелей <Белковой[1]> в Комарово, четырехчасовой разговор с Д.С. ...

Запись беседы Д.С. Лихачева

• Архангельск — Ксения Петровна Гемп[2] (архив, воспоминания о смерти Флоренского, воспоминания о Седове) — забрать архив в СФК (местные власти против нее).

• Псков — Скобельцын Борис Степанович[3]
усадьбы; памятники Пскова — фото;
дворянский альбом XIX века с автографом Анны Керн;
сделать фотовыставку его работ...

• Л<енингра>д... Вилинбахов Георгий Вадимович (Эрмитаж, специалист по военной геральдике — <пригласить его> в совет «Армия и культура»). Командировать его за границу по линии СФК за архивом Стравинского.

• Нужен архив в СФК: Д.С. передаст туда 4 папки своих и чужих воспоминаний, туда же — архив Гемп etc. (ехать в командировку в Архангельск, записать на магнитофон воспоминания ее о смерти Флоренского).

• О библиотеках и архивах:

Нужна реплика в «Советской культуре»[4] о положении в библиотеках. ...

Снимать ксерокопии документов.

Поднимать народ <исследователей> на работу в архивах и публиковать найденное в приложении к «Нашему наследию».

---

[1] В то время — редактор «Нашего наследия».

[2] Писательница, краевед, автор книги «Сказ о Беломорье», к которой Д.С. Лихачев написал предисловие.

[3] Известный архитектор-реставратор, из рода псковских дворян. Семейный альбом с автографами знакомых Пушкина, а также коллекцию своих фотографий, запечатлевших старинные псковские усадьбы, Б.С. Скобельцын при жизни передал в Псковский объединенный музей-заповедник.

[4] Теперь — газета «Культура».

Himself[1] <Д.С. Лихачев>, Е.П. Велихов и <митрополит> Питирим выступили за создание международного института духовной культуры восточных христианских церквей (himself против религиозной газеты для православных верующих <нужно тогда делать газету и для мусульман etc.>).

«Наше наследие»

1) Л.М. Смирнов[2] знает наследников шотландского фотографа, который снимал старый Петербург (были публикации фотографий в «Декоративном искусстве»): связаться с наследниками <этого фотографа> в Лондоне.

2) неопубликованный архив Ремизова в Пушкинском Доме.

3) Статья Д.С. (образ города) начнет цикл статей о Петербурге (биография одного дома; Сенная площадь etc.).

Вообще давать циклы о городах; возродить традиции краеведения 20-х гг.

4) Первый выпуск архивного приложения к «Нашему наследию» — Т.Ю. Мальцева «Ганнибалы в Псковском крае»[3].

5) <u>Пушкинский номер:</u>

Лотман[4]. Кризис пушкиноведения;

«круглый стол» по Пушкинской программе;

Набоков. Комментарий к «Евгению Онегину»[5];

декабристы — архивные материалы;

Шах. о Чаадаеве;

---

[1] Он сам (*англ.*).

[2] Заведующий отделом редакции журнала «Наше наследие».

[3] Т.Ю. Мальцева — научный сотрудник Пушкинского заповедника «Михайловское», изучала архивы, связанные с Ганнибалами. Ее книга не вышла в качестве приложения к «Нашему наследию», но была издана посмертно в 1999 г. Московским фондом культуры.

[4] Ю.М. Лотман, ученый-пушкинист, член Совета фонда по Пушкинской программе.

[5] Комментарий В.В. Набокова к «Евгению Онегину» в переводе с английского опубликован в «Нашем наследии» в № 3 (9) за 1989 г.

главы из книг: Н.А. Раевский «Жизнь за Отечество», Н.И. Грановская[1];

воспоминания о пушкинистах.

Д.С.: «В «Наследии» должны быть серьезные научные культурологические статьи, а не публицистика».

Пушкинская программа

Д.С.: «Н.Н. Скатов[2] против научной деятельности Пушкинского общества, ссылается на Пушкинскую комиссию. Но у Пушкинской комиссии Академии наук нет ни средств, ни прав. Я сам — председатель <этой комиссии>, у меня один Фомичев[3].

Нужно Пушкинское общество, работа на местах и научная деятельность в направлениях, которые никто не ведет».

- Свод пушкинских мест;
  картотека памятников.

Издавать эти материалы, как у Филатова по Нижнему — «Нижний Новгород пушкинской поры».

- В каждом городе издать книгу «Город пушкинской поры» (не только дома, непосредственно связанные с <посещением> Пушкиным, но и те, которых он, может быть, и не видел — они составляют образ города той эпохи).

Издавать картотеки пушкинских усадеб, альбомы <с видовыми фотографиями>.

Заснять старый дуб на Аптекарском острове[4] (возле дома Вяземского, где он принимал Пушкина).

(*Д.С. Лихачев был инициатором фотофиксации парков и отдельных деревьев-современников Пушкина. Фонд осуществил в 1990 г. несколько экспедиций по тверским*

---

[1] Н.А. Раевский — участник Первой мировой войны и Белого движения, пушкинист-исследователь. Н.И. Грановская — старейший музейный работник, хранитель ВМП.

[2] Директор Пушкинского Дома (ИРЛИ).

[3] С.А. Фомичев — в то время ученый секретарь академической Пушкинской комиссии, которую возглавлял Д.С. Лихачев.

[4] Дуб, посаженный Петром I, погиб в год 300-летия Петербурга в 2003 г.

и псковским усадьбам, где были засняты профессиональными фотографами как архитектурные памятники, так и парки.)

В программе подчеркнуть нравственное значение творчества Пушкина: тема памяти в его лирике, культ дружества.

Создавать попечительские советы в пушкинских местах, общества друзей музеев (Суйда, Кобрино). Чтобы они собирались регулярно, раз в 2 недели; Фонду культуры их подкреплять, взять под опеку[1].

Общий совет: Суйда, Кобрино, Выра, Рождествено[2]. Пушкин и Набоков.

Д.С.: «СФК должен издавать не альбом Нади Рушевой (детское творчество), а выдающиеся памятники культуры (не компрометировать Фонд)».

ВМП во флигеле Екатерининского дворца — осветить в прессе <закрытие пушкинской экспозиции>.

Во всем больше информации: например, решая вопрос о музеефикации квартиры Флоренского, надо выехать на эту квартиру с TV и прессой.

Здесь записана лишь малая часть того, что говорил в тот день Д.С. Лихачев — наша беседа продолжалась четыре часа.

Лихачевы угощали нас обедом, хотя приготовить его Зинаиде Александровне было нелегко: на их академической даче, построенной при Хрущеве в ожидании скорой победы коммунизма, не было кухни (как объяснял мне Д.С., считалось, что при коммунизме академикам будут привозить на дачу уже готовые обеды, надо будет их только разогревать). В тот день, как обычно, З.А. хлопотала в заменяющем кух-

[1] В конце 1988 г. был создан попечительский совет пушкинских музеев и памятных мест Ленинграда и области при СФК.

[2] Здесь Д.С. Лихачев перечисляет «пушкинские» места под Петербургом — усадьбы предков Пушкина: Суйда и Кобрино, музей «Дом станционного смотрителя» в Выре — и соседнюю усадьбу Рождествено, принадлежавшую В.В. Набокову.

ню закутке, а Д.С. сам накрывал на стол. Потом он вызвался проводить нас на станцию и ради этого случая переоделся в какой-то сюртук, застегнул его на все пуговицы, а З.А. сказала: «Митя, ты бы галстук надел — ты же с девушками идешь!» Д.С. надел и галстук и с гордым видом повел нас от дачи к станции, пропуская нас с Гелей вперед на тропинке среди сосен и вежливо раскланиваясь с теми, кто встречался по пути.

Запись и публикация
И.Ю. Юрьевой

Выступление Д.С. Лихачева в Пражском Карловом университете 18 декабря 1991 г. на церемонии присуждения ему степени почетного доктора университета

Подготовительная рукопись

Почти четверть века назад я был в Праге на Всемирном съезде славистов, который проходил буквально за день до ввода в Чехословакию советских танков.

С этого ввода танков началась новая эра в борьбе за свободу, за настоящую свободу. И у вас, и у нас.

Первая демонстрация в нашей стране с требованием свободы прошла у нас на Красной площади именно в связи с событиями в Праге. В этой демонстрации участвовало всего несколько человек. Их было мало не потому, что все остальные боялись, но потому, что мы не знали, как их организовать, как собирать народ. Нами руководил не страх.

Напротив! Ввод танков был так ужасен, что страх пропал. Народ в транспорте, на улицах, в обычных для нас очередях выражал открыто свое возмущение. Из открытых окон в Комарове, где я тогда был, громко звучали передачи по радио иностранных станций.

В Доме творчества писателей в Комарове люди впервые открыто и громко возмущались тем, что произошло.

И нам всем было бесконечно стыдно. Чувство нашей вины нас не покидало, хотя мы ничем не способствовали тира-

нии, мы сами были жертвами тирании. Мы стыдились того, что гнездо тирании было у нас, на нашей земле, в нашей столице.

Поэтому темой своей короткой речи я избрал вопрос о том, что следует считать достоинством нации, народа.

К стране, к народу, к нации должны быть применены те же критерии достоинства, что мы применяем к отдельному человеку, к личности человека. Это мое главное убеждение.

Как мы оцениваем человека?

По уму, воспитанности, скромности, нравственности, уживчивости с другими, неагрессивности, уважению к старикам, заботе о детях, о будущих поколениях, по доброте и т.д.

Как оценивают себя государства и грубые националисты?

Как можно больше территорий.

Как можно больше военной силы,

военной мощи; сильная армия,

огромное число танков.

Страх, внушаемый государством.

Авторитет государства строится на архаических представлениях об «авторитете» человека, частично еще восходящих к первобытному обществу: на принципах, на основе которых выбирался вожак стаи или вожак племени, «вождь» (недаром это слово возродилось применительно к современным народам в XX веке: вождь — Сталин, вождь — Гитлер...)

Между тем авторитет страны должен измеряться не числом танков, а *числом* известных авторитетных университетов, числом больниц, госпиталей, хороших школ, *качеством* науки, музыки, живописи и т.д., трудолюбием населения, поведением населения.

Есть одно особое обстоятельство, на которое следует обратить самое серьезное внимание особенно сейчас. Это отношение к другим народам.

Мы ценим в любом человеке его дружелюбие, общительность, его понимание собеседника, вообще «другого» человека.

Но вновь образовывающиеся на территории нашей страны независимые государства в большинстве своем отдают предпочтение только одной, господствующей, своей национальности.

В России старой, царской, как бы к ней ни относиться, было более 300 народов, народностей, этнических групп.

И если говорить в целом, то Россия их сохраняла. Вина России была перед евреями: тех, кто не имел профессии, не имел высшего образования, держали в так наз<ываемой> «черте оседлости». В высшие учебные заведения евреи принимались по определенной процентной норме (касалось это только евреев, признававших Талмуд, — не караимов и не принявших крещение).

Антисемитизма не было в русском крестьянстве и в интеллигенции на Севере страны.

Вина русского государства была перед поляками, которые должны были иметь самостоятельное государство.

Однако положение татар, финнов, кавказских народностей ничем не отличалось от русских. Знать татарская и знать кавказская признавалась — признавались их князья, как и прибалтийские бароны и графы.

Самые богатые люди в России были князья Юсуповы и эмир Бухарский. На моей памяти финны, ижора, вепсы, ингерманландцы в Петербурге пользовались таким же уважением, как и русские крестьяне.

Нынешнее несчастье с малыми народностями состоит в том, что отделившиеся государства сразу, большинство из них, становятся угнетателями своих национальных меньшинств. Не буду называть эти государства: о них знают все.

Национализм — страшное бедствие современности.

В чем его причина? В том, что народы слишком мало знают друг о друге. Не знают культуры своих соседей. Имеют самые посредственные сведения по истории. При этом в исторической науке очень много мифов, ложных представлений, фальсификаций. Да и вообще мы часто подчиняем культуру политике.

Привычка политизировать свои знания, образовавшаяся за годы советской власти (да и раньше она была), дает себя знать и сейчас.

К тому же мы чаще помним дурное, чем хорошее. Человечество *злопамятно*, а не добропамятно. Даже понятия *добропамятности* нет в языке.

Поэтому я на протяжении всех последних лет, когда это стало возможным, ратую за подъем культуры.

Без культуры невозможен подъем экономики, нравственности, государственного самосознания.

Для этого нужны высокие средние школы, уважение к гуманитарным знаниям, к искусствам (особенно к музыке). Сохранность наших книжных, музейных и архивных богатств. Книги, картины, документы «говорят» даже тогда, когда молчат люди. Это посредники между поколениями и народами, между различными культурами.

Один из самых высоких показателей достоинства народа — это отношение к своему культурному наследию. Это и показатель самоуважения.

И здесь позвольте мне вернуться к тому, с чего я начал, — к Праге. Я не был здесь 23 года. Впечатление огромное. Главным образом от той деликатной реставрации, которая ведется. Сохраняется характерный облик города. Нет никаких новых зданий и изменений, которые бы нарушили дух золотой Праги.

И я вполне присоединяюсь к тому восторженному отношению к Праге, которое проявил почетный доктор Карлова университета His Royal Majesty Prince of Wales[1], принц Чарльз, книга которого «A view of Britain» должна служить главным ориентиром в современном сохранении старых городов.

В 20-е годы Прага была важнейшим русским культурным центром. И я не могу не вспомнить об этом сейчас, выступая здесь в Карловом университете. Здесь нашли себе приют такие ученые, как Кондаков, Кизеветтер, Савицкий,

[1] Правильно: «His Royal Highness» — Его Королевское Высочество Принц Уэльский.

Лапшин, Ильин, Лосский, Андреев, П.Г. Богатырев, Р. Якобсон, Ляцкий, Новгородцев, Францев, Флоровский и многие, и многие другие[1].

(Крамарж[2])

Были организованы общества и институты. Низкий, низкий поклон Праге за это.

Для меня высокая честь быть почетным доктором Карлова университета. И я не могу не вспомнить, что до меня здесь получили свой докторат мой учитель академик Жирмунский и мой старший друг Роман Якобсон.

Д. Лихачев

16/XII–91

---

[1] Здесь Д.С. Лихачев перечисляет русских ученых-эмигрантов, в основном известных философов и историков: И.А. Ильин, о. Георгий Флоровский, Н.О. Лосский, П.Н. Савицкий (лидер евразийцев), А.А. Кизеветтер и др. Многие русские ученые были связаны с Карловым университетом в Праге. Профессорами университета были названные здесь историк Н.И. Кондаков, философ И.И. Лапшин, филолог Е.А. Ляцкий; в Карловом университете учился будущий профессор Кембриджа Н.Е. Андреев. Выдающийся лингвист Р.О. Якобсон стал почетным доктором Карлова университета (о чем упоминает ниже Д.С. Лихачев). До Второй мировой войны Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев были участниками известного «Пражского лингвистического кружка». Д.С. Лихачев говорит далее о русских академических институтах и научных обществах, работавших в Чехословакии до Второй мировой войны. Наиболее известным был Русский институт в Праге, который возглавляли упомянутые Д.С. Лихачевым историк П.И. Новгородцев и философ, славист В.А. Францев.

[2] Имя приписано Д.С. Лихачевым на полях рукописи. Карел Крамарж – чешский политический и государственный деятель, первый премьер-министр Чехословакии. К. Крамарж и его жена, русская по происхождению, оказывали значительную поддержку русским эмигрантам.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

[1] В указатель включены имена лиц, названных Д.С. Лихачевым, а также авторы выступлений на заседаниях Фонда (ссылки на страницы, где приведены фрагменты выступлений, выделены полужирным шрифтом). Знаком * отмечены лица, сотрудничавшие с Фондом культуры, члены руководящих органов и штатные работники Фонда.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛИХАЧЕВ. НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА РОССИЙСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

Редактор *Д.Н. Бакун*
Художник *В.С. Голубев*
Корректор *М.С. Смирнова*
Оригинал-макет *Е.Г. Щербаковой*

Подписано в печать 10.11.06 г.
Формат 84x108/32
Тираж 2000 экз. Заказ № 5075

Российский Фонд Культуры
119019, Москва, Гоголевский бульвар, 6
Тел.: (495) 739-20-70
Факс: 291-71-80

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6